ПРЕМИЯ ВАЛЬТЕРА СКОТТА 2025

Эндрю Миллер

Земля под снегом

CORPVS

Роман

Прекрасно написанный, неторопливый роман передает дух времени и места и исследует глубины человеческой души.
THE BOOKSELLER

Земля под снегом
Эндрю Д. Миллер

Аннотация
Эндрю Миллер. Земля под снегом. Роман
Часть первая. В вышину
7 декабря 1962 года
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
14 декабря 1962 года
1
2
3
26 декабря. День подарков
Часть вторая. Земля под снегом
3 января, четверг
5 января, суббота

8 января, вторник
9 января, среда
10 января, четверг
11 января, пятница
12 января, суббота
Часть третья. Жить своей жизнью
1
2
3
4
Благодарности

Аннотация

1962 год, сельская Англия. Доктор Эрик Парри, человек, умеющий держать свои тайны при себе, отправляется по вызовам, а его беременная жена еще спит в их теплом, уютном коттедже. На ферме неподалеку, в домике, который невозможно протопить, спит еще одна беременная женщина – Рита Симмонс, но и во сне ее преследуют воспоминания о прошлой жизни. Ее муж на ногах с самого утра – возится в коровнике. Отношения в обеих парах достаточно ровные – привязанность точно присутствует, а может, и любовь. Но декабрь приносит метели, наступает небывало суровая зима. И наших героев ждут испытания не только погодой.

Эндрю Миллер
Земля под снегом
Роман

Andrew Miller
The Land in Winter

* * *

© Andrew Miller, 2024
© Л. Мотылев, перевод на русский язык, 2025
© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2025
© ООО «Издательство АСТ», 2025
Издательство CORPUS ®

* * *

Посвящается музыкантам

Так или иначе, наряду с развитием психически здорового «я» в здоровом мире всегда, я думаю, идет, хоть и в разной степени, развитие безумного «я» в сотворенном им же самим безумном мире.
Роджер Мани-Керл. «О боязни сумасшествия»

НАНА: Не должна ли любовь быть единственной истиной?
ФИЛОСОФ: Для этого любовь всегда должна быть истинной.
Жан-Люк Годар. «Жить своей жизнью»

Зимнее время – женское время…

Сильвия Плат. «Зимовка»

Часть первая
В вышину

7 декабря 1962 года
1

Он лежал на лакированной деревянной доске, которой был накрыт радиатор. Доска в ширину была как его плечи, и он знал по болезненному опыту, что надо подняться таким манером, каким оживший мертвец мог бы сесть в гробу. Крутанешься набок и окажешься на полу.

Высокое окно над радиатором было занавешено тонкими занавесками в полоску — узор из коричневых, зеленых и красных линий. Он отвел уголок и выглянул. Вселенская глубь, самое сердце ночи, сквозь туман горит единственный оставленный огонек над дверью трудотерапии.

Который час? Он высеивал время из воздуха, из множества мелких подсказок в нем. О наличии того, об отсутствии этого. Когда он только поступил, у него были часы на коричневом кожаном ремешке, из лучших его вещей. Удалось сохранять их две недели, пока не стибрили. Он знал кто: человек, который через полгода умер в столовке, вдохнув полный рот картофельного пюре. Часы, должно быть, отдали его родственникам

вместе с десятком разного прочего из его тумбочки. Они, может быть, удивились: даже и не знали, что у него есть такая симпатичная вещь.

Он отпустил занавеску. Интересно, что его разбудило. Не было ни крика, ни суеты, ни бегущих ног. Полная тишина. Общая комната, где он лежал, обширная, с высоким потолком, была пуста. Но где-то что-то переменилось. Что-то либо свалилось наземь, либо вознеслось в вышину.

Он одним махом сел на доске, спустил ноги. Пригладил волосы, какие оставались, и окинул взглядом комнату. Строгого вида маленькие столы, строгого вида стулья при них, пепельницы из фольги. На стене, привинченная и вне досягаемости, картина с аэростатами; на противоположной стене, тоже привинченное и тоже высоко, фото молодой королевы в коронационной мантии.

Кроме обуви, он был полностью одет. Коричневый костюм в тонкую полоску, под пиджаком кардиган — подарок от дочери, младшей из двух, на прошлое или позапрошлое Рождество. Красный, шерстяной, теплый, правда, чуть великоват — всегда был или становится. Старшая уже годы как не появлялась. Раньше это его, кажется, тревожило. Теперь перестало.

Не сонный теперь, с ясной головой в один из

промежутков, когда то, что ему дают, утрачивает силу, он встал, нашел устойчивое положение и двинулся вперед. В одних носках мог перемещаться почти беззвучно. Из общей комнаты в коридор. В общей пол был деревянный, но в коридоре плитка из линолеума, геометрические фигуры, яркие цвета. Тут не зависнуть бы, не пытаться наступать только на зеленые квадраты, не застрять на красном треугольнике. Плитки были новые, часть общего плана сделать тут все оптимистичней. На эту тему к ним обратился директор больницы. Целую речь произнес в церкви после воскресной службы из-за черной деревянной кафедры. «Пришло время перемен, дамы и господа! Мы вступаем в эру возможностей!» Через несколько недель появились плитки, а в столовке поставили репродуктор, он играл одни и те же три вальса снова и снова, пока один в военном кителе и со шрамами на лице, новый здесь, не прихлопнул его стулом.

Дверь ординаторской была открыта. В кресле, тихонько похрапывая, сидела фигура в белом пиджаке. Иэн, эту неделю он ночами. На канцелярском шкафу потерявший волну радиоприемник шипел, как газ при утечке, потом вдруг высказался, что-то спросил на незнакомом языке.

Рядом с приемником пустая пивная бутылка и пачка «вудбайнов» без фильтра. Он потянулся от двери, вытащил одну из оставшихся сигарет и сунул в карман кардигана. Часы в ординаторской показывали без десяти пять.

Дальше по коридору одна из задних палат. Каждая палата носила название, эта называлась «Фермер». Двадцать коек по одну сторону, двадцать по другую. Вдоль всего помещения ночники изливали свет, похожий на растопленный воск. Он двинулся по центральному проходу, поглядывая на головы, спящие, кроме нескольких, глядевших ему навстречу. Ни один не бормотал сейчас, не скулил. Из всех часов дня и ночи этот был самый оголенный. Никто снаружи не шел по дороге ни к ним, ни от них. Внутри даже самые беспокойные наконец угомонились, обессилев. Два часа до конца ночной смены.

Вот его собственная койка, над крючком, где висит другой его пиджак, табличка с именем и фамилией: Мартин Ли. Дальше по той же стороне койка Стивена Стори; он дошел и остановился у железного изножья. Взбугренная постель с подушкой под одеялом создавала ложную фигуру спящего — можно, пожалуй, и обмануться, глядя от двери.

Это, что ли, его разбудило? Стивен? Он был сыночком всей палаты, совсем скоро ему домой, до Рождества точно. Юноша, позавчерашний мальчик, он писал мелким аккуратным почерком в маленьких тетрадках, которые ему привозила мать. Когда санитарная машина не спеша доставила его откуда-то, где то ли его не хотели держать, то ли не могли с ним справиться, в первые недели он резал себе кисти рук всем, у чего был какой-никакой край, но это ему поправили. Он играл в шахматы с каждым, кто соглашался сесть за доску. В классе деревообработки у мистера Хичкока они с Мартином последнее время сидели на скамье рядом. Делали игрушки всех видов: деревянные лодочки для прудиков, детские пушечки, волчки. У него была волна каштановых волос и приятная улыбка, застенчивая, хотя в глаза тебе он был не прочь посмотреть. Раз его застали поющим в полном одиночестве под навесом у футбольного поля. Даже персоналу здесь было ясно, что он достоин будущего. Так где же он?

За палатой умывальня. Мартин поискал его среди капающих кранов, вдыхая запах мокрых полотенец. Тут не было ночников, но сквозь одно из матовых стекол просачивался свет наружного

фонаря. Откуда-то шло шипение. Он нашел этот кран и подержал пальцы под витой струйкой. На полочке наверху стояла широкая склянка. Он взял ее, тряхнул. Сколько там, половина? Поставил ее обратно и закрыл кран. Кабинки были у него за спиной, но он не стал туда лазить. Человек, даже если молчит и совсем неподвижен, потрескивает, как радиомачта, и Мартин знал, что он тут один.

Еще одна дверь, бывает заперта, бывает нет. Сегодня поддалась толчку. Цветные плитки кончились, тут уже идешь по камню. Он нашарил на стене выключатель. Зажглась единственная лампочка под металлическим абажуром шагах в десяти, где проход пересекался с другим. По обе стороны виднелись крепкие двери с засовами и глазками. Большинство помещений за ними сейчас использовались как складские, но одно сохранили для прежних целей. Он заглядывал в глазок за глазком и видел мрак, громоздящийся кучей, как уголь в подвале. Кое-где в здании, и здесь в том числе, будто бы водились привидения, но это его не волновало. Он подумал, что готов, если надо, подать привидению руку помощи и они, вероятно, это понимают.

Где проходы пересекались, он помедлил под

лампочкой. Если направо, там пожарный выход. Налево прачечная. Он повернул налево. Было чувство, что Стивен где-то впереди, совсем близко. Чем дальше от лампочки, тем больше проход ослаблялся тенью, но он видел, куда идти, и мог бы обойтись и вовсе без света. Двустворчатая дверь прачечной была открыта, и он вошел. Пол был изъезжен колесами тележек. Он осторожно перемещался среди стальных чанов и странных машин, которые выжимали и гладили постельное белье. Тут работали женщины. Можно было видеть, как под вечер они возвращаются в своих синих халатах в женское крыло больницы.

К прачечной примыкала сушильня. На деревянных рамах, поднятых к потолку, висели простыни. От электрической лампы на боку бойлера разливался прохладный голубоватый, как бы лунный свет. Пахло щелоком и чем-то чуточку горьким, словно белье, как ни старались, не могли выстирать дочиста. Середину помещения занимал большой, будто на два десятка пирующих, стол. Там массивным снежным наносом были навалены сложенные простыни и полотенца. А на них, растянувшись во всю длину, лицом кверху, одетый, но не обутый, лежал Стивен Стори. Глаза закрыты, рот — не совсем. Кисть одной

руки покоилась у пряжки ремня, другая съехала, раскрытая ладонь лежала сбоку подле черной ткани брюк. К галстуку бельевой прищепкой был прикреплен конверт. *К сведению тех, кого это касается.* Конверт был больничный. Должно быть, он сходил заранее в ординаторскую и попросил у медбрата.

Мартин притронулся к нему — к щеке, к шее. Кожа не совсем еще остыла, но была на ощупь холодней воздуха, вроде как нож в ящике стола. Он произнес имя Стивена, тихонько, словно обращаясь к спящему, и постоял минутку — тень, замершая среди приглушенных голосов ее собственного прошлого. Подумал было вытащить одну из простынь и прикрыть его, но Стивен вполне мог сам это сделать и не сделал. И тут не чувствовалось ничего неподобающего. Он видел в свое время неподобающее, стоял перед ним семнадцать лет назад с фотоаппаратом, апрельский день, лес где-то между Везером и Эльбой. Но тут другое, тут не надо ничего прятать, поспешно закапывать. Тут царила дружеская на свой лад атмосфера, как за кулисами театра, такое место он и сам мог бы выбрать, может быть, и выберет еще.

Он отступил от стола, помедлил, поклонился так низко, как позволяла плохо гнущаяся спина,

и вернулся в проход. Дошел до одинокой лампочки на потолке и двинулся дальше к пожарному выходу. Там нащупал в кармане кардигана сигарету, полез в пиджак в поисках спички, нашел и чиркнул о стену. Первое время здесь ему по очевидным причинам не позволяли спички, но потом (после второго сеанса шоковой? после третьего?) он разочаровался в огне.

Он прислонился к стене и закурил. «Вудбайны» делали на фабрике в городе. Там нетрудно было получить работу, особенно женщинам, девушкам. Некоторые в больнице работали там раньше, а иные наоборот — из больницы на фабрику. Обмен своего рода. Он курил, пока пальцы не укусило горячим. Затушил о стену. Искры слетели на пол.

Между мастерской металлообработки и пожарным выходом была кнопка сигнализации в застекленном ящике. Он ударил по стеклу локтем, нажал на ребристую латунную кнопку, а затем отодвинул дверной засов и вышел в остатки ночи. Туман стоял очень густой. Больничная церковь еле угадывалась. А женского крыла совсем не было видно. Привкус канав, зимних полей. Море? Он пошел вперед. Туман расступался и тут же смыкался у него за спиной. Сколько бы-

ло таких сновидений! Сзади загорались первые окна, и за тонкими занавесками все ревело.

2

Продавец авто, у которого он купил машину, назвал ее цвет *bleu nuage*[1] и посмотрел на Эрика, чтобы увидеть, понял он или нет. Убедившись, что понял, продавец улыбнулся шире, словно знал теперь, что сделка, считай, заключена.

«Ситроен ID»: да, поменьше возможностей, чем у DS, но, в сущности, та же машина, только доступней. И у этой, стоявшей перед магазином, была пара сотен миль на счетчике пробега. Из-за этого чуть дешевле.

— Не понравилась им? — спросил Эрик, и продавец пожал плечами, как бы говоря, что не каждому такая машина подходит, не каждый способен оценить ее по достоинству.

Регулируемый дорожный просвет, гидропневматическая подвеска, реечное управление, подогрев и передних, и задних сидений.

— Передние откидываются до конца, доктор. Можете там спать улечься, если надо.

---

[1] Примечания: 1

Здесь: голубовато-серый *(фр.). Здесь и далее — прим. перев.*

Сейчас, колеся по узким зимним дорогам — грязь, колеи, брызги, — он должен был, если хочет, чтобы машина выглядела так стильно, как ей положено, мыть ее раз в неделю минимум. Ведро, губка, шланг, автомобильный воск, прибавленный продавцом в подарок. Его слегка смущало такое частое мытье. Он не причислял себя к этому типу, к пригородным неженкам, свихнутым на имуществе, но что-то было в этой машине чувственное, от чего он не мог полностью отделаться. Отделается, конечно, со временем. Со временем станет думать о ней просто как о машине. Время выправит это, именно так оно и действует, он совсем недавно уяснил это себе.

Часы на приборной доске показывали без двадцати девять. Первый домашний визит был у него на девять часов. Миссис Таллис, школьная учительница, вероятно, любила точность, но туман все еще был густой, и он не собирался торопиться. По радио перед выездом главной новостью был большой лондонский смог, худший за месяцы, видимость упала до пяти ярдов, а ночью была и вовсе нулевая. Министерство военно-воздушных сил не обещало улучшений. Слушая, он представил это себе: окутанные зда-

ния, Эрот[2] в облаке, пустые парки — и в сотый раз спросил себя, не слишком ли легко отказался от Лондона, не означает ли отказ от Лондона отказ от остального. От притязаний? Но у него не было там хороших связей, не было тайных пружин. Провинциал с бирмингемским выговором, которого он не считал нужным исправлять или скрывать. И Лондон, разумеется, означал выходные с родителями Айри́н, разговоры за выпивкой с людьми, с которыми ему стоило труда быть вежливым, которые распространялись о невозможности найти служанку или садовника, как будто мы не пережили никакой войны. А здесь — когда они с Айрин в разгар лета в первый раз сюда приехали, поездом от вокзала Паддингтон, когда Габби Миклос встретил их на станции (да, этот центральноевропейский шарм подействовал на Айрин, и еще как) и привез осмотреть коттедж, где в пустых комнатах пахло старыми каминами, и наполовину одичавший сад, — возникло чувство некой неизбежности. В поезде на обратном пути они почти этого не обсуждали. Да, переедут. Конечно, переедут. Он станет сельским врачом, а она его сельской женой. Это выглядело

[2] Примечания: 2

Имеется в виду скульптура крылатого юноши с луком над фонтаном на лондонской площади Пикадилли-сёркус.

решением проблемы, которой они до той поры не осознавали толком. И, если хотите знать его мнение, для нее выйти из родительской тени было огромным благом. Она более шаловливой стала, более уверенной в себе, больше похожей на свою сестру, на знаменитую Веро́нику. По крайней мере так выглядел их первый год здесь. Постепенно, однако, прилив сменился отливом. Почему-то наметилась перемена. Причину он за недосугом не установил еще. Нет осмысленного дела? Пару раз она на это жаловалась. Ничего, скоро дело появится.

Впереди, где дорога опускалась и туман мог бы сойти за лондонский смог, он увидел в нем два красных поплавка — огни стоящей машины. Сбавил скорость (передние тормоза дисковые, задние барабанные) и встал за огнями ярдах в пяти. Сидел, ждал несколько секунд и готов был просигналить, когда из завитка тумана выступила фигура в комбинезоне, вгляделась и неуверенно помахала — заблудившийся звездолетчик, радующийся появлению инопланетян. Эрик знал, кто это. Билл Симмонс, его сосед, переехавший на Мокрую ферму через несколько месяцев после того, как они с Айрин переехали в коттедж. Чтобы узнать его подноготную, мест-

ным — вернее, хозяйке местного магазина, что, считай, одно и то же, — много времени не понадобилось. Сын богача, бог знает почему решивший поиграть в фермера. А папаша не просто богач, а такой, чье имя нет-нет да видишь в газетах, в статьях, какие пишут, поглядывая одним глазом на суды, где слушаются дела о клевете. При нем маленькая блондинка жена, пациентка Габби. Ее отец тоже интересный персонаж, но совсем в другом смысле.

Медленно — и словно бы нехотя — другая машина тронулась с места. Повышенной проходимости, но не «лендровер», похожее что-то, вариация на тему. Пошла назад, затем съехала с дороги, проползла через открытые ворота и вперевалку двинулась по полю. Эрик включил сцепление «ситроена». Поднял руку не глядя. Набрал скорость, уже не осторожничая. Под мутной серостью нависших деревьев машина текла гладко, как вода.

Миссис Таллис жила на вилле в стороне от главной дороги. Он поставил машину на площадке, посыпанной гравием. От сада исходило некое предвестье долгого запустения. Он напоминал уголок викторианского кладбища. В нем даже был небольшой каменный постамент, вероятно,

солнечные часы, но погребального вида, словно подножие для урны. Весной, конечно, все изменится — крокусы, нарциссы, — но в такой день весну почти невозможно вообразить.

Она открыла через считаные секунды после звонка. Ему представилось, что стояла за дверью в ожидании. Пациенты часто так себя ведут.

— Доброе утро, доктор.

— Доброе, миссис Таллис.

— Какой туман!

— Да.

Она спросила, не выпьет ли он чаю. Он вежливо согласился. Чашка не повредит; к тому же полезно будет посмотреть, как она готовит чай и наливает, это поможет понять, что у нее с подвижностью, насколько она скована. Ей было пятьдесят шесть лет. Во время войны ее муж, слишком уже немолодой для действующей армии, записался в пожарные войска и погиб при воздушном налете на Бристоль в Страстную пятницу 1941 года. Полтора месяца назад у нее появились боли в плечах и бедрах. Хуже всего по утрам, иногда с кровати тяжело встать. Он осмотрел ее тогда, ощупал — у него такое неплохо получалось, людям спокойней делалось от физического контакта с ним. Вариантов было

несколько. Ревматоидный артрит, волчанка, даже болезнь Паркинсона. Взглянув на показатели крови, обдумав симптомы и зная ее возраст, остановился на ревматической полимиалгии. Поговорил для верности с Габби. Хоть и не совсем уж старший партнер и наставник, Габби Миклос на несколько лет раньше начал набираться опыта, и у него был хороший нюх диагноста. В заковыристых случаях с ним имело смысл советоваться. Габби согласился, и он назначил ей преднизолон. Эффект оказался быстрым, что подтверждало диагноз.

Он смотрел на нее сейчас из-за кухонного стола. До чего аккуратна во всем! Платье, осанка, то, как она зачерпывает чай из чайницы коронационной ложечкой, выверенность ответов на его вопросы. Это порождено школьным учительством? Подавать пример всегда и во всем? Вероятно, ей одиноко. Она не курила, но он не исключал, что выпивает — рюмку-другую хереса, когда стемнеет, чтобы отогнать демонов. В кухне едва уловимо пахло рыбой — возможно, она вчера была на ужин, жареная камбала, скажем. За окном зимующие птички сновали вокруг кормушки.

Он спросил, не болит ли голова, нет ли болей при жевании, все ли хорошо со зрением. Он по-

читал уже, что пишут про эту болезнь, и знал, что как осложнение возможен височный артериит. Ответы его успокоили. Он взглянул на часы. Двинулись вместе к выходу. На столе в серебряной рамке стояла фотография мужчины в черной форме. Он уже видел этот снимок, но только сейчас понял, что тень рядом с мужчиной — постамент в саду перед домом.

Она открыла дверь. Спросила:

— Начинает рассеиваться?

— Похоже, — ответил он.

Они стояли бок о бок, глядя в сад. Что-то в этот момент, когда ритуал визита претерпел маленький сбой, могло быть сказано, но ничего не прозвучало.

Пять минут езды до следующего пациента — в самый раз, чтобы выкурить сигарету и тихонько выкинуть окурок в окно. Дом из красного кирпича в дальнем конце сплошного ряда эдвардианских домов. Комната и кухня внизу, две спальни наверху, маленький садик с парой гипсовых гномов, ловящих рыбу в пустом пруду. Одно из верхних окон, как обычно, было полузанавешено.

Тут даже звонить не пришлось: открыли, когда он только тянул руку к кнопке. Женщина стояла,

держась за край двери. Ноль косметики; она и сама не выглядела здоровой. Когда вошел и вытер ноги о половик, она закрыла дверь. В полумраке прихожей (ковер с фиолетовыми завитками, темная лестница с крашеными перилами, на стене школьное фото мальчика с такими же темными, как у нее, глазами) она стояла близко к нему — казалось, чуть ли не ждала утешающих объятий.

— Как он сегодня? — негромко спросил он.

Она пожала плечами. Лицо на секунду исказила странная злая улыбка.

— То так, то эдак, — сказала она.

— Я поднимусь тогда.

Он двинулся к лестнице. Она осталась внизу — так у нее с ним повелось. Будет ждать на кухне, несколько минут для самой себя, когда не надо прислушиваться, не звенит ли наверху колокольчик.

В коридоре второго этажа он всегда ощущал себя слишком крупным — этаким водолазом морских глубин в шотландском твиде и брогах, который осматривает скромное прогулочное судно, затонувшее бог знает когда, но бережно сохраняющее все внутри как было, превратившее каждую вещь в ее собственный мемориал. Постучался для проформы одним пальцем в дверь в

конце коридора — она всегда была приотворена — и затем вошел. Свет внутри исходил только от окна, где занавески были раздвинуты дюймов на восемь. Человек, сколько его виднелось, серостью был под цвет водянисто-серой кровати, на которой лежал. Электрический обогреватель у его ног испускал сухой пыльный жар. Затяжная болезнь с ее обычными атрибутами, с ее обычными запахами.

— Это я — доктор Парри, — сказал он.

Подошел к окну и раздернул занавески еще на несколько дюймов. Бросил взгляд вниз на крышу своей машины и повернулся в комнату. На подушке лежала не голова, а череп. Глаза были закрыты. Эрик заподозрил, что он мертв и надо будет сообщить об этом его жене на кухне. Но нет, глаза открылись, и взгляд — взгляд некоего упрямого разума, заточенного или прячущегося в трупе, — на мгновение придержал Эрика на месте.

— Как вы сегодня, Питер?

Долгая пауза. Мелкие движения ладоней, пальцев. Взгляд осоловело бродил кругами по светлому потолку. Питеру Герни было тридцать восемь — на два года больше, чем Эрику. До болезни он начальствовал над бригадой по

добыче известняка в одном из карьеров позади амбулатории. Тамошние сирены перед взрывами слышны были, когда ветер дул с той стороны, даже в коттедже: зловещее взбухание и опадание звука, нечто среднее между воздушной тревогой и отбоем. Полгода назад он еще там работал.

— Очень больно?

— Не очень, — прошелестел ему череп.

— Хорошо, — сказал Эрик.

Около кровати стоял стул, и он сел на него. Его учили, что пациенту даже в терминальной стадии не следует давать сильнодействующих опиоидов в больших дозах. Но Габби внушил ему иное. Пациенты Габби получали диаморфин — героин по сути — так часто, как им было нужно, и в нужном количестве. Зачем дожидаться, чтобы боль стала невыносимой? Были, конечно, побочные эффекты, опасности (остановка дыхания), но, если пациент и умрет наркоманом, его хотя бы не сведет с ума боль. Прежний аптекарь при амбулатории находил способы дать знать о своем неодобрении, и то, что Габби иммигрант (а, возможно, и то, что он иммигрант из *этих*), делу не помогало, но Тилли, его преемник, с готовностью заказывал, о чем его просили. Питеру Герни Эрик или патронажная сестра вначале делали уколы;

сейчас на смену инъекциям пришла склянка с ложечкой, и это действовало не хуже, а то и лучше. Склянкой заведовала миссис Герни. Ему нет-нет да приходила мысль: не соблазняется ли сама по чуть-чуть? Маловероятно, но надо будет забрать у нее склянку после всего.

— Что-нибудь мне сделать для вас, Питер?

— Бывает, — промолвил череп, вновь подобно шелесту, — чувствую людей… близко.

Он медленно, раздвинув подле кровати пальцы веером, обозначил рукой эту близость. Эрик ждал.

— Это во сне? — спросил он.

Череп медленно качнулся пару раз из стороны в сторону и улыбнулся.

Последний визит был в жилой комплекс. Туман быстро рассеивался — уже дымка скорее, чем туман. В летной школе военно-воздушных сил его учили, на какую видимость можешь надеяться в тумане, на какую в дымке. Туман — облако, видимость тысяча ярдов и меньше. На аэродромах, когда ночью заходили на посадку бомбардировщики, полосу поливали по краям горючим и поджигали. Работало вроде бы. На себе ему, слава богу, этого испытать не пришлось. Войне хватило совести кончиться до того, как подобное могло

стать необходимым.

Но даже без тумана в жилом комплексе нетрудно было заблудиться. Поди пойми, чем руководствовались планировщики, какой схемы или идеи, если она вообще была, пытались придерживаться. С одного конца более старые дома, построенные сразу после войны и уже довольно обшарпанные. С другого строительство еще идет: кирпичные коробки, крохотные садики, иные аккуратно возделаны, другие, большинство, просто редкая травка поверх строительного мусора. В «Геральд» или еще где-то он читал, что население Британии сейчас пятьдесят два миллиона. Английские сельские пейзажи сентиментальных чувств у него не вызывали. Он вырос в крупном городе, переместился из его грубого центра в более приличную пригородную часть. Пусть, кто хочет, обмирает при виде Котсуолдс или Йоркширских долин — это не для него. Но пятьдесят два миллиона! Вся страна, похоже, будет застроена этими маленькими коробками! Таково, что ли, наше будущее?

Он нашел-таки нужный дом. Был в нем уже, оказывается. В садике качели и останки детской лошадки-качалки. Дверной звонок, похоже, не работал. Он постучал. Дверь открыла девочка лет

пятнадцати. Он нахмурил брови, припоминая.

— Джули?

Она улыбнулась, показывая щель между зубами. Он видел ее весной, когда она сказала матери, что баловалась с аспирином и перебрала. Нет, серьезной передозировки не было. Сейчас выглядела веселой, и у него мелькнул в голове вопрос об источнике веселья. Просто юный возраст, возможно; просто то, что она живет на свете.

Они вошли в гостиную. В ней стоял телевизор.

— Ждет, когда начнется, — сказала Джули, кивком показывая на девочку, свернувшуюся на софе. — Я сказала ей уже, что до вечера ничего не будет.

— Привет, — сказал Эрик. Он поставил свою черную сумку на подлокотник софы. — Как тебя зовут?

— Это Пола, — сказала старшая. — Говорить не может, горло у нее.

— Твоя сестра?

— Сводная.

Лет девять-десять, подумал он. Короткие, чуть волнистые каштановые волосы, огромные карие глаза. До смешного красивая. Интересно, сохранит это до взрослых лет или сейчас ее минута, ее краткая вспышка совершенства? Если сохра-

нит, то не будет долго болтаться в этом жилом комплексе.

— Лежала, плакала, — сказала другая девочка.

— Ну, это никуда не годится, — сказал он. — Дай-ка я взгляну. — Он потянулся к сумке, открыл ее и достал деревянный шпатель и фонарик-карандаш. Присел перед ребенком на корточки. — Открой пошире. — Он прижал ей беспокойный язык, пустил луч в глубину горла, прищурился.

— Да, воспаление.

Он вынул шпатель, погасил фонарик. Она позволила ему пощупать шею, маленькая зверушка. Смотрела на него так пронизывающе, что подступил смех.

— Гланды у нее, да?

— Да, — сказал Эрик.

— Придется их вырезать. Мне вырезали, когда мне было, сколько ей. А она не хочет. Боится.

— Сначала попробуем другое, — сказал Эрик. — Все зависит от того, чем оно вызвано, это воспаление. Попробуем вот что. Может быть, ничего больше и не понадобится.

Он сел на софу, примостил на колене бланки рецептов. Выписал пенициллин, расписался, оторвал листок и протянул Джули.

— Сможешь прямо сейчас сходить в аптеку?

Мистер Тилли объяснит, как принимать. Аспирин у вас дома есть?

Джули покраснела и покачала головой. Эрик нашел в сумке пузырек. Высыпал в ладонь две таблетки.

— Брось их в стакан воды, помешай, чтобы растворились. Дай ей полстакана и проследи, чтобы выпила. Через два часа дай ей выпить остальное. И неплохо бы купить аспирин у мистера Тилли. Скажи ему, для кого, и скажи, что он может мне позвонить, если какие сомнения. И она должна есть.

— Не хочет.

— Надо. Суп у вас имеется?

— Кубики.

— Купи, когда пойдешь, пару банок супа. — Он повернулся к младшей. — С каким ты любишь вкусом? С томатным?

— …бным, — прошептала девочка.

— Она говорит: с грибным.

— Ты сама ростом с грибок, — сказал Эрик. Затем обратился к старшей: — Деньги у тебя есть?

Она покачала головой. Он вытащил бумажник. В кожаной рамочке, которой снабдили бумажник изготовители, с чего-то вдруг решившие, что человек непременно захочет носить с собой

фото, был помятый снимок Айрин, сделанный в последние недели перед свадьбой. Выражение ее лица… если не «храброе», то каким еще словом его определить? Он вытянул бумажку в десять шиллингов и дал девочке, держа двумя пальцами.

— Сдачи тебе хватит, чтобы купить мороженое, — сказал он. И младшей: — С грибным вкусом, я думаю.

Наконец-таки улыбка.

В амбулаторию он вошел так, чтобы не идти через приемную. Там наверняка уже набралось с полдюжины человек — сидят в верхней одежде, шелестят страницами «Нэшнл джиографик» или изучают пол, нервничая из-за того, что заставило их прийти, выстраивая в уме свои жалобы. Его кабинет был в том конце, что выходил на улицу. Габби принимал в другом конце, с видом на сад. Садик был всего ничего, но Габби сажал там луковичные цветы, тюльпаны по большей части, и там росла слива, он собирал с нее урожай для самодельного крепкого напитка, который обещал дать когда-нибудь Эрику попробовать.

Он сел за свой стол. Сестра-регистратор миссис Болт (с ней он тоже не хотел пересекаться) оставила его почту на бюваре. У него было десять

минут до первого пациента. В большом конверте — «Ланцет» за последнюю неделю. Они с Габби делили подписку на этот медицинский журнал. Обычно находили время обсудить его содержание, но сейчас не до того. Под «Ланцетом» — пара конвертов с рекламой от фармацевтических компаний. Глянцевые брошюрки, цветные фото. Иной раз конверт был с подарком, впрочем, подарки обычно предлагали торговые представители — случалось, бывшие врачи, — которые присаживались тут, как дружки, проходившие мимо и решившие заглянуть, и заводили непринужденный разговор о новом лекарстве от давления. В начале лета ему предложили годичное бесплатное членство в загородном клубе ровно из тех, какие он презирал, и он вступил-таки.

В самом низу лежал конверт, надписанный синими чернилами свободным почерком, с размашистыми, уверенными заглавными Д в «Доктору» и П в «Парри». Беря его, он бросил взгляд на дверь, как будто опасался вторжения миссис Болт или даже Габби, чьи большие печальные глаза чего только не навидались. Но дверь была закрыта, сквозь тюлевые занавески за его спиной сочился ровный утренний свет. Он был наедине с собой.

Открыл конверт ножом для бумаг (на рукоятке — «диставал»[3] золотыми буквами). Внутри одна страничка, фирменный бланк с водяными знаками. Надушила, что ли? Или это всего лишь ее прижатая пишущая рука, близость ее запястий с мазками духов по теплой от живой крови коже? Она назвала ему однажды эти духи, и он постарался не запомнить название.

Он быстро пробежал письмо глазами. В нем говорилось, что она пишет ему после ванны. На ней только ее шелковое кимоно, то, что с лилиями, и шелк гладит ее так, что она томится по Эрику и ждет. Она говорила — и писала — такое, выражала такие мысли, какие он и сейчас находил возмутительными в женщине. Откуда она этого набралась? Из романов? Из тех, похоже, что он видел у женщин в загородном клубе. Из толстых романов, которыми они заполняют свои бесконечные дни.

Прочел раз, другой. Она умеет обласкать словами, этого не отнять. Но письмо, прямо сюда, в амбулаторию! Сказал же ей в последнюю встре-

---

[3] Примечания: 3

Диставал — одно из названий популярного препарата (более известного как талидомид), ставшего в конце 1950-х и начале 1960-х причиной врожденных дефектов у многих новорожденных, чьи матери принимали его во время беременности.

чу; думал, она поняла. Разумеется, поняла. Это была часть игры, она дразнила его так — тó в нем дразнила, что называла «Эриком из воскресной школы», хотя ни в какой воскресной школе он ни разу в жизни не бывал.

Во всем, что она делала, проявлялась необычайная опытность. Бесило подозрение, что она знает о жизни больше него, — она, которая из дома-то редко выходит. Подумал, не порвать ли письмо, — но куда клочки? Миссис Болт, составляющая их, как пазл, — насколько это мыслимо? (*…и шелк гладит меня так, что я томлюсь…*)

Он сунул листок обратно в конверт и положил конверт во внутренний карман пиджака. На ум пришел отец, поднявшийся от бригадира пути до помощника начальника станции Нью-стрит в Бирмингеме, надежный человек, который входил в свой кабинет в черной шляпе-трильби на шелковой подкладке, снимал ее натруженными руками путейца и вешал на стоячую вешалку. Человек, которому можно доверить движение поездов, потоки пассажиров. Пример отца — вот его воскресная школа, не имевшая, однако, никакого отношения к религии.

На краю стола стоял ящик переговорного устройства. Оно появилось полгода назад. Миссис

Болт уже не должна была всякий раз, как надо что-нибудь сообщить, идти к нему по коридору. Но сигнал всегда заставал его врасплох, вот и теперь. Уменьшить громкость возможности не было. Он нажал кнопку.

— Да?

— Вам звонит жена, доктор Парри.

— Жена?

— Она сейчас на проводе.

— Понятно. Ну что ж, соедините.

— Соединяю.

Миссис Болт освоила аппаратуру прекрасно. Была полной ее хозяйкой.

Он поднял трубку. Щелчок, за ним другой. Он ждал.

— Эрик?

— Это срочно? У меня начинается прием. Уже, наверно, пора было начать.

— Звонили из приюта, — сказала она. — Хотели с тобой связаться.

— Из какого приюта?

— Для душевнобольных. Из больницы.

— Что им нужно?

— Не знаю. С тобой хотели поговорить. Я сказала, что могу передать сообщение.

— И где сообщение?

— Им нужно, чтобы ты позвонил.

— Хорошо. Позвоню позже.

— Звучало, будто что-то важное.

— Сомневаюсь в важности.

— Как у тебя утро прошло?

— Утро как утро. Послушай, мне некогда сейчас. Пока, до вечера. — В трубке очень отчетливо, хоть и поодаль, раздался дверной звонок коттеджа. — Кто это? — спросил он.

— Не знаю, — сказала она. — Почта, вероятно.

— Ну, всего хорошего.

— Пока.

— До вечера.

— Да. До вечера.

Он положил трубку и потянулся к переговорному устройству.

— Первый может войти, миссис Болт.

Авторучкой («паркер 51», серой с серебром, с рекламной надписью «Глаксо»[4]) он мелкими буквами написал на бюваре: *приют.*

3

Рита лежала на правом боку, ткань подуш-

---

[4] Примечания: 4

«Глаксо» — британская фармацевтическая компания.

ки тускло оттеняла ее светлые волосы, она хмурилась, выбираясь из сновидения, где ей пригрезился клуб — некая его версия, китайские фонарики, их подрагивающий свет под ветерком, дующим снаружи сквозь открытую дверь и вниз поверх пустой лестницы. Никакой музыкальной группы на сцене, полки с зеркалами за стойкой бара пусты. Был рейд полиции? Однажды при ней случилось такое. Между Юджином и полицией были сложные договоренности, которые не всегда соблюдались. Иной раз они как бы извинялись за свой приход (приказ начальства, что поделаешь), но порой злились. Их сердил черномазый бэнд-лидер с алмазом в галстучной булавке, сердил запах гашиша в подвальном зальчике, да и девушки сердили, черные и белые, которым не очень интересно было танцевать с полицейскими. Юджин раздражался на девушек. Говорил, они норовистые, как лошади, надо их осаживать, тут не одни деньги работают. Но сейчас, в ее сновидении, клуб был местом, куда нет возврата, никому его нет — ни Юджину, ни Глории, ни даже полиции. Лестница у́же, чем настоящая, уже и длиннее, ее прерывисто (с каким промежутком? что во сне с временем делается?) и по-рентгеновски освещал неон над уличной

дверью. Что-то произошло с миром наверху. Водородная бомба? Или комета размером с Лондон сбила мир с его оси? Выйдешь наружу — и можешь оказаться последней. Бесконечная зима, бесконечная ночь. И все же надо посмотреть, надо узнать…

Она пошевелилась и начала выпрастываться из постельного кокона. Между неплотно задернутыми занавесками белел день. Будильник на стуле около кровати со стороны Билла был поставлен на пять и показывал почти девять.

В комнате было холодно, хотя бывало и холодней. В ногах кровати стоял керосиновый обогреватель, но нюх говорил ей, что он не зажжен. Билл из-за него нервничал. Боялся, что он отравит их продуктами горения или подожжет постельное покрывало. Покрывало, сказал он, выглядит легковоспламеняющимся.

Она повернулась, села, спустила ноги на пол. Сон был знакомым — если не подробностями, то настроением. Посмотрела на свои ступни. На ней были длинные теплые носки Билла под сапоги и его пижама с подвернутыми манжетами. Под пижамой майка с длинными рукавами. По крайней мере майка ее собственная.

Она прислушалась к звукам со двора, и, как

будто она дала, сев, толчок окружающему миру, там замычала корова. Простучал колесами поезд. За два года она научилась отличать товарный от пассажирского, местный от экспресса.

Проволочила ноги в коридор, оттуда в ванную. Там на окне не было ни занавески, ни жалюзи, но и незачем. Ближайший дом — коттедж врача — был по ту сторону поля, и сегодня, туманным утром, она не видела его вовсе. Она и поле едва видела.

Зеркало в ванной, большое, в полный рост, в черной лакированной раме, они купили в магазине подержанных вещей на Глостер-роуд в Бристоле. Продавщица сказала, французское. У них оно не было привинчено к стене (это еще предстояло сделать), просто прислонено к старым обоям с поблекшим ракушечным узором. Она подобрала одной рукой пижамную курточку и майку под самую грудь. Поизучала отражение своего живота, потом повернулась боком и, выкрутив шею, посмотрела снова. Тронула свою кожу и вздрогнула от прикосновения холодных пальцев.

Есть что-нибудь? Ничего?

Она позволила ткани упасть и, подняв взгляд, встретилась со своими голубыми глазами,

опухшими со сна. Потянулась рукой к волосам, пригладила их. «Не следишь за собой, дорогая моя», — сказала она себе. Шагнула к умывальнику. Вода содрогнулась в трубах. В плите «рейберн» на кухне имелся встроенный водонагреватель, но плита была такая же старая, как дом. Когда они с Биллом въезжали, они заглянули в ее нутро и, как Хепберн и Богарт в фильме «Африканская королева», чесали в затылке из-за сложности машинерии. Иногда вода вырывалась диким потоком и тебя с головой окутывал пар; иногда она была холодная, как железо, и обжигала на другой лад. Этим утром вода, подумалось ей, была примерно такой же температуры, как туман. Она умыла лицо, почистила зубы. Волоски щетки окрасились розовым, а когда она сплюнула в раковину, немножко крови закружилось струйкой, стекая в отверстие.

Она воспользовалась унитазом, шевеля в носках пальцами ног. Потом опять выглянула в окно. Прошли считаные минуты, но поле она теперь видела, а за ним проступала румяной плиткой кровля докторского коттеджа, который напоминал сейчас судно на якоре в открытом море, с честью перенесшее шторм. Пока она смотрела, в одном из окон второго этажа зажегся свет.

— Доброе утро, — сказала она.

На кухне (она пришла туда, натянув один из джемперов Билла, нормальной женской одежды для такой жизни не имелось) она встала подле кремовой стальной плиты «рейберн», нагнулась над ней (она знала, к чему не надо прикасаться), потом повернулась, чтобы согреться сзади. На столе между плетеной корзинкой для яиц и ее вязанием (красная шерсть, спицы номер двенадцать, начатки шапочки с помпоном) сидела большая пятнистая кошка. Они получили ее в придачу к ферме. Кличку, если она у нее была, они не знали. Неласковая была кошка. Она кусалась до крови, Биллу досталось несколько раз, ей тоже однажды. Казалось, кошка намерена выжить их отсюда, убеждена, что это удастся.

На старом ящике на стене для хранения мяса, куда кошке не вспрыгнуть, стояла кастрюля с холодными остатками вчерашнего ужина: спагетти с томатным соусом. Спагетти были из тех блюд, что она могла приготовить. Был в ее жизни период — клуб «Пау-вау»[5], временная работа, — когда она ими главным образом и питалась,

[5] Примечания: 5

Пау-вау — собрание североамериканских индейцев с традиционными танцами.

пакеты в толстой синей бумаге из итальянской кулинарии на Парк-роу. Можно было обойтись одной конфоркой. Добавляй что хочешь — горох из банки, маргарин, кетчуп. Можно, если что, съесть их и так — просто чуть подсолить. Она вытянула из кастрюли три-четыре прядки и опустила в рот. Как птенчик, подумалось ей. От этой мысли навернулись слезы. Она вытерла глаза тыльной стороной ладони и извлекла еще сколько-то спагетти. Томатный соус на подбородке, на джемпере Билла.

Ее утренним делом, первым, единственным по-настоящему важным, было покормить кур. Билл, подоив коров, должен был этих кур выпустить, и сейчас они, наверно, уже в исступлении. Она ополоснула пальцы под краном, вытерла полотенцем, взяла со стола корзинку и пошла к задней двери. Там, прислонившись к стене, втолкнула ноги в резиновые сапоги. Чтоб открыть дверь, приходилось с ней повоевать. Как почти всё в доме, она была сработана так себе. От сырости разбухала. А дом-то не был даже особенно старым. Над передней дверью виднелась выбитая в штукатурке дата: 1907, на год раньше, чем родился ее отец.

Она дернула. Вот бы иметь силу, чтобы со-

рвать эту дверь с петель напрочь. Ей нравилось воображать себе, как она мощно, неудержимо движется сквозь окружающий мир. Атака пятидесятифутовой женщины[6]! Двери, мужчины, все, что встречается на пути, летит в сторону, как горелые спички. Дернула еще раз, ругнулась, и дверь поддалась. Она постояла на крыльце, вдыхая утро сквозь редеющую ткань тумана. Перед ней были курятник и выгул. Справа она видела угол хлева, на его железной крыше сидела пара то ли грачей, то ли галок, они смотрели на нее и, кажется, ждали, чтобы она начала сыпать куриный корм. Ворота в дальнем конце двора, за которыми начиналась проезжая дорожка, были открыты. Ни Билла, ни машины видно не было. Раньше он оставлял на кухонном столе записки, где говорилось, куда он отправляется, но теперь уже нет. Некогда, да и не важно, скорее всего.

За проволочной оградой выгула куры кудахтали и бранились. Их было двадцать пять — коричневых, белых, пестрых. В первый год однажды на закате, когда кур еще не заперли на ночь, к ним пробралась лиса. Иные из кур, каза-

---

[6] Примечания: 6

«Атака пятидесятифутовой женщины» — американский фантастический фильм ужасов 1958 года, героиню которого некий луч инопланетян делает великаншей.

лось, сдохли от одного лишь ужаса. После этого она иначе стала думать про лисью охоту.

Они продавали яйца местному магазину, и у них был деревянный ящик около платформы для молочных фляг у выезда с их дорожки. Люди, взяв яйца, оставляли деньги в жестянке. Иногда сумма не сходилась — то в меньшую сторону, то в большую.

Она направилась к контейнеру для корма и, зачерпнув совком зерно, метнула его быстрым движением запястья по выскобленной земле выгула. Куры кинулись ему вдогонку. Они были милые и безмозглые. Она засмеялась и зачерпнула еще один совок. Начала петь про картофельное пюре: *«The mashed potato started long time ago… with a guy named Sloppy Jo…»*[7]

Наполнила поилки из крана у задней двери, а затем открыла курятник и стала искать яйца. Некоторые из кур сидели на них, распушившись, погруженные в себя. Когда она их сдвигала, они норовили клюнуть ее в руку, но после того, как яйца оказывались в корзинке, они, похоже, быстро о них забывали и торопились примкнуть к общим поискам золотистых зерен.

---

[7] Примечания: 7

С этих слов начинается музыкальный хит 1962 года в исполнении Ди Ди Шарп (род. 1945) — американской певицы в жанре ритм-н-блюз.

Она вновь запела — во весь голос: *«Mashed potato… feel it in your feet now!»*

Голос у нее, она знала, был не очень, но слышать ее могли только куры и, подальше, коровы, одни в хлеву, другие в большом сарае. И бык, разумеется. Авантюра Билла ценой в двести гиней.

Она вернулась с корзинкой на кухню, налила до половины большой чайник и поставила на плиту. Капли внизу чайника шипели и брызгались. «Не забудешь про чайник — не закипит», — промолвила она не своим голосом. Тети Эльзы? На мгновение вспомнилась большая холодная городская квартира, граммофон, которому было, наверно, полсотни лет. Она встала на пуанты — ну, насколько могла в носках Билла, — пользуясь как балетным станком стальными перильцами «рейберна». Голос тети Эльзы зазвучал теперь отчетливей. Вскидывай ноги, милая, и не забывай улыбаться. Вот так. Поворот. Теперь выброс вверх руку. Теперь взгляд через плечо. Тут можешь надуть слегка губки. Вот так, милая. В меру, в меру…

Кошка смотрела на нее. Она показала кошке язык. Тети Эльзы уже нет. Когда была под градусом, она говорила, что в один прекрасный день прыгнет из окна и насадит себя на острия забора,

но кончила она по-другому. Квартирная хозяйка увидела ее, когда принесла молоко. Она лежала на полу гостиной в ночной рубашке, возведя взгляд к пятнам сырости на потолке.

Заварила чай, налила себе, подсластила, принесла книжку, сигареты и спички, кинула на пол подушку и, сев, прислонилась спиной к «рейберну». Книжка была новая. Разъездная библиотека остановилась у них в среду. Она приезжала раз в две недели и стояла у магазина. Библиотекаря, который был и водителем, звали Кит. Он носил очки в толстой оправе. Курил трубку. Ей думалось, что он воображает себя интеллектуалом, и, возможно, он им и был — откуда ей знать? — но главным образом он был этаким похотливым дядюшкой. Она чувствовала на себе его взгляд, когда была с ним в фургоне, знала, что он взвешивает возможность потянуться рукой, тронуть. Она его не боялась. Она неплохо была знакома с похотливыми дядюшками, получала от них знаки внимания лет с двенадцати. И Кит привозил то, что ей нравилось, научную фантастику, которую заказывал для нее в больших бристольских библиотеках. Иногда эти книжки лежали у него в коробке на полу фургона, так что ей приходилось за ними нагибаться. Бесплатное ему

удовольствие!

Позавчера она взяла у него «Венеру плюс икс»[8]. Обложка красочная, из тех, какие она предпочитала (ничего не ясно, всё возможно), и, хотя она прочла только двадцать пять страниц, книга была ей по вкусу, выбор выглядел удачным. Часы главного героя идут назад, но время движется поступательно. Он падает, приходит в себя, и о нем заботится некто, кого он раньше не видел, странно одетый, может быть, и не человек вовсе. Он в полном недоумении! И любой был бы. И это тоже ей нравилось, этот срыв в лихорадку незнания, хотя тут не то чтобы именно растерянность, скорее — одна часть тебя еще не готова принять то, что другая часть отлично знает.

Она прихлебывала чай и курила. Пепельницу на пол забыла положить, так что пепел сыпался прямо на доски. Потом можно будет замести под «рейберн». Окурок отправится в его топку. Тепло от «рейберна» пропитывало ей мышцы спины. Всю зиму живешь стиснутая, как кулак, в напряжении, которого почти не замечаешь до первого теплого дня, когда можно поднять лицо к солнцу. Рано, рано еще мечтать о лете — до самого корот-

---

[8] Примечания: 8

«Венера плюс икс» (1960 г.) — научно-фантастический роман американского писателя Теодора Старджона (1918–1985).

кого дня оставалось две недели, — но почему-то она начала, и это текло мелкой речкой под ее чтением, стало частью настроения, идущего от книги. Билл и Тедди убирают сено, Билл щеголяет фермерским загаром. В кувшине на кухонном столе пышная гроздь сирени. Полдюжины ночей можно спать с открытым окном. И был прошлым летом вечер, когда она расстелила в саду коврик для пикников и они засиделись допоздна, ночные бабочки вились вокруг банок, где она зажгла чайные свечи, кошка охотилась промеж деревьев, промахивали летучие мыши, сильно пахло травой. Темнота опустилась медленно и не казалась настоящей темнотой. Когда свечи догорели, они остались сидеть, и ей чудилось, что они могут увидеть странных танцоров и танцовщиц под яблонями. Они хотели это повторить, обещали друг другу и себе, но вечно была неотложная работа. Долгие дни нельзя было упускать, и лето медлить не стало.

Через двадцать минут она закрыла книгу. Закладкой ей служила ячменная соломинка. Она встала, думая, что скоро ведь настанет время, когда она не сможет так легко подниматься с пола. Пошла наверх, еще раз воспользовалась унитазом, а затем обратно в белизну спальни. На-

до бы грелку, но ей лень было вновь спускаться. Она чувствовала себя какой-то одурманенной. Собственная кровь дурманила ее изнутри. Она улеглась на отпечаток самой себя. Натянула одеяло до подбородка. Ее пробрала дрожь. Она чувствовала, как бьется сердце (и где-то в глубине тикало, как дамские часики, еще одно сердце). Подумала про врача и его жену, про то, что собирается наконец сделать сегодня. Вспомнила свой сон с клубом, похожим на театр, с клубом, где она была счастлива, или не несчастна, или не все время несчастна. Подумала, с обычной горестной рябью внутри, об отце. А потом, будто исполнив этими мыслями некие скромные обязательства, заснула.

Позже услышала Билла, ощутила его присутствие в комнате, услышала, как он шепчет:

— Рита?

Она не шевелилась и немного погодя услышала, как он возвращается к двери, выходит в коридор, спускается по лестнице. Она снова заснула, а очнувшись, села так резко, что закружилась голова. Явственное чувство, что к ней обратились, — голос той, кого никак тут не могло быть. Будильник показывал одиннадцать тридцать. Она подошла к лестнице и посмотрела вниз, потом отправи-

лась в ванную. Туман рассеялся. Видны были сад, поле, дом врача. Она потратила несколько минут на лицо, еще несколько на волосы. В спальне натянула джинсы поверх пижамы Билла, заменила его свитер на более тонкий свой — из поярковой шерсти, светло-голубой, под подбородок, мягкий, как детское одеяльце, счастливая покупка однажды утром, когда они гуляли с Глорией, вернувшись из «Пау-вау» с богатым уловом чаевых.

На кухне выбрала из корзинки шесть яиц, самых удачных, вымыла их, вытерла и положила в пустую коробку. Пошла в кабинет посмотреть, там ли Билл. Строгий вид пустой комнаты. Оставила на его столе записку на верхней странице блокнота. Сходила за сапогами, надела дафлкот и берет и вышла через переднюю дверь. Прошла через сад. В путанице ветвей светились, как украшения, несколько яблок, остальные, коричневые, гнили на мокрой траве. В конце сада была деревянная калитка — ржавые петли, лупящаяся черная краска. Вот, подумала она, ворота, через которые войдет Смерть. Она открыла калитку, затворила ее за собой и двинулась через поле, где ровно ничего не происходило.

4

По-прежнему в иные минуты Билл смеялся в голос от мысли, что он хозяин тридцати двух акров земли, что он владеет полями, скотом и большим сараем, что он в конце лета собрал свой собственный урожай ячменя. Не в одиночку, конечно. Приехал наемный работник на своем комбайне, красноглазый от усталости, жаловался на узость дороги, на узость ворот, на маленький размер поля. «Выдрали бы их совсем, живые эти изгороди», — сказал он. Живые изгороди были враждебной силой (и сами никчемные, и потеря земли по обе стороны, требуют ухода, рассадник вредителей).

И бывали у него минуты, когда возникало чувство, будто и земля, и живность, и все его хозяйство, все механизмы, строения — дом как таковой! — всё в заговоре против него. То свет пропал в доильне, потому что мыши погрызли провода, то корова захромала, опять, видимо, звать ветеринара, то выясняется, что от дождей его поля затапливает, то осот вымахал невесть как и его попробуй выкоси. Десять раз на дню подумаешь, что почти ничего не смыслишь в том, за

что взялся. Будь я моряком, думал он, наверняка потонул бы уже.

Сегодня утром это ворота. Вчера еще действовали, открывались спокойно, но в каком-то часу ночи верхняя петля оторвалась от столба, и ему придется вернуться с инструментами и заняться починкой, пока створка еще держится и его коровы еще не отправились отсюда по дороге в Бристоль.

Все его поля имели названия. Это поле называлось Горка. Так было написано в купчей. Может быть, оно называлось так пять столетий. У старого фермера Ричи тут поблизости, около Куин-Кэмел[9], одно поле называлось Чистилище.

Он посмотрел на небо. Оно было лишено глубины. Вокруг сплошное облако, утренний свет сочился вниз, как сливки сквозь марлю. Туман во дворе, туман окутывает дом. Даже в шиппоне — так он называл хлев, потому что так его называл мистер Эрл, продавший ему ферму, — над головами животных стояла дымка, серебристые капельки тускло мерцали на свету под голыми лампочками, свисающими с балок.

Он приподнял створку ворот и пошел вперед,

---

[9] Примечания: 9
Куин-Кэмел — деревня в графстве Сомерсет.

открывая их. Где-то в поле были четыре сухостойные коровы и пони. Обычно они подходили к воротам, когда слышали, что он подъехал. Туман, что ли, сбил их сегодня с толку? Внутренняя жизнь животных оставалась для него тайной. Она, безусловно, у них была; они не бессмысленные существа, они не лишены разума. Корова в такой же степени личность, как собака. Некоторые из них смотрели на него думающим взглядом, словно платили ему любопытством за любопытство. Одним нравилось, когда он что-то с ними проделывал, другим нет. Две были брыкливые: Ливия и Друзилла[10]. Друзилла весной заехала ему в плечо, там не одну неделю потом красовался отпечаток копыта. Она была сейчас в большом сарае, ждала теленка. Он первым делом сегодня к ней заглянул и заглянет еще раз, когда приедет обратно.

Открыв ворота, он вернулся на дорогу и увидел чужие фары. На этих узких дорогах кое-где можно было разъехаться, но не здесь. Он подошел поближе. Он достаточно прожил уже на Мокрой ферме, чтобы узнавать большинство машин, которые ездят тут регулярно. Эту легко было

[10] Примечания: 10

Ливия Друзилла — жена римского императора Августа, мать императора Тиберия.

узнать. Длинная и приземистая, длинный капот, фары на передних крыльях, похожие на глаза лягушки. Он помахал. Машина, вся целиком, излучала нетерпение. Он обошел свою собственную («остин джипси», чуть получше будет, по его мнению, чем «лендровер») и сел за руль. Несколько секунд просто смотрел в зеркальце заднего вида на фары «ситроена», затем переключил передачу и двинулся задним ходом через открытые ворота. Едва дорога освободилась, «ситроен» заскользил мимо.

Он не спешил выходить из машины. С пяти на ногах. День уже изрядно выдохся, и чем-то его гипнотизировала тишина, неподвижность, то, как за дальней живой изгородью мир оканчивался, начиналось мягкое белое ничто.

«Не люблю тебя я, доктор, сам не знаю, почему…», — пришло на память из детского стишка. В школе они проходили латинский вариант: *Non amo te, Sabidi, nec possum dicere…* как там дальше у Марциала? Их латиниста звали мистер Оукс. На его теперешний взгляд Оукс, как большинство учителей, представлялся отчаявшимся человеком, который, третируя детей, давал своему отчаянию облегчающий выход. Мальчикам он, однако, нравился. Прозвали они Оукса, конечно

же, Кверкусом[11]. Когда был под достаточным градусом, он рассказывал им истории про окопы Первой мировой. Сигнальные ракеты, горчичный газ, колючая проволока. И как бывшему военному ему вверили школьных кадетов, хотя очевидно было, что он ненавидит все армейское. Большей частью они просто бегали трусцой вокруг крикетного поля, потея в своем хаки, а Кверкус сидел в раздевалке, курил и читал газету.

Попробуй объясни что-нибудь из этого Рите! Жизнь частной английской закрытой школы из тех, что поскромнее. Она, конечно, сама где-то училась, с полдюжины школ сменила в Бристоле и окрестностях, но все они, похоже, были безобидные, почти приятные. Его же школу, ностальгию по которой он не мог полностью выкорчевать, отец выбрал из числа сравнительно недорогих учебных заведений, чья цель — выпуск юношей, которые не будут смотреться чужеродно в клубе на Пэлл-Мэлл (не из самых фешенебельных, разумеется), в офицерской столовой, на охоте. В длинные выходные, когда родители могли забрать учеников, отец подъезжал, нет-нет да сменив в очередной раз машину на более круп-

[11] Примечания: 11
Oaks (англ.) — дубы. *Quercus* (лат.) — дуб.

ную и дорогую. На крыльце его ждал директор в академической мантии. Они здоровались за руку и обменивались замечаниями о погоде; отцовский голос естественней звучал бы в подернутых сумраком городках с труднопроизносимыми названиями по ту сторону Железного занавеса, чем здесь, среди меловых холмов Суссекса, опрятно зеленевших под солнцем за игровыми полями. В какой-то момент звали Билла, и он стоял, яростно смущенный отцовскими попытками одеваться как английский милорд (федора, солнечные очки, пиджаки в клетку, один раз белые туфли). Потом плавная езда по аллее, усаженной каштанами, другие родители в машинах поменьше прижимались к обочине, давая им проехать. От всего этого отец делался непоколебимо счастлив, и, когда доезжали до ворот, он, одна рука на руле, в другой сигара, уже, бывало, начинал петь одну из песен, чьи мелодии колыхались и были полны слез, на языке, ни слова из которого он не желал слышать от своих сыновей.

Сквозь боковое окно «джипси» на него смотрела сейчас одна из айрширских коров, ее ноздри пузырились от обильной росы на траве. Она мотнула головой, и Билл, осклабясь, сказал ей: «Доктор, доктор виноват, вот из-за кого я задер-

жался». Он выбрался наружу и открыл заднюю дверь. Там у него лежал тюк сена и тюк ячменной соломы. Он вытащил их, достал складной нож, перерезал бечевку, ногой разворошил тюки. Коровы начали жевать. Ему нравились эти звуки: потрескивание корма у них во рту, их пыхтящее дыхание. Рысцой подбежал пони и занял место среди коров. Билл унаследовал его от мистера Эрла. Его недорого было держать, и коровам, похоже, нравилось его общество. И не может ли ребенок научиться на нем ездить?

Оставив их питаться, он немного углубился в поле. Как-то раз увидел тут цаплю — тогда, впрочем, нижнее поле было залито водой. Он представил себе мистера Эрла, идущего по этой грубой земле, — Эрла, который фермерствовал тут тридцать лет, который стоял тут в тумане, как он сейчас, Эрла, на которого веяло теплом от скотины, который, может быть, тоже видел тут цаплю, с широким серым взмахом взлетающую в воздух. В какой мере сознание — продукт обстоятельств? Начнет ли он думать, как мистер Эрл, станет ли на него похож? Но сознание — продукт, вероятно, и всей истории обстоятельств, а у него с мистером Эрлом эти истории очень разные. Продав ему ферму, Эрл поселился в бунгало в

нижней части деревни. Рита видела его иногда в магазине, он покупал сигареты и консервы. Про ферму не спросил ни разу.

Он отправился назад по узким дорогам. С тех пор как ехал сюда, прошло минут сорок, и за это время туман начал редеть. Отдельные сгустки еще висели, запутавшись в ветках деревьев, но небо стало выше. День не обещал быть из тех придушенных дней, чей огонек не разгорается, дней, когда ближе к вечеру отлив старого тумана перекрывается приливом нового.

Он въехал во двор фермы и остановился перед домом. Проголодался уже, но с этим придется подождать. Он вышел из машины и двинулся к большому сараю, который стоял напротив дома в дальнем конце двора. Как и шиппон (он замыкал двор с третьей стороны), как и тележный сарай (отчасти замыкал с четвертой), большой сарай был гораздо старше дома и во многом представлял собой совокупность фермерских починок за полтора века, не слишком качественных из-за нехватки времени и денег. Внизу стены каменно-глинобитные, выше кирпич, еще выше доска, набитая на стойки. Вход был достаточной ширины и высоты, чтобы въехал хороший воз сена. Двери, думалось ему, могли бы служить город-

скими воротами, над которыми несут караул стражи в кольчугах. Они рухнут последними, переживут здесь всё, будут в итоге стоять сами по себе, как роденовские бронзовые врата в Париже, он видел их, когда был там с подругой (колледж Святой Хильды, специальность — древняя и современная история), с одной из оксфордских, на которых он не женился. Подобные двери не предназначены для такой ерунды, как заурядный приход и уход, и он направился к дальнему концу постройки, к намного меньшей двери; там, отодвинув засов, вошел в сарай, где неизменно стоял вечер. Свет, падая сквозь прорехи в стенах и крыше, прихотливо, как воспоминание, трогал отдельные предметы из всего, что тут в беспорядке хранилось. Автомобиль — «моррис травеллер» — был не очень нужен сейчас. Рулоны проволочной сетки для оград, мешки с кукурузными брикетами, дробилка Брэдли (два больших маховых колеса). Тюки соломы, железная ванна и простертый на боку, точно подстреленный триффид[12], уличный фонарь, который мистер Эрл, по-видимому, хотел поставить во дворе и

[12] Примечания: 12

Триффиды — хищные растения из научно-фантастического романа английского писателя Джона Уиндема (1903–1969) «День триффидов» (1951 г.).

который там и вправду был бы очень кстати. И животные. По одну сторону, в импровизированном деннике, две коровы с маститом, нехорошие случаи, пенициллин им, кажется, не помогает. По другую в дощатой коробке, которая, возможно, была сбруйной, пока не спилили верхнюю часть стен, — Друзилла, готовая не сегодня так завтра отелиться. Он пошел взглянуть на нее. Она стояла к нему мордой. Угнетенной не выглядела. Это не первый ее отел. Ему, он знал, следовало бы подойти к ней сзади и посмотреть, как там и что, но по ее облику он понял, что она бы этого не приветствовала. «Приду проверю тебя, когда поем», — сказал он. Он не знал, ободрителен ли для нее его вид.

Покончив с делами в сарае, вернулся во двор. От навозной кучи в белом воздухе реяли ленты вони. Он погрел около нее руки. Запах ему не мешал. Он, подумалось ему, уже и не замечает его особенно. Подойдя к шиппону, снял с крючка цепочку и поднырнул головой под балку. Когда он только тут появился, внутри были стойла, но сгнившие. Одним из первых его дел было спилить их и устроить большой костер. В шиппоне стало просторно, его коровы расхаживали там, как им вздумается. Ложились на солому, он кидал им с

сеновала сено, давал кукурузу и свекловичный жом. Сухостойные были в поле, еще три коровы в сарае, так что в шиппоне оставались только восемь. Он проверил поилки. Он всегда из-за них нервничал: вдруг окажутся пусты, а он не будет знать, почему, что́ надо исправить и как; но сегодня там была вода, на свету кое-где словно подцветшая. Позже надо будет взяться за тачку, рассыпать свежую подстилку, сосчитать тюки на сеновале, проделать в уме вычисления, постараться понять, сколько зимнего корма, возможно, придется подкупить, и надо будет подумать еще раз о преимуществах силоса — о возможных преимуществах. В этом году он его не заготавливал. Доверился сену. «Хорошее сено, вкусное сено ни с чем не идет в сравнение»[13]. Где-то когда-то он это прочел.

Вышел наружу через проход в задней стене шиппона. Перед ним были заросли шиповника, буддлеи, жимолости, сирени. Все это по-хорошему надо было расчистить, пустить в ход емкости с паракватом[14], которые он обнаружил в мастер-

[13] Примечания: 13

Шекспировская фраза из комедии «Сон в летнюю ночь». Перевод М. Лозинского.

[14] Примечания: 14

Паракват — сильнодействующий гербицид.

ской. Но весной тут все кишит птицами, а позже выстреливает зонтиками и острыми соцветиями — сладко пахнущими, непокорными и милыми. На это любуется, глазея сквозь решетчатую калитку своей выгородки, бык. Каждый день у них противостояние. Билл сверлит взглядом быка; бык иногда смотрит ему навстречу, но чаще не уделяет ему внимания. Бык, несомненно, опасен. О быках молочной породы идет дурная слава. Достаточно ли высока калитка? Происшествий пока не было — именно что пока, и бык поселился в его сновидениях, существо, у которого в мыслях некая дверь, качающаяся туда-сюда, и не дай бог тебе оказаться в них с неудачной стороны.

Быка он купил летом на ярмарке в Йовиле[15]. Он стоял, налегая на перила загона, со старым Ричи, и тот вдруг показал двумя скрюченными пальцами: «Вон того бери, самое оно тебе будет». Перед этим они пили в гостинице «Русалка». Он сидел там с Ричи и еще с четырьмя или пятью, с коренными сомерсетцами в костюмах для ярмарки. Наверняка у каждого в каком-нибудь из карманов лежал на всякий случай моток веревки. Не фермерствующие джентльмены, не

[15] Примечания: 15
Йовил — город в графстве Сомерсет.

зажиточные землевладельцы — нет, по большей части арендаторы. Слушать их разговор — как Чосера слушать. Скрытные, хитроватые, забавные. Приглашение в их компанию было для него безусловной честью, ибо они считали себя, и небезосновательно, солью земли. Они, и особенно старый Ричи, давали ему советы, которые он прятал в надежные места, как золото. Но пить с ними! Они с детства привычны к скрампи, крепкому сидру. Иные, он видел, подливали туда четверть пинты джина. Алкоголь не был ему в новинку, его вырастили люди, которые лишь малую часть дня проводили без спиртного; но сидр дело особое, у него свои законы. В общем, купил он быка, потому что был под градусом, был, может быть, в шаге от галлюцинаций, но главным образом потому, что не хотел разочаровать наставника. Двести гиней! Почти все, что скопил, и, безусловно, больше, чем в разумном состоянии мог себе позволить. Другие фермеры стояли и смотрели. Никакой возможности понять, что у них на уме, правильно, по их мнению, он поступил или свалял дурака. Они знали, что он не из фермерской семьи, это по нему видно. Кое-кто, может, знал, из какой он семьи, хотя мир его отца мог существовать у них в головах

только как причудливая игра теней: дом окнами на лондонскую площадь, автомобили, «бизнес», о котором время от времени что-то просачивалось в газеты, хотя пока еще не в «Сомерсет стандард» и не в «Вестерн газетт».

Что все же с этим быком не так? И, будь он тогда трезв, заметил бы он неладное? С лета бык осеменил только трех из его коров (Друзилла ждала теленка от соседского быка). Айрширские ему не по вкусу? О ком он грезит по ночам — о джерсейках с длинными ресницами? О симпатичных крупнокостных голштинках? Рита сказала, что он тонко чувствующий бык и должен быть в настроении. Он в ответ спросил ее, не зажечь ли ему для быка свечи. Может быть, одеться как официант-итальянец? Сыграть на аккордеоне? Ей это понравилось, она засмеялась, с жаром сказала: да! Но он не находил быка смешным. И не знал, что с ним делать. Можно было бы спросить ветеринара, но ветеринар ездит по фермам и, не исключено, рассказывает фермерам байки, сидя на кухне за кружкой чая: «Этот, с Мокрой фермы, купил, понимаешь, быка, а бык у него…»

Он постучал золотым свадебным кольцом по стальной калитке. Бык моргнул.

— Смотри, время у тебя уходит, — сказал ему

Билл.

Он прошел через шиппон обратно во двор. У скобы для очистки обуви при входе в дом стянул с ног сапоги. На кухне кошка спрыгнула со стола, где вылизывала кастрюлю из-под спагетти. Прыжок не был паническим, она ни от чего не спасалась, просто заняла более защищенную позицию под столом. Около кастрюли стояла корзинка с яйцами. Яйца не были вымыты, кастрюля тоже.

На полу возле «рейберна» он увидел кружку, подушку и книгу. Поднял книгу и кружку, поставил кружку в раковину и стал исследовать книгу. Ее любовь к чтению, думалось ему, хоть немного, да компенсирует разницу в их образовании. Но «Венера плюс икс»? И все прочее, что она приносила из библиотечного фургона, с летающими тарелками на обложках, с астронавтами и красными планетами. Он предлагал ей кое-что другое. Ей могла бы, например, понравиться Вирджиния Вулф. У него в университете были знакомые девушки, которые восхищались ее книгами и, вероятно, хотели ею быть. Есть в этом фургоне Вирджиния Вулф? В ответ она посмотрела на него — глаза широко открыты, взгляд не слишком дружелюбный, — а затем повернулась к кошке:

«Есть в этом фургоне Вирджиния Вулф?»

Права была, конечно. Не его дело, какие книги она читает. Нечего ему в это лезть. И «Венера плюс икс», вполне возможно, не менее интересна, чем нечто *бесконечно* тонкое про маяк.

Он долил чайник и поставил на плиту. Открыл топку и с минуту блаженствовал, подставив лицо напору тепла. Всыпал еще угля из ведерка (ведерко тоже осталось от мистера Эрла), закрыл стальную дверцу и отправился наверх. Дверь спальни была приоткрыта. Он тихо вошел. Комната все еще была занавешена. Он встал у изножья кровати. Будильник на стуле с его стороны показывал десять минут двенадцатого. Для молочного фермера время ланча. Он пытался увидеть, как поднимается и опускается одеяло, уловить ритм ее дыхания, но в этом грибном, сероватом свете не было ясных очертаний, просто одна мягкость плавно переходила в другую.

— Рита…

Он ждал. Не шевелился. Наклонился ближе, вгляделся в голову на подушке, утонувшую в сумраке, и различил наконец биение жилки на виске. Подумал, не забраться ли туда, не лечь ли рядом, чтобы почувствовать ее тепло — мол, теперь всё, теперь ты в безопасности.

Еще несколько секунд на нее смотрел, а потом вернулся в кухню, думая, что неплохо было бы иметь друга, с которым можно поделиться: моя жена то, моя жена это. Стэнхоуп, его лучший друг в Оксфорде, был сейчас в Южной Америке. Полгода назад он написал из Аргентины, что там первозданный край, где можно отличиться на любом поприще. Ярмарочные люди — старый Ричи и ему подобные — друзьями не были. Через десять лет разве что, если он тут пробудет столько. Брат Чарли был когда-то, но не сейчас. (В каком-нибудь фильме о побеге из концлагеря Чарли — тот, кого в ночь решительных действий вдруг не оказывается на месте: струсил или, может быть, сидит у коменданта, пьет шнапс.) Их отец, насколько он мог судить, был к дружбе в принципе не способен, и это, кажется, ему не мешало. Трудно сказать, много ли ободряющего можно отсюда извлечь.

А Рита? С кем она дружила? Были «девушки», с которыми она жила до замужества, которые пришли в бюро регистрации обсыпать их конфетти; но с ними ей, похоже, не составило труда распрощаться. В ее рассказах фигурировали и другие — впрочем, не все рассказы звучали вполне правдиво. Дружок детства, шалопай, с которым она

кочевала по неким сельским краям, был, считал он, скорее выдумкой, кем-то из книжки.

В ее комнате в Бристоле — визит на раннем этапе отношений — он обнаружил под кроватью фотоальбом с очень немногими снимками и со следами клея на нескольких пустых местах. Вся первая страница была отдана ее отцу в военной форме, с фотоаппаратом на шее; на заднем плане серая смазанная громада танка, внизу чернилами: «11-я бронетанковая дивизия, апрель 1945».

В числе других снимков были три-четыре фото улыбчивого блондина, большей частью сделанные в заведении, похожем на паб. На одной фотографии в конце альбома, не приклеенной, Рита сидела на колене у небелой женщины; судя по одежде (ее было немного), они участвовали в некоем шоу. Позже он понял, что это, вероятно, Глория, единственная, может быть, настоящая Ритина подруга, которая внезапно перестала ею быть. Он листал альбом, пока Рита в общей кухне готовила, как всегда, что-то несъедобное. Когда услышал, как она поднимается по лестнице, затолкнул альбом обратно в темноту под кроватью и подумал: как приятно, какое это облегчение — быть свободным от прошлого.

Он приготовил чай, залив кипятком ее спитую

заварку. Поискал что-нибудь съедобное. То, что было в холодильнике, следовало выбросить, даже курам этого не дашь. Нашел кусок сыра — острого чеддера, от которого горело во рту, нашел остатки нарезанного белого хлеба в вощеной бумаге. Сделал себе сэндвич, зачерпнул из жестянки за радиоприемником горсть шоколадного печенья и вынес все это в машину. Положил еду на пассажирское сиденье и пошел в мастерскую — в пристройку к шиппону со стороны дома, где инструменты висели на гвоздях, где на двух колышках, вбитых в дальнюю стену на высоте лица, лежал дробовик Эрла. Билл знал за собой, что он так себе мастер, но даже так себе мастер способен, если постарается, поправить ворота хотя бы на время, чтобы они с Ритой спокойно перешли в новый год. Он покидал инструменты в холщовый мешок, выискал подходящий на вид кусок дерева, бросил все это в багажник «джипси» и снова выехал на дорогу — одна рука на люфтующем руле, другая нащупывает и подносит ко рту печенье.

5

Айрин Парри сбежала по лестнице босиком. А вдруг бы упала? Упала и лежала бы в крови у подножия лестницы? Но нет, она не упала. Подняла трубку и, постаравшись сделать голос таким, будто она не один час как бодрствует, сказала: «Дом доктора Парри».

В трубке булькающий звук. Опоздала. Она положила трубку и стала на нее смотреть, ожидая повторного звонка. От сознания, что день начинается вот так, с неудачи, захотелось плакать. Она слышала телефон на периферии сна. Звонки вошли в ее сложное и довольно навязчивое сновидение с участием русских и, возможно, их низенького космонавта собственной персоной. Теперь все, извлечена оттуда. Кто-то шинковал там грибы. Почему-то это ее пугало.

Она вернулась в спальню и надела пеньюар. Она говорила: пеньюар, хотя скорее это был капот или даже халат, впрочем, очень даже симпатичный, стеганый, с рисунком из желтых и оранжевых роз. Ступни сами нашли шлепанцы у края кровати. Она раздвинула занавески перед маленьким окном с глубоким подоконником и

поглядела в туман. День начинался сызнова. Третий раз? Первый был, когда она услышала звонок на тисмейде[16] и все прочее, что проделывала эта машинка. Щелчки, шипение. Он спросил, хочет ли она чашку, но она не хотела, только спать. Слышала ли она, как он вышел? Или уже была с русскими и с грибами? Раньше всегда поднималась приготовить ему завтрак, но последний месяц перестала, остается в постели. Он сам это предложил. И, может быть, очень даже доволен утренней самостоятельностью. Так, возможно, ему и проще. Тост, мармелад, новости по Би-би-си. Как бы то ни было, он не жалуется.

Второе пробуждение было из-за телефона. Третье сейчас: день за окном, окутанные деревья по ту сторону дороги, оцепенелый дом, ее собственное оцепенение, прохладный воздух около стекла. Она прикрыла глаза. Начинается? Последнюю неделю ее не тошнило; она надеялась, что с этим покончено. Эрик сказал — вероятно; ну, или вполне возможно. Она прошла по коридору в туалет рядом с ванной и встала в ожидании. Там имелось окошко размером с ее лицо, и она, чтобы отвлечься, выглянула. Это была другая

---

[16] Примечания: 16
Тисмейд — электрический автомат для приготовления чая.

сторона дома, снаружи сад позади него, ясень, часть поля. Ферму из-за тумана видно не было. Ей становилось легче. Ничто не вечно, все проходит. Она переместилась в ванную, дернула шнур, зажигая свет, скинула шлепанцы и встала на весы. Цифирки побежали, остановились. Она сошла с весов и направилась к зеркалу. Оно было в полный рост и привинчено к стене между дверью и радиатором. Она подняла ночную рубашку. Пристально посмотрела на себя, тронула кожу, повернулась боком, вгляделась еще раз, затем позволила рубашке упасть, застегнула пеньюар и всунула ноги обратно в шлепанцы.

В спальне почистила зубы перед раковиной. На стене над умывальником висела репродукция старой картины — «Портрет четы Арнольфини». Свадебный подарок от одного из друзей Эрика, с которым он изучал медицину в Манчестере. Подарок, возможно, шутливый — у друга была ироническая жилка. Если так, шутку свою он не объяснил, по крайней мере ей, хотя танцевал с ней на свадьбе. Может быть, посчитал, что они сами должны понять.

Изображены были мужчина и молодая женщина. У мужчины — лошадиное лицо без единой волосинки. На нем большая темная шляпа, на-

столько же темная, насколько он бледен лицом. Одной рукой он держит — не стискивая, но, думалось ей, с некой символической уверенностью — руку супружницы. Другую руку приподнял, то ли благословляя, то ли призывая ее умолкнуть, ее и всех, пока мозг позади этого длинного белого лица решает какую-то задачу. Она одета в зеленое. Беременна или выглядит беременной, свободная ладонь лежит на раздутой зелени платья. Трудно сказать, куда она смотрит. Не на него, не на супруга. На заднем плане кровать с красным пологом. Наверху затейливая латунная люстра, на стене зеркало, выше него какая-то надпись, за открытым окном угадывается дерево. Все в этой картине затаило дыхание, она вся — пауза, длящаяся сотни лет, вопрос, ожидание, в ней ничто не может двинуться, пока он не опустит руку и не сообщит, что́ он надумал. Тогда *она* сможет поднять глаза и сказать свое. Если ей позволено говорить вообще.

Она иногда думала, что лучше бы Эрик эту репродукцию не вешал. Ей казалось, он ее даже не замечает. Его не интересовала живопись. Она бы предпочла что-нибудь приятное кисти Ренуара, или зеркало, или просто стену. От этой картины исходила какая-то неизвестность, тайна какая-то.

Головоломка.

Она убрала кровать, подняла с ковра с его стороны чашку и блюдце и пошла к лестнице. На полпути вниз услышала звук — словно открылась входная дверь. Замерла на ступеньке и придержала дыхание. Что, перепутала дни? Это миссис Радж вошла? Но не слышно возни, не слышно, как она снимает пальто, нет ее приближающихся шагов через гостиную.

Она отнесла чашку с блюдцем на кухню, поставила в раковину и вышла в прихожую. Оказалось — почта. Она была рассыпана на коврике. Перебрала ее, ища голубой конверт авиапочты, розовые марки с реактивным лайнером, с куполом здания, напоминающего собор Святого Павла, — Капитолий, кажется? Или Сенат? Она ждала письма, но Вероника ненадежная корреспондентка. Неделями ничего, потом вдруг страницы и страницы крохотным почерком, сплошь сплетни и хихи-хаха. И порой посылка — впрочем, с лета не было ни одной. Ну, сестра занятой человек. У нее работа! Работа плюс муж.

Вся почта была Эрику. По большей части, похоже, счета, которые он имел смешную привычку просто выбрасывать. Она положила все это на шкафчик с проигрывателем и пластинками и

вернулась на кухню. Вдруг почувствовала сильную жажду, жажду и голод. Стоя выпила перед раковиной кружку воды, затем включила электрический чайник, отрезала кусок хлеба, обильно намазала его маслом и, не садясь, начала есть, держа хлеб двумя руками и глядя в окно. Я как мышь Ханка Манка[17], подумала она и впервые за утро улыбнулась.

Отрезала еще один ломоть хлеба. Этот намазала мармеладом, который сварила сама по маминому рецепту. Пятнадцать банок в прохладной кладовке: *Померанцевый* 1962. Не такое прозрачное желе, как хотелось бы, но все же есть чем гордиться, и она к слову упомянула мармелад маме, с которой раз в неделю говорила по телефону.

Чем сегодня заняться? Ей противно было считать себя… какой? Ленивой, разболтанной, инертной, равнодушной. Противно было думать, что она выглядит так в глазах Эрика или даже в глазах миссис Радж. Ведь по натуре она труженица; что-что, а это она о себе знала. Когда они с Вероникой росли, именно сестру ругали, и не без оснований, за безделье, за пустую мечтатель-

[17] Примечания: 17

Ханка Манка — мышь из сказки английской детской писательницы Беатрис Поттер (1866–1943) о двух мышках, которые забрались в кукольный домик и пытались есть гипсовую еду.

ность. А сейчас у Вероники есть работа. Какая именно, Айрин не было вполне ясно. В одном из писем говорилось, что она прославленная машинистка в университетском офисе, но, судя по всему, там нечто большее. Так или иначе, она не валялась по утрам в постели, жалея себя.

Айрин вымыла руки, тщательно вытерла их чистым полотенцем и пошла к полке на дальней стене кухни, где стояло ее собрание поваренных книг. Она сняла оттуда «Современную практическую кулинарию». Сняла «Энциклопедию мировой кулинарии». Сняла свою любимую «Средиземноморскую еду» Элизабет Дэвид. Эту книгу ей подарила Тесса, ее «эстетствующая подруга», как ее называл Эрик. Тесса жила в Лондоне и крутила роман с женатым человеком — с драматургом, известным в кругах любителей небольших театров, среди тех, кого заботили такие вещи, как термоядерная война и север Англии[18]. Айрин, конечно, тоже все это заботило. Она читала редакционные статьи в «Геральд», слушала дискуссии по Третьей программе Би-би-си. Около кровати у нее лежала книга Ричарда

[18] Примечания: 18

Промышленный север Англии в XX веке испытывал растущие экономические трудности и сильно пострадал от атак люфтваффе во время Второй мировой войны.

Хоггарта «Об использовании грамотности»[19]. Эрик не раз заговаривал о Хоггарте. Теперь, когда ей лучше, самое время взяться за него как следует; не потому, что надо, а потому, что хочется.

Жена драматурга, видимо, знала о его романе, знала и соглашалась. Жена — актриса. Соглашалась или, может быть, мирилась от безвыходности. Когда Тесса приедет в гости, можно будет спросить. Интересно же. Драматурга Тесса вряд ли с собой возьмет. Есть черта, за которую не заходят, хотя где она, эта черта, становилось трудно понять.

Она принесла с полки у телефона свой блокнот и шариковую ручку, отодвинула тарелку Эрика с остатками завтрака (крошки, мармелад, столовый нож), села за стол и сняла с ручки колпачок. Кое-какие вопросы требовали решения. Во-первых, сегодняшний ужин. Пятница — по-хорошему, конечно, должна быть рыба, но рыбный фургон на этой неделе почему-то не приехал. Вчера вечером (это чуть ли не последняя мысль была перед тем, как заснуть) ей пришел в голову рататуй. Почти все необходимое имелось: банка

---

[19] Примечания: 19

Ричард Хоггарт (1918–2014) — английский социолог литературы и культуры. В своей книге «Об использовании грамотности» (1957 г.) он исследовал воздействие СМИ на культурную жизнь рабочего класса.

помидоров, лук, красный перец, стеклянная банка с блестящими черными маслинами, которую Габби в сентябре подарил Эрику на день рождения. И у нее есть чеснок! Осенью у них в деревне появился француз в смешной французской машине (ничего общего с машиной Эрика). Постучал в дверь, одетый в бретонскую тельняшку. Курил не то «голуаз», не то «житан». На голове берет. А через плечо — связки розового лука и чеснока. Он рассмеялся, увидев ее лицо, и с очаровательным акцентом объяснил, что приплыл на пароме и объезжает сельские места. От него пахло луком, темным табаком, солью, чужими краями. Она достала кошелек и купила две связки лука и одну чеснока. Большую луковицу в самом низу связки он назвал капитаном.

– *Merci, Madame, et bonne journée!*[20]

— До свидания, — отозвалась она, а потом прокричала вслед: — *Bonne journée à vous, Monsieur!*[21]

Французский у нее был в школьном аттестате. Она очень хорошо по нему успевала.

Итак, рататуй. И, может быть, ей повезет и в

---

[20] Примечания: 20
Спасибо, мадам, и хорошего вам дня! (*фр.*)

[21] Примечания: 21
И вам хорошего дня, месье! (*фр.*)

местном магазине окажутся, например, свиные стейки на кости.

Как ни странно, за три года брака она не поняла толком, что́ он любит. Эрик был не из тех, кого ее отец называл знатными едоками. Что ему сгодится, что он будет есть без вопросов, было вполне ясно. То, на чем он вырос, — и он, и все, в той или иной степени, потому что война и так далее. Но всю жизнь запеканка из мяса с картошкой? Капустно-картофельное жаркое? Все скучное до невозможности. Он сказал однажды, что ей бы следовало его просветить. Он имел в виду пищу, конечно, потому что ни в чем другом она просветить его не могла.

Не столь неотложным, как ужин, но более важным — внушающим тревогу — было все, что касалось Рождества и приема гостей в День подарков 26 декабря. Это будет первое Рождество, когда они не поедут к ее родителям. Эрик уперся, и она не настаивала. Вероника в этом году приезжать не собиралась, и смотреть, как Эрик и ее отец сидят, держась за рюмки с портвейном и выискивая, о чем, осмысленном для обоих, поговорить, ей не хотелось. Родители были недовольны и не стали этого скрывать. Они будут, она знала, проявлять недовольство еще долго после

Рождества. И на следующий год поднимут эту тему. Но она теперь миссис Эрик Парри. Ее место не там, а здесь. Пора им привыкать.

Что же до приема гостей, ей начинало хотеться, чтобы он не состоялся вовсе, но приглашения были разосланы, и кое-кто их уже принял. Не такое уж большое сборище, человек двадцать, если явятся все. Она будет рассчитывать на двадцать пять. Эрик сказал, гости обычно хотят только выпить, можно ограничиться хрустящей картошкой и арахисом, но как это будет выглядеть? Добро пожаловать, возьмите орешек. Возьмите два. Еще он высказал мысль, что угощение может приготовить миссис Радж, но миссис Радж, насколько она знает, способна разве что испечь сконы. Уборщица всего-навсего.

«Средиземноморская еда» открылась на рецепте бекасов на шампурах. Что и говорить, эффектная альтернатива арахису. Она вообразила блюдо, передаваемое из рук в руки. Засмеялась, удивила этим себя, утихла, перевернула страницу. Фаршированные помидоры по-гречески? Или долмадес: «маленькие рулетики из аппетитного риса в виноградных листьях». Где можно раздобыть виноградные листья? В конце книги были адреса, чтобы заказать нужное. Или она может

задать задачку миссис Кейс в местном магазине. Ей регулярно доставляют из города партии продуктов. Где-нибудь да должны в Бристоле быть виноградные листья.

Она зевнула, подняла голову, посмотрела в сад. Туман теперь походил на протершуюся ткань, стал серой дымкой дождя, висящего в воздухе из-за невесомости капель. Сад выглядел неухоженно, слегка печально. Зеленая мокреть и коричневая мокреть, мертвая чернеющая листва на лужайке. На декоративной яблоне птичья кормушка. Из нее клевал крупу воробей. Два других ждали очереди.

Она встала и включила радио — Би-би-си, внутреннее вещание. Женский голос еле слышался из-за помех. Она взялась за колесико, чуть подкрутила. Голос окреп.

«Но как именно выглядели древние обитатели этих островов?»

Это была учебная программа для школьников. Она слушала иногда такое. Слушали, можно предположить, и другие женщины, сидя по своим домам, как дети-переростки.

«Вайда – распространенное растение,

которое часто встречается и сегодня. У вайды желтые цветки, а из листьев добывают синюю краску, подобную индиго…»

Она выключила приемник и заварила чай. С проволочной полки на боковой стенке шкафа стянула несколько журналов, которые прислала из Америки Вероника. Положила их на стол, налила себе чай и вновь села. Планировать, она знала, никто за нее не будет, но десять минут можно же посидеть за чашкой. Вреда от этого никакого. И ни одна душа не смотрит. Подумала, как бы хорошо сигарету, может быть, ошибкой было бросить — или, пусть не ошибкой, не таким уж необходимым шагом. Отчет[22], возможно, сгущает краски. Эрик так не считал, но курил по-прежнему. Где-нибудь, если поискать, в доме, наверно, найдется пачка.

На верху стопки лежал «Дамский домашний журнал» с очень симпатичной рыжей девчушкой на обложке. Журналы эти она уже пролистала несколько раз, но почти всегда находила что-нибудь новое. И просмотр приближал ее к сестре,

[22] Примечания: 22

Имеется в виду отчет Королевского колледжа врачей от 7 марта 1962 г., где говорилось, что курение вызывает рак легких, бронхит и, вероятно, сердечно-сосудистые заболевания.

они словно сидели бок о бок, по очереди показывая на что-то интересное или нелепое. Вероника приезжала из Америки только три раза за все время — дважды сама по себе и один раз, на свадьбу Айрин, с мужем Моррисом (на целый блаженный месяц). Айрин сознавала, что о повседневной жизни Вероники, о ее привычках, о том, что она каждый день видит и что формирует ее мысли, она уже не имеет понятия. Они медленно, но верно делались друг другу чужими, и это пугало ее. Эрик говорил, что они когда-нибудь смогут сами туда слетать, но ей не хотелось донимать его уточняющими вопросами. В Бристоле один раз зашла в агентство и спросила про перелеты. Они были дороги, дороже даже, чем она думала. Ее угнетало, что у нее нет своих собственных денег.

Она открыла журнал в случайном месте и попала на советы перенесшим удаление матки. Перевернула страницу. Ползущий младенец в подгузнике «Чикс». «Щелк — и готово!» Бумага была почти липкая. Из-за цветной печати? Она разгладила разворот с едой для званого ужина. Не все казалось аппетитным. Но фаршированные яйца! Она и забыла про них. Взяла ручку и записала их под «долмадес». Итак, все-таки она трудится. Исследует вопрос.

Через десяток страниц — знакомый уже тест. Часть статьи, озаглавленной «Спроси себя, хороший ли он муж». Четырнадцать вопросов, и, если муж хороший, должно набраться как минимум одиннадцать «да».

Ваш муж

1) разумно обращается с деньгами?

2) разделяет Ваши внесемейные интересы?

3) чуток по отношению к Вашим родным?

4) рассудительно выбирает друзей?

5) проявляет интерес к Вашей работе?

6) ценит то, что Вы для него делаете?

7) ведет себя осмотрительно, не нарушает традиций?

8) хочет от брака того же, что и Вы?

…

Она прошлась по вопросам, когда только получила журнал, и недавно прошлась еще раз. Некоторые ее ответы изменились, и, случалось, она дольше думала, взвешивала «за» и «против».

Под «Дамским домашним» лежал журнал, совсем на него не похожий. Негритянский но-

востной еженедельник, название — «Джет»[23]. Цена — двадцать центов. Увидев его в посылке, она не удивилась. Ее сестра была, как-никак, женщина свободомыслящая. Ее интересовала расовая проблема. И ее, и Морриса, ее мужа. В университете, где он преподавал, у него был цветной коллега, и иногда коллега приходил к ним ужинать.

Журнал, в отличие от «Дамского домашнего», не был глянцевым. За двадцать центов, вероятно, глянца не купишь. Там не было публикаций с литературным уклоном, не было тестов о браке, не было врачебных советов. Большей частью — короткие материалы о людях, об их хороших и плохих поступках. Была, к примеру, история о стошестилетнем бывшем рабе в Ист-Сент-Луисе, который только что женился на тридцатидевятилетней. История плюс фотография пары. Они не выглядели ни счастливыми, ни несчастливыми.

Была история о человеке, застреленном за неповиновение жене. Жена и застрелила. Была заметка про двадцать семь подростков, поступивших в школу в Литл-Роке, штат Арканзас, в которой до этого учились только белые дети.

---

[23] Примечания: 23

Jet обозначает и черноту (камень гагат), и скорость (реактивный самолет).

Некоторые имена она знала: Сэмми Дэвис-младший, Билли Холидей. Билли сфотографировали в гробу с белыми гарденияами в волосах. Но все эти жизни были от Айрин далеки, как… как неизвестно что. Как китайцы с косичками. Как русские космонавты.

Она вернулась к «Дамскому домашнему». Кто в мире самые блестящие холостяки? Ага-хан IV, князь Орсини. Она нашла еще одно кушанье для приема гостей: крокеты из тунца. Записала, указав номер журнальной страницы. Потом неосторожно обратилась к тому, на что вообще-то не хотела снова смотреть. К чужеродному. Это была фотография на всю страницу: женщина с двумя младенцами. Не здоровая женщина, нет, вид изможденный, выражение лица — по ту сторону злости и страха. Реклама UNICEF — Детского фонда ООН, хотя рекламой это, пожалуй, не назовешь. На смежной странице да, реклама: фотомодель умывается с косметическим мылом. Мать с младенцами — это где-то в Африке. У нее близнецы, и на двоих не хватает молока. Чудовищно. Но в этом, разумеется, весь смысл. Потому-то снимок и поместили именно здесь. Она не может прокормить обоих. Ей придется выбрать. Малыш слева — или малыш справа.

Одному жить, другому нет. Когда она впервые это увидела, вознегодовала. Ходила взад-вперед по кухне, целую речь мысленно произнесла. Собиралась поговорить с Эриком, показать ему. Они пошлют деньги в UNICEF, несколько фунтов, что он сможет. И им следует говорить об этом во всеуслышание, делиться своим отвращением: что это за мир, где одна женщина покупает косметическое мыло, а другая должна выбрать, какого из детей кормить? Она собиралась с ним потолковать — за ужином, может быть, или когда он нальет себе выпить, или даже когда они будут лежать в постели под четой Арнольфини. Но Эрику весь день приходится иметь дело с людским страданием. Пристало ли жене подстерегать его со снимком африканки, которая не в состоянии прокормить своих детей?

Фотография не злила ее уже, по крайней мере не этим утром. Переверни страницу, подумала она, просто переверни страницу. Ничего с этим не сделаешь, нужно принять как данность: да, в этом мире всегда где-нибудь есть и будет женщина, стоящая перед таким выбором. Журнал уже старый, так что одного из детей сейчас нет на свете. Жуткая и бесполезная картинка. Смотреть на нее было изнурительно, но она продолжала

вглядываться в глаза женщины.

Ее набожные родители, прихожане англиканской церкви, по воскресеньям в десять тридцать посещали службу у Иоанна Евангелиста, где на стене в средневековом стиле была изображена процессия со Святыми Дарами. Они с Вероникой ходили с ними почти каждое воскресенье, пока Вероника, которой было шестнадцать и одна неделя, вдруг не отказалась. Отец орал на нее. Его большие руки прямо-таки чесались. Мать была куском льда. О, пусть как хочет, глупая девчонка, считающая себя умнее всех.

Но в церковь ходят не все, сказала Вероника. Бертран Рассел в церковь не ходит! И они оставили ее в покое — мать застегивала перчатки, у отца побагровели виски, Айрин колебалась в дверях, глядела назад, силилась оказать молчаливую поддержку, послать безмолвное «да», пока отец не рявкнул с дорожки, не позвал ее по имени; и она заторопилась за ними следом.

Куда падали ее слезы, глянцевая бумага темнела. Слезинка для женщины. По слезинке каждому ребенку. Слезинка своей маме — она, в сущности, добрая женщина, хорошая и добрая. Слезинка отцу, который, когда они были маленькие, становился на четвереньки, натягивал на спину ковер

и рычал медведем…

Откинулась на стуле, чтобы поплакать свободнее. Телефонный звонок. Она закрыла журнал, вытерла под глазами возвышениями больших пальцев. Торопливо пошла к лестнице. Подняла трубку во время четвертого звонка.

— Дом доктора Парри.

Кто-то из больницы, из приюта для душевнобольных, мужской голос. Хотят связаться с Эриком. Блокнот она захватила и под крокетами из тунца записала имя и номер телефона.

— Он, вероятно, еще на утренних вызовах, — сказала уверенным тоном, хотя понятия не имела, так это или нет, — но я позабочусь, чтобы он получил ваше сообщение… Да… Конечно… Да… Спасибо… До свидания.

Вначале, первые примерно полгода их жизни в коттедже, Эрик оставлял список пациентов, которых он посещает в этот день на дому, с телефонными номерами, у кого есть телефон. Она была чем-то вроде секретарши или сестры-регистратора. Это, по всей видимости, вполне нормально для жены врача общей практики. И ей нравилось. Давало ей роль, пусть и маленькую. Потом списки приобрели спорадический характер, и наконец их вовсе не стало. И воз-

никло неудобство: человек из психиатрической больницы явно предполагал, что у нее есть такой список. Ну, чего нет, того нет.

Она зашла в кухню взглянуть на часы на стене, затем вернулась к лестнице и позвонила в амбулаторию. Трубку взяла миссис Болт — настоящая сестра-регистратор, та, кому платят. Сорок с чем-то, плотного сложения, с перманентом. На лице тонна пудры. О ее частной жизни можно только гадать. Доктора она, по ее словам, сегодня еще не видела, но его машина стоит.

Айрин попросила соединить.

— Если, конечно, он не с пациентом.

Пока еще нет, не с пациентом, хотя было ощущение, что миссис Болт не очень-то нравится соединять с женами.

В трубке щелчок, гудение. И вдруг ей стал слышен воздух в кабинете, где он сидел.

— Эрик?

— Это срочно? У меня начинается прием. Уже, наверно, пора было начать.

Она сказала ему про звонок. Про первый, к которому не успела, говорить не стала.

— Как у тебя утро прошло? — спросила она.

— Утро как утро. Послушай, мне некогда сейчас. Пока, до вечера.

Звонок в дверь. Он услышал и спросил, кто это, — странный вопрос, ведь не могла же она видеть оттуда, где стояла. Сказала, что, вероятно, почта, хотя, едва сказав, вспомнила, что почта уже была.

— Ну, всего хорошего, — сказал он.

— Пока.

— До вечера.

— Да. До вечера.

Она положила трубку и повернула голову к окну. Можно ли открыть в таком виде? Поправила волосы, пригладила желтые и оранжевые розы и двинулась в прихожую. По пути пришла глупая мысль, что это опять может быть француз, но, когда открыла дверь, это оказалась блондинка с фермы. Она стояла в дафлкоте и берете, разрумянившаяся от ходьбы, и держала коробку с яйцами.

6

Возле парковочной площадки для посетителей больницы и стоянки для карет скорой помощи было выделенное белыми линиями место для машины, где знак гласил: «Старший медик». Эрик заехал туда и встал. Рядом было место для авто

директора, там стоял его бордовый «вулзли». Его машина всегда была чистенькая. Раз в неделю ее мыли пациенты, мыли и вощили.

Он пошел к главному входу, докуривая сигарету. Хотя день не очень годился, чтобы рассиживать снаружи, деревянные скамьи были заняты теми, кому разрешалось выходить на территорию. Многие, как и он, курили. Двоих-троих он узнал.

Больница в той основной своей части, что смотрела на подъездную дорогу, была средневикторианской архитектуры и не лишена некой провинциальной величественности, вряд ли рожденной представлением о том, что первые обитатели здания, скорее неимущие, чем умалишенные (хотя умалишенные, вероятно, тоже были?), заслуживают такой обстановки. Построил впечатляющую больницу — и, может быть, получишь заказ на железнодорожный вокзал или даже на административное здание. Оранжевый кирпич с орнаментом из более темного кирпича. Высокие окна на первых двух этажах, колокольная башня с флюгером, который, должно быть, некогда задорно поблескивал, но сейчас изрядно позеленел. Пониже на башне часы (очень похожие на вокзальные). Они показывали без десяти

три. Эрик сверил их со своими наручными и слегка удивился, что они идут верно.

Из вестибюля — глазурованная желтая плитка стен и большой, никогда не используемый камин — наверх вела, уходя в тень, широкая деревянная главная лестница с железными балюстрадами. По этой лестнице могли ходить далеко не все. Он, разумеется, мог. В тускло освещенном коридоре второго этажа он прошел мимо мужских портретов в золоченых рамах. Бакенбарды, высокие бледные лбы — основатели, жертвователи, попечители.

Кабинет директора был в задней части здания. Дубовая дверь с латунной табличкой. Эрик постучался. Дальше по коридору трудилась согбенная фигура с тряпкой и ведром.

Дверь открыла секретарша.

— Здравствуйте, доктор, прошу вас.

Кабинет был единственным помещением в здании — ну, из тех, в которых Эрик бывал, — где не пахло дезинфекцией и кухонными испарениями. Может быть, и тут чуть-чуть пахло, но все же меньше. Панели на стенах, высокий потолок, два окна с видом на больничную ферму, на футбольное поле и, в ясные дни, на рваную городскую окраину вдали. Два письменных стола, поменьше

и побольше. Четыре серых металлических шкафа для документов. В камине горел уголь. В углу на тумбочке папоротник в горшке еле заметно покачивал ветками от перемещений комнатного воздуха.

Директор, сидевший за столом побольше, встал и протянул руку.

— Эрик. Спасибо, что пришли. Надеюсь, мы вам день не испоганили.

Он сел обратно. Эрик уселся напротив. Директор был старше Эрика лет на десять. Светлые аккуратно подстриженные усы, зоркие серые глаза, темно-серый костюм, шелковый галстук с вышитой золотой короной. Он не был медиком, и с самого начала между ними завязалась молчаливая борьба за первенство в этом учреждении.

— Хересу?

Секретарша уже ставила на угол стола серебряный поднос. Бутылка «харвис бристоль крим», две симпатичные рюмки. Мужчины смотрели, как она наливает.

— Ваше здоровье, — сказал директор.

— Так что же именно случилось? — спросил Эрик. В общих чертах он уже знал, сказали по телефону, но с ним тогда говорил не директор, а старший палатный медбрат, он явно был ис-

кренне расстроен.

— Один из палаты «Фермер», — сказал директор. — Вы, может быть, помните его. Стивен Стори. Недолго тут пробыл. Молодой совсем. Девятнадцать?

Он посмотрел на секретаршу.

— Да, — подтвердила она. — Отметил тут день рождения. Восьмого сентября.

Директор кивнул.

— Умер, думаю, за несколько часов до того, как мы его обнаружили, хотя судить вам.

— Передозировка?

— Похоже на то. Аннабель, Иэн идет сюда?

— Ему было сказано, — ответила секретарша. — Мне послать кого-нибудь за ним?

— Придет, — сказал директор. — Вы не очень торопитесь, Эрик?

— Я думал, ему скоро домой. Стивену Стори.

— Да, — сказал директор. — Но они ведь, конечно, не всегда хотят домой.

— Пожалуй, так, — согласился Эрик.

Он окружил стоящую рюмку пальцами обеих рук. Пить не пил. Он не очень-то хотел пить с директором, как будто они друзья. Стивена Стори он помнил лучше, чем большую часть остальных. Он выделялся. Ум был очевиден. Ему бы самое

место в университете, а не в психбольнице. Эрик попытался восстановить в памяти их последний разговор. Прошло всего несколько недель. Речь, помимо прочего, зашла о шахматах. Каждый из обоих играл в свое время с отцом, и каждый — это не было прямо между ними высказано, прозвучало намеком — остерегался выиграть. Диагноз — шизофрения. Диагностировать поступающих сюда больных в обязанности старшего медика не входило, этим занимался психиатр, но у Эрика сложилось впечатление, что этот врачебный ярлык клеится намного чаще, чем следовало бы.

— Что он выпил? — спросил Эрик. Ответ он знал почти наверняка, но нужно было убедиться.

Директор, хмуря брови, смотрел на папоротник.

— Снотворное, — сказал он.

Перевел взгляд обратно на Эрика и выдал полуулыбку-полугримасу — знак того, что затронута неловкая, но неизбежная тема. Они оба знали, что Стивен Стори попросил снабдить его на первые недели после выписки хлоралгидратом и Эрик эту просьбу исполнил.

— Ничто не показывало, — сказал Эрик, — что он мог такое замышлять. Ничто в истории болезни. Никаких попыток в прошлом. Ничего

абсолютно.

— Самоубийство, увы, трудно предвидеть, это хорошо известно, — сказал директор. — Те, кто, думаешь, может, удерживаются. Те, у кого вроде бы дело идет на лад, вдруг кидаются под автобус. Планировщики, так я их называю, могут очень хитро себя вести. Но если бы он, как бы это сказать, обмолвился, он бы не получил таблеток, да?

— Разумеется.

Тишина — или что-то близкое к ней. Ворчание от горящего угля, деловитое поскрипывание ручки в пальцах у секретарши.

— Его нашли в прачечной, — сказал директор. — Точнее, в сушильне. Кто-то включил пожарную сигнализацию, и какое-то время тут был полный хаос. Когда посчитали людей по головам, пошли его искать. Он лежал на столе. И было письмо. На груди у него, кажется.

— Письмо?

— Мир как отвратительное место. Беспросветность будущего. Напыщенные жалобы, в общем и целом.

— Можно взглянуть?

— К сожалению, нет. Оно у полиции.

— У полиции?

— Вы едва с ним не встретились. Как его, Аннабель?

— Сержант Ортон.

— Да, Ортон. Мне не хочется называть его назойливым, но в какой-то мере это слово годится. И это осложняет дело. Им позвонила мать Стивена, грозная миссис Стори. Не сказать, что большая наша доброжелательница. Обычно семья только рада, когда все делается спокойно и тихо. Но на этот раз…

Он развел руками.

Эрик кивнул. Он понимал — и не вполне понимал. Что от него требуется, какие слова, какие действия? Серьезные ли неприятности у него будут? И какого рода неприятности? Он поступил опрометчиво? Безответственно? Так это выглядит со стороны? Понятней всего были разведенные руки директора. Жест означал, что мишенью всей возможной критики, всех официальных нареканий будет он, старший медик.

— Хотите?

Директор подвинул к Эрику серебряный портсигар. На крышке что-то было выгравировано, возможно — полковая эмблема.

— Значит, будет расследование?

— Не вижу, как этого можно избежать, — сказал

директор. — Но я знаю обоих коронеров. Думаю, все пройдет гладко.

Масоны, подумал Эрик. Он предполагал, что когда-нибудь и ему предложат вступить. Не исключено, директор и предложит.

Стук в дверь.

— Войдите, — сказал директор.

Вошел мужчина в белом халате, один из медбратьев. Вид усталый.

— Иэн, — сказал директор, — с доктором Парри вы, кажется, знакомы.

— Да, сэр, знаком.

— Тогда давайте втроем спустимся. По дороге сообщите доктору подробности. То, что существенно.

Директор встал; Эрик встал. Секретарша бросила на них взгляд. Она была кладезь секретов. Мужчины вышли из кабинета. Коридор, лестница, двойная дверь, за которой начиналась больница как таковая. Психиатрические выглядят примерно так, как ожидаешь. Там действительно завывают, плачут, ведут разговоры с незримым, строят рожи, какие в обычной жизни люди строят разве что наедине с собой или в темноте. На цветных гладких стульях они сидели рядами, неуклюже подстриженные и пришибленные

ларгактилом[24]. Там стоял телевизор — нововведение директора, — но смотрел его большей частью персонал. В одном месте, когда шли по коридору с цветными геометрическими плитками на полу, путь преградил мужчина в военном кителе со шрамами от бритвы по всему лицу. Иэн направился было к нему, чтобы отодвинуть, но другой пациент взял его за локоть и отвел обратно к стенке.

— Спасибо, Мартин, — сказал директор.

— Это Мартин его обнаружил, — заметил Иэн, когда они прошли.

— Я не помню, чтобы мне это говорили, — сказал директор. — А что он делал в прачечной посреди ночи?

— Ему неважно спится, — ответил Иэн. — Когда я в ночную смену, часто вижу, как он прохаживается.

— Это Мартин, значит, включил сигнализацию? Он ко всему, что связано с огнем, неравнодушен, кажется.

— Про сигнализацию не знаю, — сказал Иэн. — Возможно.

— А ведь могло быть и хуже, — промолвил

---

[24] Примечания: 24

Ларгактил — одно из торговых названий нейролептика хлорпромазина.

директор. — Ему могло прийти в голову зажечь погребальный костер.

— Не думаю, что он бы так поступил, сэр. Сейчас уже нет.

— И все-таки я считаю, что нам надо прекратить эти ночные блуждания. Может быть, доктор Парри взглянет на то, что ему дают.

— Да, — сказал Эрик. — Если вы считаете нужным.

Он ждал, чтобы директор упомянул о снотворном, но, конечно, умолчание было еще красноречивей.

Наконец дошли до двери, на которой был только номер. Из ключей на поясе Иэн выбрал один и отпер дверь. Внутри сте́ны из крашеного камня, холод, как в маслодельне, маленькое окно под потолком, два деревянных стола на козлах. На дальнем столе тело под простыней. Эрик подошел и сдвинул ткань. Над столом висел металлический абажур без лампочки. Свет падал только от окна. Он ровно и мягко омывал мертвое лицо юноши. Его не раздели. На нем по-прежнему был пиджак с галстуком. Что говорит о твоем душевном состоянии галстук, который ты повязываешь перед самоубийством? Это знак сумасшествия — или просто желание выглядеть прилично,

респектабельно даже, в глазах тех, кто тебя обнаружит? Нечто вполне нормальное? Нормальное побуждение?

Он обнажил одну из ладоней Стивена. Холодная, жесткая ладонь, кожа сморщенная, рубцовая. Передвинулся к концу стола и потрогал ступни, нажал пальцем сквозь шерстяные носки. Трупное окоченение идет от головы вниз — движется на юг, как любил выражаться один из его преподавателей в Манчестере.

Он пожал плечами.

— Двенадцать часов, — сказал он. — Пятнадцать. В этих пределах.

— Тут мы не можем его оставить, — сказал директор. — Он поедет в Бристоль. Возможно, не одна неделя пройдет, прежде чем тело отдадут для похорон. Вы свяжетесь с коронером?

Эрик кивнул. Надо будет узнать, какая в таких случаях процедура. Скорее всего, он только после расследования сможет подписать свидетельство о смерти.

— Сколько таблеток он выпил?

— Примерно половину склянки, — сказал Иэн. — Что не выпил, оставил в умывальне. Я это убрал и запер.

В амбулатории он принял еще трех пациентов.

Долго заниматься никем не пришлось. В кабинет и обратно, три назначения, спасибо, доктор. Когда за последним закрылась дверь, он посмотрел на часы и выдвинул нижний ящик стола. Вынул оттуда розово-кремовый картонный конверт. На лицевой его стороне — типографская надпись изящным шрифтом с завитками, имитирующим женский почерк или как минимум предназначенным рождать у медиков женские ассоциации: «Эновид 5 мг»[25]. Конверт был слишком велик для любого из карманов, поэтому он спрятал его между страницами «Ланцета» и вышел в коридор. Там ему встретился Габби Миклос.

— Привет, Эрик.

— Привет, Габби.

— Что-нибудь криво-косо? — спросил Габби.

Его шерстяной костюм был на полномера ему велик. Глаза, как обычно, светились странным светом, как будто он только что закапал туда белладонну.

— В психиатрической кой-какая ерунда, — сказал Эрик. — В приюте. Завтра расскажу. Или в понедельник. Дело терпит.

— В приюте, — повторил Габби.

---

[25] Примечания: 25

Эновид — торговое название первого комбинированного орального контрацептива.

Глубокомысленно кивнув, он уставился на линолеум пола между ними. Эрику нравился Габби. Очень даже нравился, надо сказать — он был из немногих знакомых Эрика, кто не разочаровывал его тем или иным образом, — но досаждало, что он довольно туго усваивал правила игры. Хотя другого от иммигранта нельзя, пожалуй, ждать.

— Ну, до встречи, — сказал Эрик. Он поднял руку с «Ланцетом», и из журнала высунулся, будто кончик языка, уголок розового конверта. Он впихнул его обратно.

— Вечером туман опять наползет? — спросил Габби.

— Скорее всего, — сказал Эрик.

С весны, с тех блаженных дневных минут, изменивших его так, что он не отважился вернуться сразу домой, добрый час просидел в ложбине холма над коттеджем, приходя в себя под свежей листвой и рассматривая под новым углом свое прежнее «я» и свою жизнь до этого дня, жизнь, которой он довольствовался, тривиальную, как он внезапно увидел; с тех пор, с самого начала, между ними кое-что было условлено, и главным, о чем они условились, была необходимость держать происходящее в тайне. Не только его брак был причиной, но еще и невозможность в

случае скандала сохранить сельскую практику. В большом городе такое может сойти с рук — но не здесь. Все прочие их соглашения вытекали из этого. Где им можно встречаться и где их никогда не должны видеть вместе; в какие дни и в какое время ему можно приезжать; как часто. Никаких телефонных звонков без крайней необходимости (скажем, Фрэнк сегодня вернется раньше обычного). Как правило, она щедро душилась, но они договорились, что в назначенные дни никаких духов (у Айрин было чуткое обоняние). Он следил за тем, к чему притрагивается, что перемещает. В ее спальне потом он всегда осматривался, оглядывал пол, проверял, не оставил ли чего-нибудь, о чем Фрэнк может, взяв в руки и прищурясь, подумать: не мое. Когда она видела его за этим занятием, когда наблюдала за ним из постели, где лежала на боку, стряхивая сигаретный пепел в перламутровую пепельницу, то иногда смеялась. Смех не был недобрым (он знал — она к нему расположена, может, даже и лучше было бы, будь она расположена чуть меньше). Она ведь тоже, напоминал он ей подчас, может многое потерять. Репутацию, замужество, дом и даже, потенциально, сына. Но она только улыбалась и глядела на него как на ясноглазого мальца с безнадежно

наивными представлениями о мире. Деньги, конечно, — вот что давало ей уверенность. Что бы ни произошло, чековая книжка папаши в его ложноякобинском особняке будет к ее услугам. Она не окажется на улице, ей не придется устраиваться официанткой в кафе где-нибудь там, где никто ее не знает; она не будет опозорена. О том, что́ она такое в моральном плане, он понятия не имел. Он не знал ее с этой стороны. Иногда ему казалось, что она способна разрушить собственный дом просто так, чтобы услышать, какой будет грохот.

Но если из двоих именно он проповедовал осторожность, настаивал на ней, если именно ему однажды приснилось, что пол в ее спальне — не пол, а минное поле с нажимными крышками, упрятанными под уилтонский ковер, со зловредными маленькими зарядами, которые оторвут ему ноги, — если так, то с какой стати он едет сейчас к ней сквозь ошметки *неусловленного* дня? Всего-навсего из-за этой неприятности в психбольнице? Он что же, дал директору себя напугать? Директору! Субъекту из тех, что подпирают стойки в гостиничных барах, — да, отдаленно напоминая о войне за правое дело, но теперь-то они что? Только деньгу зашибать

да трахать секретарш. Парень — другая история. Жаль его, что и говорить. Но пациенты умирают, это случается. Да, безусловно, не в девятнадцать лет, не здоровые в целом и не от таблеток, которые дал им он. Но если всякий раз паниковать из-за… Суть-то… Но он не мог пока сообразить, в чем заключена суть.

Впереди была придорожная площадка. Самое место остановиться и повернуть обратно, но, когда он доехал, машина сама промахнула дальше, рассекая предвечерние сумерки.

Наткнуться на Фрэнка он не боялся. Его распорядок дня он знал. Фрэнк редко возвращался из Бристоля до половины седьмого, обычно примерно в семь. Иногда у нее бывали гостьи — другие жены, которым нечем себя занять. Тут могла получиться неловкость — у иных был острый глаз, — но он, в конце концов, ее врач (и Фрэнка, если на то пошло). Приехал завезти лекарство, вот и все.

Он свернул с главной дороги и двинулся вдоль высокого каменного забора. У открытых ворот уменьшил скорость до пешеходной. Ее машина стояла внутри и была одна. Он проехал еще немного до других ворот, поуже, за которыми гравий подъездной дорожки обступали разросшиеся

вечнозеленые кусты — рододендроны и азалии, ранним летом тяжелеющие от обилия розовых, алых и белых цветков. Элисон говорила, что этот въезд «для торговцев», и, вероятно, так и было, когда дом еще не постарел. В теории — до проверки у него дело не дошло — одна машина могла подъехать к дому по первой дорожке, а другая отъехать по второй без того, чтобы сидящие за рулем видели друг друга.

Он припарковался напротив гаража. Нисходящий свет его фар протяженно ложился на одну из ее сизых лужаек. Где лучи соединялись, он видел мишень, в которую Фрэнк и его сын Джон, приезжавший из закрытой школы на каникулы, пускали стрелы. Фрэнк однажды показал Эрику свою коллекцию луков. Дал ему английский длинный и предложил натянуть тетиву. Эрик справился, но с трудом, с заметным усилием; он этого не ожидал. В то время они еще могли стать друзьями.

Он прошел по траве к двойной стеклянной двери с задней стороны дома. Занавески еще были раздвинуты, и вокруг ступенек разливался желтый свет. Он поднялся к стеклу и заглянул внутрь. Увидел ее — она была одна. Сидела на софе затылком к нему, даря взгляду роскошь

волос. От сигареты вился дымок. Звучала музыка. Он постучал по стеклу, выждал, постучал громче. Она встрепенулась, оглянулась; затем встала и осторожно двинулась к двери, на лице зарождалась улыбка. Когда уверилась, что это он, улыбка стала шире, и она повернула ключ.

— Ничего себе, — сказала она.

Он вошел. Она закрыла и заперла дверь, задернула, взявшись за шнур с резным наконечником из слоновой кости в виде шахматной фигуры, тяжелые занавески. Потянулась к нему поцеловать, затем отступила, чтобы вчитаться в его лицо.

— Что-то случилось? — спросила она.

Он покачал головой. Вопрос вызвал у него досаду. Он зашел глубже в комнату, она вернулась на софу. На ней были черные брюки капри и тонкий медового цвета свитер, на шее нитка жемчуга цвета снеговых облаков. Ступни босые, на ногтях темно-красный лак. В комнате было тепло — в ней всегда было тепло. Фрэнк установил новую систему отопления, побуждаемый женой (в холоде Элисон уже не та Элисон), а еще, как он сказал, из-за телепередачи про грядущий новый ледниковый период. Всю зиму она могла одеваться дома легко. Дом был большой, бывшее загородное обиталище банкира викторианских времен. Не

особенно красивый, пропорции странные, но облагороженный снаружи глицинией, девичьим виноградом, плющом, временем. При нем был зимний сад — рубиновое и зеленое стекло. На территории небольшой бассейн с павильоном для переодевания, слегка напоминающим шале. Формально они жили там втроем, но мальчик, что ни год, отправлялся в школу, а Фрэнк с утра до вечера трудился в табачной компании. Большую часть времени Элисон была одна, дрейфовала по комнатам, чей обогрев стоил немалых денег.

— Выпьешь чего-нибудь? — спросила она. — Да сядь же.

— Я ненадолго, — сказал он.

— Ну, мне тогда налей.

— У тебя уже есть.

— Там почти пусто.

Он взял с низенького столика перед софой ее бокал. На столике лежала большая книга об искусстве: Пикассо, Миро, Хуан Грис.

— Ты просто по мне соскучился? — спросила она. — Или что-то другое?

Он долил ей джина, прибавил пару капель биттера. Капли распространялись, делаясь волокнами розового дыма. На одной стороне бокала был почти безупречный отпечаток ее губ.

— Когда, ты думаешь, он вернется?

Он предпочитал не произносить при ней имени Фрэнка.

— Через миллиард лет, — сказала она. — Пятница. Он наверняка пьет портвейн в правлении с Эдвардом Стрэнгом и высчитывает, сколько презренного металла они загребли. У тебя что, дрянной день был?

— В психбольнице один покончил с собой.

— Ох! — Она притронулась к жемчугам. — Какой ужас.

— Он использовал снотворное, которое я ему выписал. Должен был ехать домой. Попросил на месяц, на два. Я не видел причины отказать. Он не выглядел подавленным. Собирался поискать работу. Казался… нормальным.

— Ну так что же, — сказала она. — Ты хотел помочь. Ты никак не мог знать заранее.

Он пожал плечами. Он передумал насчет выпивки и налил себе немного виски. Перед уходом вымоет и вытрет бокал на кухне или скажет, чтобы она это сделала.

— Милый, — сказала она (да, она иногда называла его так, и звучало мелодично, влекуще). — Не таблетки, другое бы нашлось что-нибудь. С крыши бы спрыгнул. Если им хочется, они находят

способы, правда же?

— Молодой совсем, — сказал Эрик. — Оставил записку. Письмо. Я не прочитал. Полиция забрала.

— Откуда взялась вообще полиция?

— Его мать им позвонила.

— Казалось бы, это последнее, что ей могло прийти в голову. Ну и что, разве это незаконно? Самоубиваться.

— Способствовать этому незаконно.

— Да ладно тебе. Даже полицейские не такие идиоты, чтобы тебя в этом обвинять. Никто тебе ничего не предъявит.

— Я не знаю, как они поступят, — сказал он. — Директор дал ясно понять, что в случае чего он на линию огня становиться не будет. Нам обязательно слушать эту музыку?

Он не знал, что именно звучит. Что-то танцевальное, сентиментальное, дурацкое.

Она распрямилась, встала, пошла к проигрывателю и подняла иглу. Во внезапную тишину неким фоном, звуком извне вступил шелест теплового насоса.

— Поставить что-нибудь другое? — спросила она.

Он покачал головой.

— Моцарта?

— Ничего не надо, — сказал он. — Почему люди постоянно хотят музыки?

— Она делает их счастливее, — сказала она, опуская крышку проигрывателя.

Подошла к нему и завела руки ему за шею. Она была сильно надушена. Он едва удержался, чтобы не укусить ее. Отступил назад, и ее руки упали.

— Мне надо ехать, — сказал он. — Я только хотел отдать тебе вот это.

Из бокового кармана пиджака вынул шесть прозрачных упаковок с маленькими таблетками. Нелепый розовый конверт остался в машине.

— О, — сказала она. — Это то, что я думаю?

— Принимай одну в день, — сказал он. — Каждый день в одно и то же время. Так легче будет помнить. Важно не забывать.

— Спасибо, доктор. Ты думаешь, они правда действуют?

— Да.

— Не так, как те, после которых рождались несчастные младенцы с ластами вместо ручек?

— Их пьют для того, чтобы никто не рождался.

Она улыбнулась ему.

— Они мгновенного действия?

— Нет.

— Но через неделю-то?

Он допил виски и протянул ей бокал.

— Ладно, — сказала она, — ладно. Жаль, что у тебя выдался такой гнусный день. Ты врач что надо, Эрик. И человек что надо.

— Честно говоря, — сказал он, — я ни в том, ни в другом не уверен.

— Завтра у тебя будет другое настроение.

— Улучшится или ухудшится?

— Улучшится. Сильно.

Они коротко поцеловались. Она вытерла ему губы большим пальцем. Он вышел, как вошел, через стеклянную дверь. Снаружи была уже кромешная тьма, или так казалось после помещения. И возвращался туман, поднимался и плыл подобно дыму невидимых костров. Садясь в машину, он вспомнил, что хотел сделать ей внушение из-за письма в амбулаторию. Не сделал; и забыл к тому же спросить, как ее-то день прошел. Это часто у них такое? Его день, но не ее? Полминуты он пытался это себе представить — как она коротает дни в пустых комнатах, бегло проглядывает журналы и романы, пьет спиртное в полдень, подолгу разговаривает по телефону с другими женщинами, которым некуда себя деть, ест что-то неосновательное, открывает новую

пачку сигарет, смотрит, стоя у окна, как листья, кружась, опускаются в пустой бассейн. И — хотя он не был очень-то склонен к мыслям о любви, не очень-то уважал это слово, считал, что оно затаскано до бессмысленности, выхолощено рекламщиками и шансонье, да и политиками тоже, иные из которых, кажется, недавно открыли его для себя, — ему пришло сейчас в голову, что в конечном счете это слово может просто-напросто означать желание вообразить себе жизнь другого человека. Сделать такое усилие. И он нашел, что *способен* на это, способен, как некий сопутствующий дух в комнате у нее за спиной, как некий ангел-регистратор, увидеть ее жизнь — но да, с усилием. Он запустил мотор (а что, если однажды он не запустится?) и аккуратно двинулся задним ходом среди кустов. Выруливая на главную дорогу, увидел фары другой машины, которая приближалась, спускаясь с горки. Когда проезжала мимо, он подумал, что она похожа на черный «зодиак» Фрэнка, и он успел увидеть в зеркальце заднего вида, как машина замедлила ход и свернула на боковую дорогу, на которой он только что был.

7

Коробка с яйцами лежала на кухонном столе. Дафлкот Рита сразу сняла. Сказала: как приятно здесь и тепло, и до чего холодно там на ферме. Несколько минут разговаривали о системах отопления. Около коттеджа у задней двери стоял бак для жидкого печного топлива, на нем работало центральное отопление дома. Вдобавок у них была «АГА», плита и она же печь, работавшая на коксе. В гостиной лежали поленья для камина, их доставлял один старик со своей кряжистой дочкой. Рита их обоих знала. Сказала, опасается, что дочка — узница старика. Айрин ответила, что ей это не приходило в голову.

Рита рассказала про «рейберн» у них на ферме, про то, как плита иногда превращается в вулканчик и извергает в кухню облако золы. Они с Биллом боятся дать ей погаснуть. Вдруг она после этого не захочет работать? Она горит без перерыва, кажется, лет сто.

Каждая из двух знала про другую, что та беременна. По Айрин на шестнадцатой неделе это было уже слегка заметно, и миссис Кейс в местном магазине, которая благоволила к Рите

и жалела ее, считая странной, подтвердила ей. Айрин знала про Риту, потому что Эрик однажды обмолвился. Она была пациенткой Габби Миклоса.

— Хотите я вам дом покажу?

Они вышли из кухни и поднялись наверх. Над гаражом в конце коридора две маленькие спальни, кровати застелены валлийскими стегаными покрывалами; рядом главная спальня (слава богу, там вполне прибрано). С противоположной стороны еще одна спальня — та, в которой умер отец Эрика. Айрин старалась по возможности туда не заходить. Миссис Радж время от времени вытирала там пыль.

— Тут у нас ванная, — сказала Айрин, открывая дверь и отступая.

— Отсюда видно ферму! — воскликнула Рита. — А из нашей ванной я вижу вас. Ну, не вас, конечно…

— Забавно, — сказала Айрин.

Она не смогла бы объяснить, что именно считает забавным. Что они так долго тянули, прежде чем познакомились как следует? Ее настроение перед звонком в дверь — журналы, слезы — улетучилось, как утренний туман. Слишком много времени она проводит одна. Нездоровый образ

жизни.

Спустились вниз. Гостиная, столовая, кабинет Эрика (туда не входили).

— А это детская, — сказала Айрин, открывая дверь в голую выбеленную комнату с панорамным окном, выходящим на задний двор (и на топливный бак).

Они стояли, заглядывая внутрь, и чудилось, будто, открыв эту дверь, они застали будущее врасплох и из глубины комнаты на них ответно посмотрело розовощекое дитя. Или двое детей почти одного возраста.

Кружным путем вернулись в кухню (в этом коттедже так можно было: выходишь из кухни в одну дверь и возвращаешься через другую напротив). За две-три минуты, пока снова не сели за кухонный стол, каждая успела сообщить другой то, что та уже знала; они обменялись датами и начали перечислять симптомы и жалобы, смеясь над тем, что в душе́ приводило их чуть ли не в отчаяние. Рита отставала от Айрин на месяц. Сказала, ей нечего еще показать.

— Поздно вечером я выгляжу немножко беременной, но это просто чай.

Сказала, болят зубы и кровоточат десны. И постоянно нужно в уборную по-маленькому.

— О да, — сказала Айрин, решив, что тоже будет говорить «уборная», а не «туалет». — У нас есть уборная внизу, если вам понадобится.

Она улыбнулась и почувствовала, что где-то посреди Суссекса ее мать строго приосанилась.

— Я все еще с утра в пижаме, — призналась Рита. — Честно говоря, это пижама Билла. Я подворачиваю штанины и рукава.

Она вытянула ногу и поддернула джинсовую ткань, показывая пастельно-бледные полоски на хлопчатобумажной мужской пижаме.

Чем дала повод перейти к обсуждению мужей. В саду певчие птицы устроились в живых изгородях и кустах, пережидая в укрытии остаток короткого зимнего дня. Птицы покрупнее курсировали в небе, цветом напоминавшем старый фарфор.

— Милота, наверно, быть замужем за доктором, — сказала Рита.

— Не без того, — сказала Айрин, не зная точно, что Рита понимает под милотой. Заработок врача? Его положение? — А женой фермера страшно тяжело, наверно, быть. Столько забот со всей живностью.

— Этакая миссис Ной, — сказала Рита. — Но почти все делает Билл, и живности у нас не так

много. Пятнадцать коров, бык, пони, сколько-то кур. И кошка.

— По-моему, очень даже много!

— Одна корова вот-вот отелится. По кличке Друзилла. У них у всех есть клички, но никаких вам Маргариток и Смородинок. Одну мы зовем Нефертити.

— Ух ты! — сказала Айрин. — Должно быть, жутко царственная особа.

— Билл учился в Оксфорде, — сказала Рита, как будто эта учеба объясняла наречение коров в память нильских властительниц. — На юриста, пока не вылетел. Поступил, потому что папаша этого хотел. Думал сделать из него для семейного бизнеса своего юриста, чтобы доверять можно было.

Айрин кивнула. Про папашу она кое-что слышала. Как Эрик его назвал? Еще потер при этом палец о палец — в смысле, деньги.

— А ваш свекор — он тоже врач был?

— Нет-нет, — сказала Айрин. — Он работал на железной дороге. Начал с самого низа. Был рабочим фактически. И дорос до помощника начальника станции в Бирмингеме. Он скончался два года назад. Вскоре после того, как мы сюда переехали. Эрик всегда какой-то трепет перед

ним испытывал.

— А Билл как про своего отца вспомнит, весь морщится, будто лимон сосет.

— Не ладят?

— Билл был бы рад-радехонек, если бы узнал, что его усыновили.

— Ужасно сложно все в семьях, правда? — сказала Айрин.

— А теперь, — сказала Рита, — у нас свои семьи, наша очередь.

И не поспоришь. Несколько секунд строгой тишины. Проехал без остановки на станции поезд.

— Товарный, — сказала Рита, в сущности, себе.

— Выпьете со мной гиннесса? — предложила Айрин. — Я в это время обычно наливаю себе стакан. Эрик купил целый ящик. Там уйма железа.

Она принесла из кладовки две стройные темные бутылки. Достала из шкафа два стакана. Сковырнула крышечки открывалкой с роговой ручкой. Обе аккуратно налили себе темного пива.

— Ну, будем! — сказала Рита, протягивая стакан через стол.

Они чокнулись и сделали по глотку, затем каждая аккуратно стерла с верхней губы пенные усики.

— Вы на ферме росли? — спросила Айрин.

— С год примерно, в войну. У папиных родственников, троюродных, что ли. Они не могли решить, кто я — член семьи или служанка. Они мало чем отличались от своей скотины.

— Тем больше радости вам должно было доставить избавление, — сказала Айрин.

— Должно было. Но знаете, дом есть дом, пусть даже он и не такой уж милый. В общем, однажды утром отвезли они меня с моим чемоданчиком в Бристоль и познакомили с тетей Эльзой. Я и не слыхала про нее раньше. Большая холодная квартира на Котем-Брау[26], верхний этаж. В молодости она была танцовщица, а когда постарела, стала учить этому делу девчонок вроде меня. Их было три, кажется. Не знаю, как ей удавалось платить за квартиру. Она научила меня всем этим смешным старым танцам. Один назывался «Ночная бабочка», она мне костюм для него сшила из тюлевых занавесок. Надо было порхать бабочкой вокруг свечи. Понятно, чем это кончилось. Но, когда я сделалась старше, мне там стало как раз. Я заимела свой собственный ключ, уходила и приходила, когда мне вздумается. В четырнадцать

---

[26] Примечания: 26
Котем-Брау — улица в Бристоле.

ушла из школы и устроилась работать в гостиницу. В шестнадцать уже зарабатывала четыре фунта в неделю.

— Боже ты мой… — сказала Айрин. Ужасы на ферме, чудачка родственница, четыре фунта в неделю в гостинице. Ей захотелось ответить чем-нибудь подобным, но, конечно, ничем подобным она не располагала. — Когда мы были девочками, — сказала она, — мы с сестрой Вероникой попытались научиться танцевать по книжке. Там были черные ступни и белые ступни. Усвоить это было невозможно, и когда мы начали ходить в гости в дома, где танцевали, то приходилось танцевать друг с дружкой, потому что мы совсем не те движения делали, что остальные.

Риту это насмешило.

— У меня тоже есть сестра, — сказала она. — На пять лет старше меня. Я не знаю ее толком. Она была с мамой, когда мамы не стало. Где-то в Бристоле, по-моему. А ваша сестра, она тут где-то?

— Она в Америке, — ответила Айрин. — Вышла за американца.

— Счастье! А вы бы хотели там жить?

— О, даже не знаю. Эрик говорит, мы когда-нибудь, возможно, туда слетаем. Просто в гости.

— В Америке наверняка нужны врачи.

— Эрик говорит, там врачи всё еще платные. Нет такой системы, как у нас.

— Мой врач — Габби Миклос, — сказала Рита. — Он родом оттуда же, откуда отец Билла.

— Правда? Но ведь фамилия вашего мужа — Симмонс, кажется? Очень даже английская.

— Эту фамилию его отец взял, когда приехал сюда. Билл однажды сказал мне, какая у него настоящая, но я забыла. Кончается на «дьи».

— Да, тут, пожалуй, ничего английского.

— Вам не кажется, что он похож на Петера Лорре[27]?

— Кто?

— Габби Миклос.

— Габби? По-моему, он больше смахивает на Омара Шарифа.

Это доставило удовольствие им обеим. Габби Миклос — Омар Шариф.

— А вы в кино ходите? — спросила Рита. — Ну, с мужем.

— Он страшно занят, — сказала Айрин.

— Когда я в Бристоле жила, — сказала Рита, — я все время ходила. «Эй-би-си» на Уайтледис, «Ипподром» в Иствилле, «Кингз» на Олд-Мар-

---

[27] Примечания: 27

Петер Лорре (наст. имя Ласло Лёвенштайн, 1904–1964) — австрийский и американский актер. Родился в семье венгерского еврея.

кет-стрит. В Бристоле было множество киношек. Сейчас начали закрываться.

— Люди смотрят телевизор, — сказала Айрин.

— Ваш очень мило выглядит, — сказала Рита. Они прошли мимо него, когда обходили дом. — Билл говорит, мы скоро сможем взять напрокат. Бог его знает, будет ли он показывать на ферме.

— Может быть, придется повозиться с антенной, — сказала Айрин, и несколько секунд они сидели с серьезными лицами, воображая себе, как волны от передатчика выискивают уединенные фермы. Впрочем, Мокрая ферма не такая уж уединенная: есть деревня, есть железнодорожная станция. Если в сумерках взойти на холм, видны огни города.

— Я в кино с папой ходила, — сказала Рита. — Даже и в войну — когда он в отпуск приехал.

— Он воевал?

— Служил в армейском кинофотоподразделении. До войны работал фотографом, вот его и приспособили, только это уже были не свадьбы. Самое худшее, кажется, под конец. Когда вошли в Германию и обнаружили там всякое. Вы помните запах хаки? Кислый такой.

— Помню немножко, — сказала Айрин. Ее отец тоже надевал. И, конечно, через какое-то время

запах стоял повсюду.

— Первый фильм, какой мы с ним смотрели, был «Месть человека-невидимки».

— Страшно было?

— Не особенно. Со мной же папа сидел, и более чудесного места, чем кино, я знать не знала. Мы пересмотрели всего Флэша Гордона, всего Бака Роджерса, «Марс атакует мир»[28]…

— Нас с сестрой отец никогда не водил. Думаю, он считал эти фильмы…

Она едва не сказала: пошлятиной. Запнулась, но Рита, похоже, не заметила.

— Мне знаете какие больше всего нравятся? — сказала Рита. — Где появляются инопланетяне и все только и хотят, что по ним стрелять, но есть один человек, ученый чаще всего, ну, спец, которого никто не слушает, очень даже милый, когда без очков, и он начинает понимать, что́ они говорят на самом деле. Они не навредить нам прилетели, а научить нас. Они гораздо больше знают, чем мы. Они все наши проблемы могли бы решить, если бы мы только их послушали, вместо того чтобы лупить по ним из пушек.

---

[28] Примечания: 28

Флэш Гордон, Бак Роджерс — персонажи американских научно-фантастических киносериалов. «Марс атакует мир» — полнометражный фильм про полет Флэша Гордона на Марс.

— Вы верите в инопланетян?

— Конечно, — сказала Рита. — А вы?

— Я в сомнениях, — сказала Айрин, хотя сомневалась главным образом в том, что Рита говорит серьезно.

— Они не обязательно в летающих тарелках явятся. Могут однажды просто прийти полем.

— И как будут выглядеть?

Рита пожала плечами.

— Можно я в уборную схожу, Айрин? А то я лопну.

Вернувшись, увидела, что хозяйка стоит перед плитой. Айрин спросила, не останется ли Рита на ланч, и та ответила, что да, с удовольствием, большое спасибо. Посмеялись над тем, какие они голодные, и Рите было странно, просто удивительно, что она может так смеяться, тогда как две минуты назад, сидя в одиночестве в маленькой каморке, где стены выкрашены в зеленый цвет, и глядя на умывальник в пятне света из матового окна, она сходила с ума. Сдавленные голоса ждали и дождались — те, что она впервые услышала еще подростком после войны, те, что зазвучали снова, когда она потеряла ребенка, — хотя «потеряла», не уставали они ей напоминать, неверное слово, нужно другое. С новой беременностью

они вернулись, мужские, немолодые по большей части. Раньше она умела их отвлечь, но теперь они уже не бежали догонять брошенный мяч. Сделались коварней, отчетливей, раздавались не столько в голове, сколько в окружающем воздухе. Сегодня прикинулись, что им смешно. Надо же, маленькая Рита Ли пришла беседовать с женой врача. Обхохочешься! Маленькая шлюшка Рита Ли. Поганая детоубийца Рита Ли. Бедной женщине теперь оттирать кухню сверху донизу, оттирать и окуривать, а самой принимать ванну с антисептиком. А когда ее муж, *доктор,* придет домой, он даст ей успокоительное, а потом отправится на ферму и скажет Биллу, что, если его гнусная жена попробует нанести еще один визит, он добьется, чтобы их обоих арестовали…

Они были комики старой школы: лучшие шутки — их собственного сочинения. Но чуть погодя, как будто не планировали дальше первого наскока, они потеряли уверенность, начали сбиваться, повторяться более визгливо, путаться в словах, утрачивать нить, сделались одним голосом, сделались пастью, рявкающей в темноту, мужской, песье-мужской, песьей, и наконец, разом и неожиданно, как началось, так все и кончилось, стало тихо, и она увидела, как на белой коже

бедер сходят на нет отметины от ее надавивших пальцев. Она подышала в ладони. Иногда, вдыхая, чуяла гниль, но сегодня только терпкий запах пива. Поплакала — очень дисциплинированно, минуту, не больше, потом шатко встала, натянула обратно пижамные штаны и джинсы. Во влажно-прохладном воздухе уборной, пряча голос в шум слива, проговорила: «Глория, Глория». Глядя в зеркало, проверила лицо, посмотрела, как ему удается непринужденная улыбка, и вышла.

Ели тосты с яичницей.

— Я вот как делаю, — сказала Айрин, сдабривая яичную массу щепоткой мадрасского карри. — И мама моя так же. Наверно, и ее мама так делала.

Рита попробовала и сказала, что это чудо как вкусно. После еды пили чай, и Рита достала из кармана дафлкота пачку сигарет. Предложила Айрин, но та сказала, что бросила. Прочла отчет Королевского колледжа и не курит уже не один месяц. А Эрик продолжает. Она не против, когда курят при ней. Принесла пепельницу — милое изделие из красного муранского стекла.

— Где вы с ним познакомились? — спросила Рита. — С мужем.

— С Эриком? Это был теннисный уикенд. Ну, вы знаете, как это бывает. Сет-другой, а потом уйма

выпивки и бесцельные круги по лужайке…

Они улыбнулись друг другу. И не стали разрушать выдумку о Рите, знающей про теннисные уикенды.

— Лето, август. Я с сестрой Вероникой, и там был молодой человек, к которому я была неравнодушна, хотя сейчас, как подумаю, не могу понять почему. Он только окончил Сандхерст[29]. Жутко предупредительный и старомодный. Надеялся переведаться с Мау-Мау[30] или кто там тогда был.

— Может быть, у него были милые глаза, — сказала Рита.

— Да. Не помню, какие у него были глаза, — сказала Айрин. — Словом, жаркий день, я, вероятно, перепила пунша, просто оттого, что жажда мучила. Решила прогуляться по саду. Там в дальнем конце росли большие деревья, они обещали чудесную тень. В общем, я двинулась туда одна, и таким облегчением было просто идти и не слушать долгие рассуждения о политике и не

---

[29] Примечания: 29

Имеется в виду Королевская военная академия в Сандхерсте, графство Беркшир.

[30] Примечания: 30

«Восстание Мау-Мау» в Кении, находившейся под британским колониальным управлением, продолжалось с 1952 по 1960 г. Его подавление сопровождалось военными преступлениями с обеих сторон.

давать себя втянуть в бесконечную партию в крокет. Довольно странные это были сборища, на мой теперешний взгляд. Пусти молодежь бегать в жару, накачай ее спиртным, и через неделю посмотришь, у кого с кем помолвка.

— Он там, в конце сада был?

— Да. Он сидел под деревьями, поэтому я не сразу его заметила. Увидела несколько садовых кресел, но показалось, что людей там нет. На нем был спортивный пиджак поверх белой тенниски, он просто курил и глядел на деревья. Он был не из нашей компании, я первый раз его видела. С кем он пришел, я и сейчас не знаю. Он, как ни странно, этого не помнит. Почти каждый из молодых людей, какие там были, встал бы, но он нет, поэтому беседа у нас вышла не очень ловкая: я стою, он сидит. И выговор у него был самую малость, но другой: он из Бирмингема. Я честно не могу вам сейчас сказать, о чем мы говорили. Он был там на несколько лет старше большинства. Что-то в нем чувствовалось… законченное. Мы беседовали минут десять-пятнадцать, а потом мне просто необходимо стало уйти. Оробела, что ли, — не знаю. Сказала, надо вернуться, а то искать начнут. Он улыбнулся такой улыбкой, словно более смешной и нелепой персоны в жиз-

ни не встречал.

Она умолкла; запыхалась слегка. Она давно не рассказывала эту историю — кому бы она могла? Миссис Радж? Эти минуты в дальнем конце сада, запах скошенной травы, увесистые летние цветы — и мужчина, который смотрел на нее и говорил с ней ровно так, как она ждала. Воспоминание взволновало ее. Взволновало и возбудило. Ей долгие недели не хотелось заниматься любовью, это было последнее, чего ей хотелось, до того муторно было физически, до того усталой и странной она себя чувствовала. А сейчас, в пятницу, днем, в десять минут третьего, вдруг захотелось. Но глаза, глядевшие ей в глаза, были не Эрика. Она встала, принесла чайник, долила в заварочный.

— Теперь вы мне свою историю расскажите, — сказала она.

На столе между ними журналы, чашки с блюдцами, стеклянная пепельница. Время лежало распластанное.

— Ну, это совсем не так романтично было, как у вас, — сказала Рита.

Она поворачивала в пальцах спичечный коробок с военным кораблем. Корабль то возникал, то медленно исчезал.

— Я временно секретаршей работала в агент-

стве по недвижимости, все ее виды, на Корнстрит, называлось — «Город и графство». Я могу печатать вслепую и стенографировать могу, сама по книжке научилась. И вот однажды утром дверь открывается, и входит этот молодой человек, хочет поговорить с директором — мистером Таксоном, мы его Таксой звали, за спиной, конечно. Я из-за голоса глаза подняла. Он у него мило звучал. Мягко так. Ну, вы, может быть, слышали.

— Да, — сказала Айрин. — Мы здоровались, перекидывались парой слов. И правда очень приятный голос.

— Подняла я, значит, на него глаза, и он улыбнулся. Я тогда поэффектней была. Прическа, лицо сделано какое надо. В таком месте не поработаешь в моем теперешнем виде. Ну, и я слышала, что́ он Таксе говорил. Мол, нужна ферма, не очень большая, просто чтоб можно было обосноваться. Такса, мне кажется, не очень-то соображал, что он за человек. Молодой, высокий, явно с образованием, но что-то в нем такое было, что не поймешь его. Я тоже не знала, что о нем думать. Сомерсетских фермеров я успела уже повидать, и он был не как они, точно вам говорю. Я подумала, ему земля нужна. Выращивать белые розы, павлинов разводить, разгуливать с парой элегантных со-

бак и с книжкой французских стихов в кармане. Скучно ведь в офисе сидеть, вот и распустишь немножко воображение, чтоб не закиснуть. Вы когда-нибудь работали в офисе, Айрин?

— Нет, — ответила Айрин. — Хотя ходила, когда школу окончила, учиться машинописи. Первое время я печатала для Эрика, но теперь в амбулатории есть дама, которая это делает.

— Миссис Болт, — сказала Рита.

— Да, миссис Болт.

— С ней лучше отношения не портить, — сказала Рита. — Она похожа на штурмовика.

Айрин усмехнулась. Теперь она всегда, она знала, будет думать о миссис Болт как о штурмовике, допустим, из парашютистов-десантников, а всю ее пудру считать маскировкой, прикрывающей голубой бритый подбородок.

— Поговорили с ним? — спросила она.

— При Таксе не было шансов. Говорить нам вообще было не положено — разве только «Можно мне на ланч, мистер Таксон?» или «Ничего, если я сейчас пойду на автобус, мистер Таксон?». Но через пару дней он пришел еще раз. Такса поехал что-то показывать клиенту, и мы были вдвоем с Мэри, с ирландкой, страшно застенчивой. Он хотел посмотреть одну из ферм, про которые ему

Такса сказал. И он немножко торопился, ему в тот же день надо было обратно в Лондон, и вид был такой, словно все это ему уже слегка обрыдло. Ну, я и говорю: «Если у вас есть машина, давайте я с вами съезжу». Он мне: «Вы?», а я ему: «Да, я», и он так на меня посмотрел, как будто не находил слов. Я подумала: ну, мне либо увольнение, либо прибавка. Великолепное проявление инициативы, мисс Ли. Ли — это моя девичья. Рита Ли. А мне что, пусть даже и уволят. Есть другие конторы. А если совсем прижмет, всегда можно обратно в «Пау-вау».

Айрин кивнула. «Пау-вау». Не забыть спросить Эрика, что это такое. Рита зажгла еще одну сигарету. Выдохнула дым через нос. На лоб упала прядь — не такая уж светлая, скорее карамельного цвета. Похожа, подумала Айрин, на актрису не у дел. Ленивая красота.

— Машина у него была, — рассказывала Рита, — а я нашла ключи от фермы. Я знала, где что лежит. Говорю Мэри: «Будь добра, сообщи мистеру Таксону, что я выехала с клиентом». Она чуть книксен не сделала. И мы в путь-дорогу. Утро чудесное, солнечное. Мы болтали в машине, я ему рассказывала про эти места. Наслушалась, как Такса им заливает, знала, как должно звучать. Он

и сейчас кой-чему верит, что я ему натрепала про ферму. Немножко заблудились на этих дорогах, но он был не против, и вот наконец нашли поворот, прыг-скок вперевалку по грунтовой, и мы на месте. Там сколько-то месяцев уже никто не жил. Вид был так себе — да он и сейчас не сильно лучше. Просто я привыкла. Начала ему все показывать. Была на каблуках и так вот и ходила по двору, убеждала его, что земля тут какая надо, и надеялась, что не подверну ногу.

Айрин, смеясь, стиснула ладонь с ладонью.

— Вы продали ему ферму!

— Более или менее.

— И вас уволили?

— Если бы одна вернулась, наверно, уволили бы, но Билл вошел вместе со мной и сказал, что я колоссально ему помогла и ферма его очень интересует. Наговорил с три короба. Такса все равно был недоволен. Люди должны знать свое место. Никаких благодарностей мне, конечно. Комиссионные, когда Билл купил ферму, Такса прикарманил все целиком.

— Какой неприятный человек, — сказала Айрин.

— Я иногда думаю: интересно, Мэри там еще или ушла? Она была очень юная и хорошенькая.

Не уверена, что она смогла бы от него отбиться, если бы он…

— Но у вас-то с Биллом что?

— Он уже спросил мой телефон. Сказал, могут быть еще вопросы про ферму. Мы до сих пор шутим. Есть еще какие-нибудь вопросы про ферму, сэр? Я видела, что нравлюсь ему, но все равно было немножко удивительно, когда он позвонил. Очень официально так разговаривал. Не могли ли бы мы встретиться — только если это удобно, разумеется. Он раздобыл где-то список пабов и отелей, но я сказала — терраса на крыше нового универсального магазина на Бродмиде[31]. Знаете это место? Там можно взять капучино или молочный коктейль, и еда у них очень милая, если тебе хочется. Вот, значит, где мы с ним сидели. Я хотела опоздать, но почему-то пришла минута в минуту. Я вообще-то никогда так не прихожу — должно быть, чувствовала, что это другое. Солнце вышло, а до того день за днем лили дожди, и терраса была битком, но он нашел столик у балкона, и мы сидели, как на палубе лайнера. Представьте себе, мы немножко про сельское хозяйство поговорили. Я постаралась выставить себя знатоком

---

[31] Примечания: 31

Бродмид — одна из центральных улиц Бристоля.

коров. А потом он перешел на свою семью, на то, что они ему чужие и что он хочет начать новую жизнь, настоящую и честную, совсем другую, и похоже было, что он все это копил, ждал кого-то, с кем про это можно. Мы долго там пробыли, не один час. У меня от всех этих сигарет и кофе голова шла кругом. Перед тем у меня была нехорошая полоса, довольно скверно все. А теперь это как бы улетучилось.

Конец истории. Они улыбнулись друг другу. Чай совершил в них свой сквозной путь. Айрин пошла в туалет наверх, Рита — вновь в уборную внизу. Рита вернулась первой. На сей раз обошлось без голосов. Когда они не звучали, в них трудно было поверить. Она несколько раз задавалась вопросом, как это у других, обычно это или нет — слышать голоса; может быть, если упомянуть о них Айрин в шутливой форме, то воспримется как нечто вполне нормальное. Она заикнулась однажды доктору Миклосу, но он не стал смеяться. Задал пару вопросов. Показалось — знает больше, чем от нее услышал.

— У нас будут гости, — сказала, вернувшись, Айрин. — После Рождества, в День подарков. Ничего особенно пышного. Человек двадцать. Может быть, придете? Вы и ваш муж. Впрочем,

вы, скорее всего, уедете на Рождество.

— Мы? Нет, мы никуда. Мы могли бы только к родне Билла в Лондон, но мы никогда туда не ездим.

— У нас это еще на стадии планирования, — сказала Айрин. — Не знаю, явится ли кто-нибудь вообще. Все же надеюсь, явятся.

— Мы придем, — сказала Рита. — С огромным удовольствием.

— Я пытаюсь придумать фуршетные закуски. Хочу, чтобы это был не только арахис, хрустящая картошка или что-то подобное.

— В общем, угостить как следует, — сказала Рита.

В Бристоле она была однажды с Глорией и Байроном в гостях с ночевкой, где-то на Сити-роуд, и в маленьком дворике кто-то изжарил там, похоже было, целую козу.

— Вы делали когда-нибудь крокеты из тунца? — спросила Айрин.

— Мило звучит, — сказала Рита. Она плохо себе представляла, что такое крокеты. То же самое, что крампеты?

— И фаршированные яйца. И киш.

— И коктейльные сосиски!

— Да, — сказала Айрин. — Они всем по вкусу.

— А музыка?

— Об этом я не думала. Проигрыватель у нас есть, но пластинок мало. Можно включить радио. Так, вероятно, и сделаем.

— Обещаю прийти не в пижаме Билла, — сказала Рита.

— Обещаю быть не в халате!

Они засмеялись, опять сели за стол и заговорили об одежде, стали припоминать милые вещи, которые у них имелись, сравнивать ощущения от вискозы, тафты и шелка.

8

Ворота были починены. Ну, не то чтобы по-настоящему починены, но сойдет, до более подходящей погоды они прослужат. Билл вымыл руки над кухонной раковиной. С горячим краном надо было аккуратно — иногда кипяток. Выстрелит из крана и обожжет. Плита «рейберн» была сердцем дома, но сердцем неуправляемым. Он уж точно не умел ею управлять.

Пошел наверх посмотреть, там ли до сих пор Рита, но кровать была пуста. Его пижамная курточка, та, что носила она, лежала на полу. Он поднял ее и, поглядев несколько секунд, поднес

к лицу. Когда они только познакомились, она обычно душилась — чем-то неопределенным, отдававшим сиренью. Перестала? Или просто он перестал чувствовать? Ее запах, сохраненный тканью, был не от духов. Слегка терпкий, но без нечистоты: зимнее цветение кожи. И чуточку млечный? Да нет, молока еще, конечно, у нее не может быть. Вероятно, от его рук, от комбинезона. Что ж, по крайней мере она встала с кровати, уже кое-что. Последний месяц у нее вошло в привычку полдня в ней проводить — курить, читать, спать. Дело тут, разумеется, в ее положении — но отчасти и в самой Рите. Не такая уж прямо фермерша; но ведь и он не такой уж фермер. Он вдохнул ее снова, в нем встрепенулось неясное желание, и он бросил курточку на постель и спустился обратно.

В кабинете увидел на столе ее записку. *Понесла яйца соседям! Буду позже.* Он нахмурился. Непонятно было, почему врач должен получать яйца даром. Он этого не одобрял. Сложил записку и уронил в корзину для бумаг у своих ног. Корзина осталась от мистера Эрла. Судя по всему, он не видел для нее применения в своей новой жизни в бунгало.

Кабинет был в передней части дома. Окно гля-

дело через двор на большой сарай. Скоро надо будет туда пойти, проверить Друзиллу. Наблюдая за ветеринаром, слушая его, он узнал, как надо залезать внутрь коровы, что там надо нащупывать, как во тьме ее тела определить положение, в котором находится теленок. Передние копыта или задние? Но Друзилла не горела желанием подвергаться обследованию. И он не знал, как в ней лежит теленок. Он смотрел на сарай, представляя в нем себя, целеустремленного, деятельного, затем прикрыл глаза на несколько секунд, на минуту, пока грачиная перепалка где-то вдалеке не вывела его из забытья и не заставила открыть их снова. Незажженный камин; просевшая, но удобная старая софа; поставленные им книжные полки со странным смешанным набором книг: одни о сельском хозяйстве, где оно изображено делом менее замысловатым, чем оно есть, другие из его обязательного чтения в Оксфорде («Книга заблуждений» Бентама, «О свободе» Милля, «Невидимая рука» Смита). Половину одной полки занимали романы, большинство в мягкой обложке: Лоренс Даррелл, Джойс Кэри, Невил Шют, Джордж Оруэлл. «Скотный двор» казался ему сейчас, когда он жил на ферме, совсем другой книгой. Надо бы перечитать и посмотреть,

понимал ли Оруэлл что-нибудь в фермерской жизни. Ближний конец нижней полки занимали номера «Фермерского еженедельника» за пару лет. Полезное издание, кое-какие знания он оттуда извлек, но предназначено, думалось ему, в основном фермерам, у которых не тридцать два акра, которым есть где развернуться.

Он приказал себе: работай. Сел за стол, открыл журнал учета молока, отвинтил колпачок ручки. Дважды в день он взвешивал надой и записывал на бумажке огрызком карандаша, который лежал в доильне около банки с цетавлоном, кремом для сосков. Потом аккуратно переносил цифры в журнал. Цель была — сорок фунтов с коровы в день, но с сентября он добился этого только дважды, а в последний месяц не добился ни разу. Влияло многое, и большую часть факторов он не вполне понимал. Главный фактор — корм. Он лежал ночью без сна и думал про силос. Сопоставлял его с сенажом. И с сеном. Хорошее сено ни с чем не идет в сравнение. Не выращивать ли ему сколько-нибудь листовой капусты? Как сделать так, чтобы в траве было больше клевера? Что на следующий год вспахать и засеять заново? И чем засеять?

Под пресс-папье, которым служил манометр

наддува с красной каймой, найденный им на аэродроме в первозданном виде и в упаковке, лежали письма из банка, в основном от директора мистера Гаррисона. Один раз Гаррисон побывал на ферме. На резиновых сапогах, которые он достал из багажника, не было ни пятнышка, и чудилось, что они, как и его костюм, тоже в солидную тоненькую полоску. Когда Билл обходил с ним двор, вышла Рита. Она поздоровалась с директором за руку, угостила его своей улыбкой баядерки, придвинулась к нему чуть ближе положенного. И ничего это не изменило. Заем каким был, таким и остался, полезным, но недостаточным, такие суммы его отец держал наличными в ящике стола в кабинете.

Он вписал цифры в журнал, закрыл ручку колпачком, подул на страницу; затем отъехал на стуле и проделал два шага до софы. Лег головой к окну. Спинка софы была накрыта ковриком для пикников болотного цвета, и он натянул его на себя. Его лицо мягко омывал свет — белый, беспристрастный. Остатки летнего загара уже сошли. Бледность не выглядела такой уж нездоровой, небольшие тени вокруг глаз говорили в основном об усталости, но еще и о наследственности от отца и всей линии его предков. Ни с кем

из отцовских родных он не встречался ни разу, даже ни одной фотографии не видел. Воображал себе их по-разному: безмолвными слугами в замке посреди леса (шаги вверх по узкой каменной лестнице, в руке канделябр с оплывающими свечами), темноглазыми буржуа в доме с островерхой крышей на булыжной площади городка (шарообразные масляные лампы, покрытое тканью пианино, сливовые деревья в саду). А порой воображал, что это мешки, полные волос, ящики золотых колец и очков, одежда, вздувающаяся в волнах пламени…

Заснул на час. О том, что его разбудило, он не смог бы сказать, изнутри сна оно явилось или извне. Он выпутался из коврика и встал. Уставился на открытый молочный журнал, как будто там, в розовой разлиновке, в чернильных колонках цифр, содержался весь возможный смысл. Потом пошел к передней двери, всунул ноги в сапоги и торопливо двинулся через двор к сараю. Было чувство, что он, лишь чуть отставая, идет за волочащимся подолом сновидения. В сарае Друзилла стояла более-менее так же, но сейчас в соломе у ее копыт лежал теленок. Корова посмотрела на Билла, потом опустила голову и стала лизать темный скользкий бок детеныша. Теленок не

шевелился. Лежал и лежал, обыденно и без всякой пользы. Билл чертыхнулся. Выругал себя. Может, конечно, быть, что он давно лежал в ней мертвый. Но не исключено, что был жив и надо было только пощекотать его в носу соломинкой, чтобы задышал. Он вышел из сарая и направился в доильню, где у него был фонарь «летучая мышь». Надо увидеть, что свисает у коровы сзади, что может еще находиться у нее внутри. Надо посмотреть, какого пола детеныш, чтобы знать размер потери. Позже попробовать связаться с драчом, хотя он не всегда хочет приезжать за теленком, и, если не захочет, придется закопать на ферме и долго потом, когда взгляд упадет на взрытую землю, вспоминать, что это произошло, когда он спал, по-детски закутавшись в коврик болотного цвета.

Одно к одному. Он перебирал свои ошибки и неудачи, пока искал фонарь, пока, найдя и увидев, что в нем кончился керосин, искал керосин и неловко заливал его в резервуар. Вылетел из Оксфорда без диплома. Импульсивно купил ферму, которая, как ни трудись, прибыли не даст. Импульсивно купил быка, который равнодушен к коровам. Женился — тоже импульсивно? — на такой, которая годится скорее в любовницы, чем

в жены, на такой, в чье прошлое лучше сильно не углубляться. Множество вопросов к личным качествам — не столько ее, сколько своим. О том, кто ты есть и кем тебе следует быть. Все еще не в состоянии самоопределиться! Двадцать девять лет — и до сих пор не сформирован.

Сквозь все это, сквозь всю тусклую литанию самопорицаний проходила фигура отца — массивная голова, голубой с зеленью взгляд, впечатляющее своей громоздкостью тело, которое мальчиком он видел в ванне, где зеленая вода была присыпана пеплом сигары. Неудачи — это что, его способ борьбы с родителем, с отцовскими планами на его счет, с уродством таинственной отцовской жизни? Мать он тоже, конечно, не любил. Отец, думалось, выбрал ее потому, что она была надломлена и нелюбопытна, и, возможно, из-за ее бухгалтерских качеств; с матерью, так или иначе, он не боролся. Он рассказывал Рите об отце, иногда с ненужной настойчивостью в тоне, как будто она возражала ему, не верила, брала отцовскую сторону. О ее родителе у них тоже заходила речь, хотя и реже: стоит ли побывать у него вместе, лучше ли ему делается и можно ли вообще в его случае говорить об улучшении, можно ли считать прошлое чем-то таким, от

чего рано или поздно выздоравливаешь (зеленая травка поверх развалин). Отцы были для них подходящей темой. Более простой, по тем или иным причинам, чем дети.

Сделав, что мог, в сарае, он приготовил себе в кухне ланч. Это был поздний ланч, у него уже плыла голова от голода. Нашел банку с супом из говяжьих хвостов, слегка его подогрел и поглотал еле теплым с ломтями хлеба. Все отдавало керосином.

Поев, отправился в кабинет, достал из длинного ящика ненадписанную картонную папку и вышел с ней к машине. Во дворе были еще дела, но не такие срочные. Он проехал задним ходом к доильне, погрузил три фляги молока и медленно двинулся к общей дороге по своей грунтовой. Поравнявшись с деревянной платформой (она была сооружена из старых шпал, которые летом сочились дегтем), поставил на нее фляги. Посмотрел на часы. Без десяти три. Грузовик примерно через час.

Он выехал на дорогу и направился не к своим полям, не к сломанным воротам, а в другую сторону. Здешние дороги были лабиринтом, но он постепенно его осваивал, учился ориентироваться. По пути то и дело попадались съезды

на боковые грунтовые, на дорожки в выемках, на широкие зеленые тропы, на которые он ни разу не сворачивал, ведущие неизвестно куда. К бывшей ферме, к выработанному карьеру, к священному холму.

Этот путь он впервые проделал прошлым летом, в тот день стояла странная неанглийская жара, от которой переливчато мерцала даль. Услыхал кое-что и решил проверить, правда или нет. С тех пор ездил как минимум раз в неделю. Рита ничего не знала. И никто не знал. Ему нужно было давление, которое оказывает тайна. Раскроешь рот преждевременно, и услышишь себя, и прозвучит как утопия, как невозможность.

Еще миля — и живые изгороди сменились ржавыми столбами, между которыми проволочный забор мало где остался в целости. За забором пустое, ободранное пространство, расчищенная земля, там и тут строения, остатки строений, угловатые формы, от которых разит заброшенностью. Первым ему про это сказал Тедди, здешний старожил, который помогал с сеном и немного с дойкой. Двадцать лет назад он смотрел, как над головами коров взлетали самолеты, видел их тени на полях пшеницы. В местном баре он пил с летчиками и авиамеханиками, с шумными

добродушными парнями, иной раз бог знает откуда — из Канады, Новой Зеландии. Один, сказал Тедди, все еще дивясь, был черный, как уголь…

Под слепыми окнами бывшего караульного помещения он повернул и поехал вдоль периметра аэродрома в сторону остатков диспетчерской вышки. За вышкой — цепочка бараков с асфальтовыми крышами. Он обследовал их уже — гниль и запустение, номера, нанесенные по трафарету, несколько фамилий около пустых шкафчиков, тоже по трафарету. Ряд туалетных кабинок — будто группа мужчин, склоненных в молитве. Его «мэсси», маленький трактор, способен повалить все это за час. И бараки, думалось, будут, может, только этому рады.

Еще ярдов сто — и единственная большая постройка, сохранившаяся более-менее в том же виде, в каком, вероятно, была в сорок пятом году: ангар для бомбардировщиков, этакий грандиозно увеличенный ниссеновский барак, способный вместить футбольное поле плюс изрядное число зрителей. Крыша — гигантский полуцилиндр, из которого сооружение состояло почти полностью, — подверглась погодным воздействиям, но в целом осталась малоповрежденной. Бетонный фасад с закрытыми стальными ржаво-синими

воротами был возведен со странной основательностью для этого места, где все, казалось бы, должно было мыслиться как временное. К одному боку лепилась маленькая кирпичная пристройка с квадратной кирпичной трубой, из которой, как отверделый дым, торчала верхушка проросшего колючего деревца.

Он вошел через пристройку с ее краткой темнотой, с резким запахом отсыревшей кладки. В ангар свет проникал сквозь редкие прорехи и окна наверху, ниже он перемешивался в неподвижном воздухе и оседал на бетоне с причудливыми пятнами разлитого масла. Ему всегда нужна была минута-другая, чтобы привыкнуть к акустике. В ветреный день разнообразие стонов, хлопков и дребезжаний тут царило неимоверное, но сегодня если и дуло, то слабенько, и ангар издавал только низкое и почти неслышное гудение, словно от подземных кабелей.

Он прошел к тому месту пола, которое считал примерно серединой. Стоя там, медленно обернулся кругом. Кое-где виднелись брошенные остатки оборудования, невывезенный хлам. Обрывки цепей, стойки лесов, раскуроченный токарный станок. В дальнем углу — то, что осталось от пункта управления: деревянный письменный

стол, стул на металлическом каркасе, телефон на стене. В один из своих приездов он поднял трубку и произнес идиотское: «Моя жена сегодня не в себе». Сказал — и вдруг почудилось, что за ним подглядывают; он почти в испуге уставился наружу закутка через люк без стекла.

Он выгнул спину и посмотрел вверх. Иногда можно было увидеть птицу, мелкое существо, приноравливающее свой полет к изгибу крыши. Влететь проще, чем вылететь. Он переместился на шаг — туда, где побольше света. Открыл папку. Там были цифры главным образом — цифры, схематичные рисунки и вопросительные знаки. В тот первый приезд план еще не пришел ему в голову, во второй тоже, но в третий раз, помнилось, он вошел сюда уже с планом, с основой его. Успел к тому времени навести справки. Выяснилось, что участок принадлежит людям, владеющим кусками земли по всему графству. Он им написал и получил довольно-таки обнадеживающий ответ. Деньги, он понял, их интересуют. Аэродром никакого дохода не приносит. Они готовы рассматривать предложения.

Ангар, по его мысли, следовало превратить в коровник, который он наполнит мясной породой. Голов примерно пятьсот, герефордских

скорее всего, купленных, где получится, — зимой откармливать, весной продавать на местных рынках. Корм, насколько возможно, выращивать самому: картошку, зерно, кукурузу. Соорудить приподнятый центральный проход и бетонный пандус, достаточно широкий для трактора с прицепом. Подстилка — солома; скот сам будет ее разметывать, надо только развязать снопы. Понадобятся весы, дробилка, кормушки, поилки, водопроводная вода. Понадобится скотник и как минимум еще один человек. Но все будет по возможности просто. Что поддается автоматизации — автоматизировать. Учитывая все мыслимые накладные расходы и убытки — наемный труд, ветеринар, освещение, электроэнергия, вода, перевозка, смерти, — чистый доход, в теории, десять фунтов с головы, не меньше.

Это была не его оригинальная идея, на такое он не претендовал. Он читал о подобных начинаниях — «Фермерский еженедельник», кажется, полагал, что за ними будущее: масштабность, специализация. Он послеживал за рынком. Списался с человеком в Ирландии, который действовал в сходном духе (ферма «Чахлое дерево», графство Фермана, Ирландия — вот и весь адрес). Фермер оказался энтузиастом и ответил подробно. По-

мимо прочего, Билл доверял цифрам, полагался на строгую арифметику низкомаржинального бизнеса. Он унаследовал от матери сноровку в обращении с числами — с числами в колонках, ведущими нескончаемую перекличку на линованной бумаге.

Чтобы это реализовать, требовалось пятнадцать тысяч фунтов, которых у него не было. Да что там, не было и тысячи. Вся его ферма и трех тысяч не стоила. Необходимую сумму он даже выговорить не смел. Для Риты эти пятнадцать, вероятно, прозвучали бы как пятьдесят или пятьсот тысяч, как нечто сказочное и бессмысленное. А представить себе физиономию старого Ричи! Веселье, с которым он другим примется рассказывать! С пятнадцатью коровами не может управиться — и хочет заиметь пятьсот! С них станется, думал Билл, поощрить его для смеха. Все графство будет следить с интересом.

Он закрыл папку и постоял в полной неподвижности. Он старался наполнить ангар колыханием призрачных животных, но виделся ему только темный размах бомбонесущих крыльев, слышался только звук моторов, от которого, должно быть, содрогался тогда огромный полуцилиндр крыши. Школьником он нередко видел, как они

летят на юг на исходе вечерних сумерек. Миновав морской берег, они гасили навигационные огни, и оставался только долгий удаляющийся гул пульсирующих моторов у тебя в голове.

В Лондоне на каникулах он мотался повсюду с дружками, они уходили и приходили когда вздумается — безнадзорно, бесконтрольно, спущенные с некоего поводка. Однажды летним утром в Риджентс-парке, недалеко от лодочного пруда, набрели на обломки сбитого во время ночного налета немецкого «дорнье». Никаких признаков экипажа. Тела были убраны, или немцы выбросились с парашютом. Самолет еще не огородили, и ребята принялись его грабить. В кабине среди осколков стекла он нашел обугленный листок бумаги — несколько напечатанных строк и в самом низу затейливым подобием точки маленькая аккуратная свастика. Он показал листок отцу, тот рассматривал его с полминуты, а затем скомкал и сжег в пепельнице. Война была для отца неудобной темой, хоть он и мог извлекать из нее прибыль. В День победы восьмого мая он вывесил из окон британские флаги, но мог бы вывесить и другие, повернись все иначе. Иностранец, говоривший с акцентом, он, должно быть, сталкивался с людьми, считавшими, что

его надо интернировать, что по ночам на крыше своего дома он не несет пожарную вахту, а подает врагу световые сигналы. Он всегда имел при себе в бумажнике аккуратно сложенное свидетельство о натурализации. Билл видел однажды этот документ (он был малолетним домашним шпионом) и впервые узнал, что фамилия отца, с которой он приехал, была не Симмонс, а Шомодьи. Какое-то время его очень тревожило, что в школе неким образом станет известно, что он на самом деле не Билл Симмонс, вице-капитан крикетистов до пятнадцати лет, а Билл Шомодьи, сын приезжего, чужак. Он даже брату Чарли не сказал. По сей день не вполне понимал почему. Может быть, опасался, что брату понравится фамилия и он переименует себя в Шомодьи.

Хотя в саду у них было (и сохранилось до сих пор) андерсоновское бомбоубежище[32], порой они предпочитали бóльшую безопасность подземки; они с братом в пижамах, халатах и школьной сменке читали там комиксы и взвешивались на платных весах. Налета как такового слышно не было, но, когда что-нибудь падало близко,

[32] Примечания: 32

Бомбоубежища, названные в честь Джона Андерсона (1882–1958), члена военного кабинета во время Второй мировой, — небольшие укрытия на придомовых участках, сооружавшиеся при содействии государства.

поднималась, а затем оседала мелкая серая пыль. Утром люди, шаркая, шли по лестницам наверх, там осматривались, проверяли, что еще стоит, а что уже нет, делились слухами о том, кому из знакомых ночью досталось. После одного налета они по пути домой прошли мимо дома, который получил прямое попадание и стоял раскрытый, точно на выставке. Большая часть передней стены рухнула, и видны были комнаты, мебель, обои, которым теперь мокнуть под дождем и медленно выцветать от солнца. Выкатившись из раскромсанной ванной второго этажа, поперек тротуара днищем вниз лежала ванна. Он и более диковинное видел в войну, более неприятное (на Камберуэлл-роуд один мужчина, обезумев от горя, рвал на себе одежду), но ванна с ним осталась, хотя вспоминал он ее по-разному. То она была с кранами, то без кранов; то маленькая и выщербленная, то первозданно белая и гладкая, словно горло. И не раз за первые послевоенные годы, когда война, казалось, еще шла, но не было ни того интереса, ни той вольницы, она ему снилась. В одном из сновидений в ванне лежала женщина, голая, красивая и абсолютно мертвая.

В дальнем конце ангара свет сеялся слабо, тень густела. Если дать себе волю, можно вообразить,

что эта его часть не рада вторжениям, что, придя сюда ночью, услышишь птиц с голосами молодых людей, рапортующих об отказе мотора, о потере высоты, о невозможности понять в такую погоду, в такую ночь, где ты летишь.

Он вышел через пристройку. Снаружи стало посветлей, но воздух уже чуть-чуть заволакивался, что предвещало возврат тумана. Он запустил мотор «джипси» и поехал по серой ленте дорожки. Когда пересекал конец одной из взлетно-посадочных полос — их было две, они образовывали узкий крест, — то остановился и посмотрел вдоль нее. Прошлое, решил он, не очень его интересует. Детство, война, пресловутый звездный час[33]. Смахнуть те годы с себя, как белую печную золу с ладоней. Если хочешь чего-то в жизни, бери это — бери грядущий год, к примеру. Почему бы шестьдесят третьему не стать его годом? Вполне возможно, подумал он. Но задержался еще на недолгие секунды, пока не отпустило то, что не обрело здесь полного покоя. Самолеты заправлены горючим и загружены бомбами. Экипажи

[33] Примечания: 33

Звездный час — отсылка к речи Уинстона Черчилля в палате общин 18 июня 1940 г., где он предсказал начало битвы за Британию и призвал к борьбе до победного конца. Речь оканчивалась словами: «…если Британская империя и Содружество будут существовать еще тысячу лет, люди все еще продолжат говорить: „Это был их звездный час“».

прибыли час назад, проверка проведена, цель известна. Сидят сейчас в свечении датчиков, уже чувствуют холод, порой перекидываются словом, но большей частью молчат. И затем, когда все готово, где-то у края полосы в густеющем мраке сигнальная лампа Олдиса переключается с красного на зеленый.

9

Эрик любил, вернувшись домой, хорошенько умыться. Поднимался в спальню, снимал пиджак и галстук, закатывал рукава, пускал воду под четой Арнольфини, мыл руки, мыл лицо, с силой вдавливая в него воду, мыл шею, оглаживая ее ладонями, особенно сзади, где ее весь день натирал воротничок. Потом вытирался, в холодные месяцы надевал кардиган или джемпер и спускался обратно, иногда насвистывая. Но сегодня не насвистывал. Он стоял у стены гостиной и смотрел, как Айрин разжигает камин. Собиралась заняться этим раньше, но пошла наверх переодеться и уснула на кровати. Проснулась — надо было принять божеский вид и идти на кухню готовить.

Она положила растопку на страницу «Геральд» за прошлую неделю; из золы ей улыбалось смятое

лицо Кеннеди (у них молодой Кеннеди, у нас старик Макмиллан — этим все, пожалуй, сказано). Когда загорелось и пошла тяга, она выпрямилась и сказала, что приготовит выпить ему и себе. На ней было темно-синее платье с кремовым воротником. Она надела новые чулки, в ушах — жемчужные сережки-гвоздики, губы накрашены (цвет — снежно-розовый), мазнула шею и запястья шанелью. Эрик вернулся мрачный как туча. Он только теперь увидел ее по-настоящему — платье, серьги, причесанные и заколотые волосы — и спросил, не ждут ли они кого.

— Нет, просто пятница, — ответила она. — Я…

— Я на вызовах все выходные, — сказал он.

— Я думала, Габби.

— Ты зря так думала.

Подобные его настроения не были редкостью. Очень долго, как правило, они не длились. И она понимала, понимала прекрасно, что ее роль, помимо прочего, в том, чтобы вбирать их в себя, абсорбировать. Кто знает, с чем ему пришлось иметь дело днем. Выпустить немножко пара у себя дома — его полное право.

— Пива или покрепче? — спросила она.

— Пива.

Она вышла на две-три минуты. Когда верну-

лась, он орудовал в камине кочергой.

— Я напортачила там? — спросила она.

Он повесил кочергу, взял у Айрин пиво и поблагодарил не глядя. Себе она налила сладкий вермут. Беременность изменила ее вкусовые предпочтения. Раньше это питье ей бы не понравилось, показалось бы приторным, но сейчас оно было как раз. Отпила, и в горле потеплело. Ей очень хотелось прикосновения.

— Скоро поужинаем, подожди немного, — сказала она.

Они оба стояли. Он уставился на огонь. Она все никак не могла до конца привыкнуть к возникающему вдруг ощущению, что они словно чужаки друг другу в некой приемной. Не во всяком ли браке так? Да, думала, скорее всего. Но об этом ведь не станешь расспрашивать знакомых.

— Трудный был день?

— А что такое?

— Выглядишь уставшим.

— Да?

— Немного.

Он кивнул.

— А почему не сядешь? — спросила она.

— Потому что хочу постоять. А ты почему не сядешь?

Она села на софу, вермут держала между ладоней. Совсем легонько потерлась кольцами о поверхность бокала, о его кожу.

— А у меня была гостья, — сказала она.

Он взял ведерко и всыпал в камин несколько кусков угля. Огонь задохся. Он ругнулся и вновь принялся шуровать кочергой.

— Когда заказываешь уголь, — сказал он, — заказывай правильный сорт. Этот как кирпичи.

— Какой сорт правильный? — спросила она.

— Я что, торгую углем? Скажи ему, что́ нам нужно. Опиши. — Он еще раз ткнул кочергой и выпустил наружу язык голубого пламени. — «Картошка», вот какой сорт.

— «Картошка»? — переспросила она, и секунду они балансировали на грани смеха. Взглянули бы друг другу в глаза… Но нет, он еще не готов. Ей нужно запастись терпением.

— Миссис Симмонс с фермы, — сказала она. — Зашла, принесла яйца.

Он оглянулся, посмотрел на нее.

— О чем ты? Не понимаю.

— Гостья у меня была. С Мокрой фермы. Рита Симмонс.

— И что она?

— Пришла с коробкой яиц.

— Что ей было нужно?

— Ничего.

— Что-нибудь наверняка было нужно. Сколько она взяла за яйца?

Ей был знаком этот поворот. Означало: я вырос там, где цены имели значение. Если в ближайшем магазине дорого, шли в следующий. Одежду покупали на рынке. Носки-чулки штопали. Воротники перелицовывали. Постельное белье ремонтировали. Не роскошествовали. При всем том она предполагала, что это было так только в его раннем детстве, а потом они с отцом вполне благополучно жили в симпатичном доме в пригороде Бирмингема. В ее собственной семье, в доме, где тикали высокие напольные часы, где пахло пчелиным воском, за всем этим постоянно чувствовалась молчаливая тревога из-за денег.

— Яйца были в подарок, — сказала она.

— Который ты приняла.

— Просто яйца же.

— И теперь мы обязаны предложить что-то взамен. Ведь это так работает, нет? Не дай бог мне услышать, что ты их пригласила на этот проклятый День подарков.

— Они наши соседи, — сказала она.

— И?

— Соседей приглашают, разве не так?

— Ты хочешь сказать, что твоя мать бы пригласила. Честно говоря, — он взял новый курс, делая поправку, — не представляю себе, чтобы твоя мать пригласила *фермершу* на какое-нибудь свое мелкое празднество. Если пустила бы ее вообще, то с черного хода, который для торговцев.

— Она беременна, — сказала Айрин.

— Я знаю, — сказал он. — Я тебе об этом говорил.

— Приятно было побеседовать с женщиной.

Он кивнул.

— Ездил ты в больницу? — спросила она.

Он кивнул еще раз.

— Что-то неотложное?

— Ничего особенного. — Он поставил стакан на каминную полку и нашарил сигареты. — Ты ведь знаешь, кто у них там?

— В больнице?

— Да, в ней. В психушке.

Она покачала головой. Ждала. На нее напала странная нервозность.

— Отец твоей новой подруги.

— Риты?

— Именно.

— Он там работает?

— Лечится.

— Ее отец?

Он зажег сигарету и движением кисти отправил спичку в камин.

— Да. Ее отец.

— Пациент?

— Пациент, больной.

— Что с ним?

Он усмехнулся, делая вид, что находит вопрос забавным.

— Что, по-твоему?

— Но ты его знаешь? Видел его?

— Конечно.

— Он… очень нездоров?

— Ты хочешь знать, образцовый ли он псих? Каких показывают в телеспектаклях по сценариям людей, которые не знают ни шиша? Нет. Не такой.

— Она у него бывает?

— Понятия не имею.

— Какой ужас.

— А неизвестно. Он, может быть, счастлив до невозможности. Трехразовое питание, крыша над головой. Житуха.

— Он выйдет оттуда?

— Они все выйдут. Это новый план. Психуш-

ки освободить, пускай они живут в обществе. Прелесть будет. Она тебе, выходит, ничего не сказала.

Айрин покачала головой.

— Ну и о чем же вы беседовали?

Услышанное смутило ее; она не смогла сразу вспомнить, о чем. Да, о мужьях, конечно, но про это ему лучше не говорить.

— О фильмах, — сказала она.

— О фильмах? И что, черт возьми, она в них смыслит?

— Ты знаешь, она, похоже, очень даже в них смыслит.

Стол был накрыт на кухне. Лежали салфетки в серебряных кольцах. Она поставила свечу в терракотовом подсвечнике, который они купили в медовый месяц на Мальорке. Зажгла свечу, принесла из медленной духовки кастрюлю. Она приготовила «петуха в вине» по французскому рецепту. Свиных стейков в магазине не оказалось, но была курица, разделенная на четвертины. В прошлый раз ему понравилось, но тогда он был в совсем другом настроении. Когда она подала ему еду, он спросил, какое вино она использовала, и, услышав ответ, слегка поморщился.

— Не надо было такое хорошее? — спросила

она.

— Могла кулинарное какое-нибудь взять.

Начали есть. Они были словно в одежде из дерева, едва способные в ней двигаться, от силы с дюжиной слов, самых бедных, в распоряжении у каждого. Она слегка побаивалась его — вернее, *за* него. У него было лицо человека, которого тянет на безрассудство. Она хотела бы крикнуть: «О, гляди!» и показать на что-нибудь — на падающую звезду, на стигматы, вдруг расцветшие на ее ладонях. Но они оба, склонив головы над отличной едой, только работали челюстями, как оголодавшие. Их тела были слепы и благодарны за подкрепление сил.

После ужина сидели в гостиной — Айрин на софе, Эрик в кожаном кресле с подголовником — и смотрели телевизор. Шел «Доктор Килдэр»[34]. Когда Эрик в первый раз это увидел, он то и дело фыркал и отпускал замечания, из-за чего весь фильм казался набором глупостей; впоследствии, однако, он смотрел уже молча, ему, очевидно, нравилось. Айрин тоже получала удовольствие. Она обнаружила, что не прочь смотреть самое разное, она быстро справилась с неловкостью

---

[34] Примечания: 34

«Доктор Килдэр» — американский телесериал о молодом враче.

из-за того, что просто сидит, не делает ничего полезного. Когда автофургон только привез им телевизор, первый месяц она всегда, садясь, открывала коробку с шитьем, но потом перестала так делать. Трудно было припомнить, как они до этого проводили время. Больше разговаривали? Больше читали? Раньше ложились в постель?

После «Килдэра» было шоу Бенни Хилла. Эту передачу они согласились не смотреть, но сегодня посмотрели-таки. Ухмыляющееся лицо, вытаращенные глаза. Пару раз ей делалось смешно, она почти находила что-то остроумным. В девять пятнадцать посмотрели новости. Главной темой был ночной лондонский смог. Показали медленно идущих людей, еле ползущие машины. Интервьюируемые говорили, что это хуже, чем отключение света или затемнение в войну.

Был сюжет об испытании британской водородной бомбы в Неваде. Власти подчеркивали, что это делается ради насущных военных нужд. Совершенствование взрывателя. Испытание подземное, так что никакого грибовидного облака. На предприятиях Форда трудовой конфликт не исчерпан. С обеих сторон страсти накалены. Завтра облачно, в меру прохладно, на севере и на западе небольшие дожди. К воскресенью

похолодает.

Начали смотреть «Телетеатр», но через двадцать минут, после очередной сигареты, Эрик сказал, что идет спать. У лестницы приостановился, повернулся к Айрин и совсем другим голосом, отличным от нескольких, которые использовал в течение вечера (голосом актера за кулисами, уставшего, уже никого не представляющего), сказал:

— Ты не напрасно на меня тратишь свои кулинарные усилия?

— Нет, если тебе нравится, — ответила она.

Он кивнул и стал подниматься. Она смотрела дальше. Показывали какую-то комедию. Ей между тем слышно было, как он наверху идет по коридору в ванную. Ей бы, конечно, тоже подняться. Желала ведь. Томительно желала несколько часов назад. Пошла, однако, на кухню, оставив телевизор включенным. Заняться уборкой. Вылизать кухню безукоризненно. Особое внимание — поверхностям. Всюду протереть. На сушилке ничего не оставлять. Пол подмести. Накрыть стол для завтрака. Стереть все следы сегодняшнего вечера. Ее мать иногда заводила речь о распустехах. Распустеха — то, чем тебе нельзя становиться. Хорошая жена выжимает

ткань, отполоскав ее в горячей чистой воде, она замачивает столовое серебро в растворе полироля, она надевает резиновые перчатки для защиты рук, потому что важно, чтобы они оставались нежными, как будто она и не трудится вовсе, разве только срежет розу-другую в саду.

Она принесла совок. Подумалось — сочла бы ее мать Риту распустехой? Распущенной дочкой сумасшедшего отца. В сумасшествии Айрин плохо разбиралась. Порой видишь кого-нибудь на улице, обычно старика или старуху, странно одетое существо, ведущее разговор без собеседника. Это передается наподобие вируса? Наследуется? Или что-то с тобой должно произойти, что-то настолько ужасное, что тебе с этим не совладать? Надо быть очень, очень осторожной, не упомянуть при ней ни словечком. Иначе страшная, непростительная неловкость. Вообрази себя на ее месте, своего отца в таком состоянии! И на мгновение, яростно глядя на совок в руке, вообразила-таки, увидела: казенные лохмотья, встречный взгляд запавших глаз, череп вместо головы…

Отнесла совок обратно в чулан, проверила печь — достаточно ли топлива до утра. Взглянула на часы и вернулась в гостиную. Там было накурено, дым створаживался под потолочными

балками. Завтра хорошенько проветрить дом, на час открыть окна настежь, пускай день вкатывается, как волна прибоя. И выйти на прогулку, подняться, может быть, на холм. Вредно так подолгу сидеть в четырех стенах. Она скинула туфли и подошла в одних чулках к телевизору. Комедия уже кончилась. Теперь шла судебная драма — лица крупным планом, полные эмоций. Нажала хромированную кнопку выключения, но не отошла сразу — когда, интересно, это вошло в привычку? Смотрела, как точка посреди экрана пульсирует, словно сердечко или гаснущая звезда, а затем с обычной внезапностью, мигнув напоследок, гаснет.

10

Рита склонилась над радиоприемником. В одной руке горящая сигарета, другой она пыталась настроиться на «Радио Люксембург»[35]. Звук появлялся и пропадал. Из-за тумана? От «рейберна»

---

[35] Примечания: 35

«Радио Люксембург» — англоязычная коммерческая радиостанция, вещавшая из Люксембурга и популярная благодаря музыкальным программам. Радиостанция действовала вопреки законодательно закрепленной монополии Би-би-си и давала возможность слушать, в частности, рок-н-ролл.

несло сосисками, превращающимися в уголь. Рядом со сковородой кипела кастрюля воды. Картошка лежала в раковине.

Внезапно музыка зазвучала с идеальной отчетливостью. Рита очень мягко отняла пальцы от колесика и шагнула назад. Билл, войдя, снял сковороду с плиты. Стал искать глазами, куда ее поставить. На столе, воткнутые в винные бутылки, горели две свечи разной длины. Он положил на стол сложенное вдвое полотенце и поставил на него сковороду. Рита смотрела на него.

— Готовы? — спросила она.

— Несъедобны, — сказал он.

— Почти все на свете съедобно, — сказала она. — И у нас ведь есть мясо для сэндвичей.

Он не был сердит, не был даже раздосадован. Он только что принял ванну. Вода была горячая, и ее было вдоволь. Божество «рейберна» проявило благосклонность. Он нежился в воде и смотрел воображаемый фильм про первый день, когда он, скотник и Тедди — да, минимум трое, иначе не управиться, — будут загонять привезенный грузовиками скот в переделанный ангар, в зимнее обиталище. А оттуда он домой в пыли и помете, и все будет под угрозой, все, и так будет намного лучше теперешнего. Он пробудится. Получит то,

за что нужно биться. То, что потребует смекалки.

Она поставила перед ним стакан и наполнила его мутным сидром. С сидром он все еще практиковался — сразу ничто не дается. В кухне было дымно от горелой еды и Ритиных сигарет. Кроме свечей, сбоку, на столике с полками для посуды, светилась лампа с оранжевым абажуром из рафии, которую Рита забрала из своей комнаты в Бристоле. Радиосигнал ушел; она снова взялась за колесико. Несколько секунд кто-то говорил — быстро, взволнованно — по-русски, или по-арабски, или бог его знает по-каковски. Голос, казалось, взывал к ним, сообщал нечто важное, неотложное; потом вновь музыка, Марси Блейн с ее шлягером *«Bobby's Girl»*. Рита повернулась к Биллу, посмотрела на него через стол. Шевеля губами, начала беззвучно полувыговаривать, полувыпевать начальные слова песни. Стала покачивать бедрами. Взгляд — глаза в глаза. Это было шоу. Для него лично. Он смотрел, улыбался, хоть и не без задней мысли.

«Есть у меня ответ… Хочу быть много лет…»

Клуб, разумеется. «Пау-вау». Он знал про него, знал, где он находится в Бристоле, проходил однажды мимо днем, когда название и неоновый вигвам не светились. Ничего там особенного.

Позднее питейное заведение, погребок с баром, с игрой музыкальных групп. Публика, как выражаются в газетах, «разнородная». Что именно там делала Рита, он не так твердо знал, но вряд ли вела бухгалтерию.

— Девчонкой… — она уже пела, а не изображала пение, — *Билли,* да, девчонкой Билли бы-ы-ы-ыть хочу-у!

Конец шоу. Он постучал по столу, как бы аплодируя. Она пила джин. Была чуточку нетрезвой — так, слегка. Он взял со сковороды сосиску. Подгорела, но в армии, когда служил срочную, бывало и хуже. В школе уж точно бывало хуже.

Рита принесла мясо для сэндвичей. Открыла банку маленьким ключиком, накручивая на него узкую полоску жести; затем вытряхнула мясо на тарелку — оно легло большим, блестящим, наглым куском. Отрезала два толстых ломтя хлеба. Нашла сыр. Положила все это на стол. Теперь изображала собой официантку в чайной. «Вас все устраивает, сэр?» — другой голос, другой акцент. Он, бывало, видел, как она меняет с полдюжины личин, по одной в минуту.

Он спросил, тошнило ли ее сегодня. Сказала — нет. Кажется, зубы могут выпасть, но в остальном… Она сидела напротив него. Ее сига-

рета тлела в пепельнице. Это была маленькая латунная пепельница из бристольского паба с рельефным Уинстоном Черчиллем. Странновато было гасить сигареты о его лицо.

Некоторое время не разговаривали — слишком проголодались. Атаковали мясо с противоположных сторон, под конец остался тонкий ломтик посередине, и Билл аккуратно разрезал его надвое. Подошла кошка, и он кинул ей кусочек. Засмеялись: кошка обследовала его и не стала есть.

— Я сегодня в доме доктора была, — сказала она.

— Ах да. — Он и забыл про записку на письменном столе. — Я видел его утром на дороге. Я мешал ему проехать, и он был не очень этому рад. Человек с весьма развитым сознанием собственной важности.

— А он важный и есть, — сказала она.

— Ты так думаешь?

— И ты тоже важный.

— Спасибо большое.

— Она беременна.

— Да, я от тебя же и знаю.

— Мы наговориться не могли.

— О младенцах.

— Я на месяц от нее отстаю. У нее милый такой маленький холмик. Хорошо, когда можно с кем-то про это.

— Про ее милый маленький холмик?

— Про то, как с начинкой живется.

— Мужчинам не понять, — сказал он.

— Не очень-то они стараются, по-моему, — сказала она. — Ты, кстати, ничего, довольно понятливый.

— Спасибо еще раз. — Он отрезал еще хлеба. — Что-нибудь пряное у нас есть?

— Есть горчица.

— Сыр с ней едят?

— Нас пригласили в гости на Рождество, — сказала она.

— Не люблю ходить по гостям, — сказал он. Это была полуправда.

— Тебе полезно, — сказала она.

— Думаешь?

— Как я одна пойду? Они и так уже считают, что ты меня бьешь.

— Мы с ними не знакомы.

— Я буду помогать с угощением. Мы козу собираемся жарить.

Он зевнул. Навалилась сумасшедшая усталость.

— Как, еще раз, их зовут?

— Ты знаешь как, — сказала она. — Айрин и Эрик.

— Я знал одного Эрика в школе. Вороватый был малый.

— У нее есть сестра в Америке.

— Она не из простых, — сказал Билл. — Мы встречались, здоровались. Определенно не из простых.

— И ты тоже, — сказала Рита, — но я зла на тебя за это не держу.

— Я из неправедно нажившихся, дорогая моя. Ничего общего с теми, кто не из простых, для них мой отец выскочка, бывшая иммигрантская мелкота, и возразить на это нечего. Они бы отправили его обратно, если бы могли скумекать, откуда он явился.

— Так тепло у них там. Можно все снять, в одном белье сидеть.

— Ты сняла?

— Мне она нравится.

— Это я вижу.

— Да, она совсем не из простых.

— Но ты на нее зла не держишь.

— Как тебе кажется, ей одиноко?

— А для чего тогда при ней этот, как его? Когда

у них гости-то?

— В День подарков.

— Коров и в День подарков надо доить.

— У Друзиллы родился кто-нибудь?

Он повернул самую почерневшую сосиску другим концом.

— Нет еще. Я позже ее проверю.

Он откинулся на спинку стула и закрыл глаза. Не хотелось заканчивать день сообщением о мертвом теленке. Можно сказать ей завтра — если она вспомнит, спросит. Тело он оставил в сарае у входа, прикрыл брезентом. Надеялся, что ночью никакая тварь на него не позарится. Драч, который разъезжал в автофургоне «коммер» с веревками и пистолетом для забоя, сказал, что заедет завтра. Это был теленок, не телочка, оставлять его он бы все равно не стал. Он вздохнул. Кусочки дня двигались сквозь него тряской чередой. Машина врача в тумане, бык в нескончаемой своей меланхолии, Ритины волосы на подушке. Ангар с его беспрестанной мягкой моросью света…

Она смотрела, как он засыпает, неловко складываясь на стуле, вытянув ноги в толстых серых носках — один с дыркой под большим пальцем. Она умела штопать, но большого желания не

испытывала.

— Что такое крокеты? — прошептала она.

Его губы шевельнулись, но ответа не прозвучало. Она выключила радио, вытряхнула из пачки еще одну сигарету. Если пойти завтра за новой пачкой, можно встретить в магазине Айрин. Есть шанс — но маловероятно. А снова зайти? Так скоро — как это будет выглядеть?

В День подарков — да, конечно, но это сколько еще ждать, и там ведь будут ее друзья, старые друзья и подруги, люди ее сорта. Те же корни, тот же класс.

Она выпустила дым через ноздри; провела пальцем по бровям, разглаживая их. Нужен был план, и долго его придумывать не пришлось. Он включал в себя поездку на поезде и требовал нескольких шиллингов свободных денег. Ничего сложного, если Айрин проявит готовность; а почему бы ей не проявить? Что бы ни говорили голоса, Айрин взаимно к ней расположилась. Не просто вежливость.

С коврика у задней двери на нее смотрела кошка — ждала, чтобы выпустили. Сражаться с дверью и будить Билла Рита не хотела. Вышла в коридор, кошка следом. Открыла переднюю дверь, и кошка скользнула мимо, семенящим

шагом направилась к тележному сараю и растаяла в тумане. Что ей там надо в такую ночь? Чего она хочет?

Рита стояла в дверном проеме, скрестив руки под грудью. Животные вели себя тихо. Она представила себе быка в его выгородке, голова — большой мешок, пропускающий через себя ночь, словно реку. Мир, объятый туманом, мир в хрупком стеклянном футляре наличной минуты отчаянно ждал прибытия. Вглядись пристально, всматривайся долго — и, может быть, это происходит уже, фигуры скапливаются во дворе, потом один отделяется, тощий, как узник, и сообщает поразительную весть. Спасательная миссия, сбор всего ценного. И она поведет их через поле забирать Айрин (с собой ничего не надо, у них все есть). Две женщины украдкой из дома в резиновых сапогах, в пальто поверх ночных рубашек. Разговоры будут идти годы: две молодые жены в декабрьскую полночь пропали бесследно, сейчас они, может быть, обитают в Ледоме[36] или на Марсе. Нахлынут газетчики, ученые от правительства, будут фотографировать выжженную траву там, где аппарат сел и где он взмыл в вы-

[36] Примечания: 36

Ледом (справа налево читается как «модель») — воображаемый мир в романе «Венера плюс икс», где отсутствует различие полов.

шину. Миссис Кейс из магазина — «Что знаю, то знаю» — станет знаменитой…

Она отступила в дом и закрыла дверь. Можно было запереть ее на большой ключ и засовы, но она не стала. Кому придет в голову лезть в такое жилье?

В кухне он по-прежнему спал. Через некоторое время она его разбудит, они вместе поднимутся и лягут в холодную постель. Она налила чайник и поставила греть воду для грелки. Ее книга была прислонена к корзинке для яиц. Она кинула на пол подушку и села спиной к «рейберну». Нашла страницу и, слегка хмурясь, начала читать — одной рукой держала книжку, другая ладонь под одеждой ощущала жар живота, того места, все еще очень странного ей, где жизнь удваивалась.

14 декабря 1962 года
1

— Некоторые, — сказал он, — предпочитают в два приема. В два захода, так скажем. А я все делаю сразу — и отлично. Зачем дважды, когда можно единожды? Как, вероятно, *не* говорил епископ актрисе.

Он поднял глаза. Наверно, произносил это перед студентами и получал желаемый отклик. Эрик кивнул. Он смотрел на его руки, на быстрые движения ножа. Потом нож был отложен в сторону, и он, запустив руки внутрь, поднял разом то, что освободил — сердце, легкие, желудок, печень, почки, почти весь набор из лавки мясника, все между пищеводом и мочевым пузырем, — и одним движением, оставив лишь тоненькую вереницу розовых пятнышек, перенес на стол, на этакий стол-кровать на колесиках, чья мраморная поверхность шла поперек и выше голых ступней Стивена Стори. Кишки уже лежали в ведре. Для грудной клетки, отделенной подобием садовых ножниц, имелся особый столик. Тело было теперь почти пусто. С мозгом — чуть позже.

Фамилия патологоанатома была Севен («Нет, не Северн, не река, а севен, семь»). Может быть, подумал Эрик, надо выразить ему восхищение. Блеск работа, ничего не скажешь. Да, он, конечно, проделывал это сотни раз, опорожнял мужчин, женщин, а то и несчастного ребенка. Большая часть извлеченного потом вернется обратно. Стивена закроют, огромный разрез прочно зашьют одним куском нити. Придадут пристойный вид. Возможно, его захочет увидеть мать. Скорее всего, захочет.

— Как вам печень?

Эрик подошел ближе.

— По-моему, нормальная, нет? — сказал он.

— Неспециалистов, — сказал Севен, — всегда поражает ее размер.

Несколько минут он был плотно занят. Переходил от инструмента к инструменту. Сейчас у него в руке были анатомические ножницы. Он ввел их в пищевод. На стене висели часы. Время — уже после полудня. Когда Эрик ехал в город, по ветровому стеклу хлестал дождь. Здесь, в подвальном помещении, чувство было такое, что внешний мир может делать что ему вздумается. Хоть пожар, хоть четыре всадника Апокалипсиса понесутся вскачь по просторной лужайке Кол-

ледж-грин, срубая головы полицейским.

— Долго вы его пользовали?

— Очень недолго, — сказал Эрик. — Он недавно поступил.

— В психиатрическую?

— Да.

— Как там у них вообще?

— Стараются как могут.

Севен осклабился, будто услышал забавное. Он был готов приступить к желудку. Принес со стола около раковины металлический сосуд.

— Напомните мне, Парри, где вы учились?

— Манчестер, — сказал Эрик.

— Как вам было на вскрытиях? В обморок не падали?

— Первое время было… ну, не знаю… не по себе. Не помню, чтобы кто-нибудь падал в обморок.

Севен поднял желудок и сделал разрез. Содержимое вывалилось в сосуд. Они внимательно всмотрелись.

— Это для наших друзей в токсикологии, — сказал Севен. — И соберу им немного крови из бедренной. Судя по виду — трудно сомневаться насчет таблеток. Вы женаты?

— Да, — сказал Эрик.

— Габби Миклос, по-моему, говорил, что вы

живете в одной из деревень.

— Да, — сказал Эрик. Он назвал деревню.

— Не скучно там? Вы же молодой.

— Нам подходит, — сказал Эрик. — И есть железнодорожная станция. Если хочется куда-нибудь.

— Отличное место, чтобы деток растить, — сказал Севен.

Он уже занялся сердцем. Прощупывал его, исследовал сосуды на поверхности. Севен, подумалось Эрику, старше него лет на пятнадцать. Себя он, ясное дело, молодым не считает. Где в эти пятнадцать лет происходит перемена? Сколько ему еще до нее?

— А взять Габби, — сказал Севен. — Что он за человек, какая у него история? Спрашивать напрямик что-то не хочется. — Он поднял сердце и держал его на весу двумя руками в перчатках. — Ну, угадывайте, — сказал он. — Выиграйте приз.

— Что мне угадывать? — спросил Эрик.

— Сколько весит.

Эрик наклонился. Еще чуть ближе, и можно куснуть. А потом куснет Севен. Съесть сообща, подкрасить губы.

— Четыреста?

— Это было бы крупное. Нет, я за триста.

Он положил сердце на весы. Стрелка замерла

на трехстах десяти.

— В точку, — тихо промолвил Севен.

Он вернул сердце на мраморный стол. Электрический свет скользил по стеклам его очков. Он принес ножовку. Бóльшую часть инструментов патологоанатома можно найти в кухне или садовом сарайчике.

— Декарт, — сказал Севен, — считал, что душа человека может быть заключена в шишковидном теле мозга. Должно быть, он видел вскрытия — в Лейдене, к примеру. Не странно ли — такой ум, и такая мысль?

Он притронулся к голове Стивена, к его волосам двух оттенков каштанового. Всматривался в кожу, словно изучал текстуру дерева, решая, как приступить. Эрик откашлялся. Сказал: очень жаль, но надо идти.

— Мир живущих зовет, — откликнулся Севен. — Да, бегите, бегите. Никаких сюрпризов я тут не жду. Само собой, вы получите от нас копию заключения. Винить здесь некого, Парри. Бедный свихнувшийся малый. Не первый такой у меня тут. И не последний.

Секунды три они смотрели друг на друга поверх трупа, выйдя из своих ролей, ничем не огражденные, как путники на дороге.

— Халат просто на крючок там повесьте, хорошо? — сказал Севен.

Он ехал и курил за рулем, иногда роняя пепел себе на колени. Дождь перестал. Солнце, пробиваясь сквозь разломы неба, сверкало на стеклах в крышах пакгаузов и вагонных депо, трогало воду в канале, по-зимнему одаривало поросший травой мусор на разбомбленных участках. Досадуя на медленное движение транспорта, он проговаривал в уме то, что собирался сказать, оттачивал формулировки, нежное слово заменял прямым, недвусмысленным, а затем возвращал обратно.

Он выехал из Бристоля Батской дорогой. Миновал ворота кладбища на склоне холма, где спал его отец, где отец проснется при звуке последней трубы, где он просто гниль, где он ничто, где он камень в ряду других камней среди зимней травы. На похороны приехал из Бирмингема десяток старых товарищей, и ему почудилось, что кто-нибудь может вынуть из кармана свисток и дать, как железнодорожному экспрессу, сигнал к отправке.

Вверх по склону через Бризлингтон, тут машин меньше, городская застройка пореже, и вот наконец совсем выехал, потянулись поля, трактор рыхлит землю, сопровождаемый чайками. Что

за пахота в декабре? Что сейчас сеять собрался? Жизнь в деревне, да к тому же рядом с фермой, должна была бы чему-нибудь его научить — но нет, не научила. Круговорот времен года был очень слабо ему внятен. Как, вероятно, большинству, подумал он.

Проехав Кейншем, спальный городок без перспектив, он повернул на более тихую дорогу, которая шла на север, ну, почти на север. Увидел здание шоколадной фабрики из красного кирпича. Среди прочего там делали рахат-лукум с ароматом розы, покрытый шоколадом, иногда он им запасался и клал себе в бардачок. Он с детства любил эти сладости. Порой отец вспоминал, покупал ему в вокзальном ларьке и приносил домой в чемоданчике.

Оставил позади деревню. За ней дорога делалась узкой. Он не знал, где она кончается. Может быть, просто сходит на нет. Он свернул с нее между двумя столбами и по колдобинам доехал до поляны у края леса. Заглушил мотор, смахнул с колен пепел. Вид отсюда открывался очень далекий. Опустив окно, услышал грачей. «Мне очень жаль, — сказал он вслух, — но так будет лучше, согласись».

Он открыл дверь, выбрался наружу, потянулся.

В первый раз после морга вдохнул полной грудью. Он чувствовал, как его омывает холодный воздух, ощущал запах земли и палой листвы.

Через пять минут услышал, как она подъезжает. Она остановила машину почти вплотную за «ситроеном». Когда вышла к нему, подумалось — сколько заботы она уделила своей внешности, чего вообще стоит женщинам вечная необходимость о ней печься. Она приблизилась и поцеловала его.

— Привет.

— Привет.

Про эту поляну Элисон-то ему и рассказала. С кем она бывала тут до него, он не знал. С Фрэнком? Летом здесь у него с ней был рай земной. Подолгу бродили, лежали вместе под защитой нескошенной травы, слушали жаворонков.

— Ты давно тут?

— Минут десять, — сказал он.

Она взяла его под руку.

— Пошли пройдемся.

В ее голосе была тихая мягкость, оттенок успокоительной меланхолии. Она уже все поняла. Как бы то ни было, она женщина умная. Сюрпризом для нее это не станет.

— Когда я неделю назад уезжал… — начал он.

— Фрэнка увидел.

— Он что-нибудь сказал?

— Говорит: «По-моему, я видел машину Парри», а я ему: «Парри?» И все на этом. Я сделала ему хорошую порцию выпивки. Он и так уже неплохо набрался. Вырубился с открытым ртом на софе.

— И все-таки… — сказал Эрик.

— И все-таки, — повторила она, улыбаясь, подражая его голосу.

Направились к старому дому. Он показался — стены из батского известняка, окна закрыты ставнями. Те, кто в нем некогда жил, страстно любили гортензии. Необрезанные соцветия, сухие, как бумага, шуршали и перешептывались, когда налетал ветер.

Вышли на любимое место, где тропа поворачивала. Отсюда можно было оглянуться на Бристоль и увидеть практически весь город. В ясные дни открывался вид и намного дальше, на просторы Уэльса.

— Ко мне приходил полицейский, — сказал он.

— Что случилось, прошлое тебя настигло?

— Я тебе говорил, что случилось. Психбольница.

— Да ты что!

— Нет, он был более-менее. Слегка напомнил

мне полицейского в пьесе Пристли[37].

— В пьесе вся суть вроде бы в том, что он мнимый полицейский.

— Этот, похоже, настоящий.

— Тебе, может, стоило бы поговорить с кем-нибудь, кто, ну, поговорит еще с кем-нибудь.

— Пустить в ход связи?

— Да.

— Фрэнк у тебя масон?

— Если масон, то мне он про это не говорил.

— Но, думаешь, сказал бы?

— Не знаю. Иногда мне кажется, он все мне рассказывает. Иногда кажется — не все.

— Он принес письмо, которое нашли на теле. Записку самоубийцы.

— Ты прочел?

— Да.

— И?

— Ничего ужасного. Безусловно, не жалоба, не нападки. Список причин не быть, не оставаться. Часть из них личные. Он не верил, что когда-нибудь совсем выздоровеет. Но в основном состояние мира, водородная бомба и так далее. Он считал, мы, вероятно, скоро ее взорвем. Пи-

---

[37] Примечания: 37

Имеется в виду пьеса английского драматурга и писателя Джона Бойнтона Пристли (1894–1984) «Визит инспектора» (1945).

шет, потерял в нас веру. В нас, в людей. Мол, мы привержены насилию. Не способны учиться, меняться.

— Это не так, — тихо сказала она.

— Что не так?

— Мы не привержены насилию.

— Мы с тобой или люди вообще?

— Я вижу уйму добра, — сказала она.

— Одно другому не мешает. Гиммлер боготворил свою дочь. Называл ее Пюппи.

— Пюппи?

— Куколка.

— Ну, — сказала она, — они же побеждены.

— Побеждены.

Они стояли, смотрели вдаль. Вид все время менялся.

— Я был утром на вскрытии, — сказал он. — Этого парня. Давно мне не случалось присутствовать.

— А я была в парикмахерской. — Она слегка сжала его локоть. — Пойдем.

Она повела его обратно к машинам. Шли молча. Они, бывало, видели тут оленей, множество кроликов. В один из дней старик вдалеке катил тачку — похоже было на картинку из старинного часослова. Когда дошли сейчас до машины Эрика,

она отделилась от него, направилась к своей и вернулась с коробочкой, завернутой в темно-зеленую крепированную бумагу и перевязанной золотой атласной лентой. Сели в его машину вместе. Закурили.

— Когда приду в гости, такой подарок я тебе сделать никак не смогу, поэтому с Рождеством тебя уже сейчас, дорогой мой. Я понимаю, у тебя, вероятно, тысяча возражений против подарков, от меня по крайней мере, и ты, кажется, заставил меня однажды поклясться, что я не буду их дарить, но я захотела, купила, и да, ты его примешь.

Говоря, она снимала зеленую обертку. Внутри в коробочке из тисненой кожи лежали наручные часы. Увесистые, если подержать на двух пальцах. Перевернув, увидел свои инициалы, гравированные на стали.

— Корпус «ролекс», хотя начинка другая. Продавец меня уверял, что качественная вещь. От швейцарских гномов. Коричневый ремешок, я подумала, лучше подойдет, чем черный. Под цвет твоих глаз. Ну, скажи что-нибудь, если хочешь.

Он поблагодарил ее. Вероятно, имела в виду, что он будет их надевать, когда они вместе. Или что солжет Айрин, скажет, что это взятка от

представителя фармацевтической фирмы. Они наклонились друг к другу и поцеловались. Откуда-то из глубин ее кожи потянуло пахучими духами, но вчерашними, не сегодняшними. Она была искусна в поцелуях. Он не знал, в чем тут секрет, есть ли что-нибудь помимо физиогномики. Может быть, Севен способен объяснить, извлечь секрет своими инструментами. Интересно, несет ли от него самого сейчас моргом, въелся ли запах формалина.

— А теперь другая часть подарка, — сказала она.

Стала расстегивать ширинку его брюк. Он помог ей. Когда брюки и трусы были спущены до колен, она возбудила его ласками и, окружив влажным, дымным теплом рта, начала обрабатывать. Он смотрел на ее макушку. Такие густые волосы! Завитые и жесткие из-за сушки в салоне под одним из этих странных металлических колпаков. С Айрин у него это было только один раз. И без большого успеха. Нет ничего хуже, чем женщина, которая *старается*. Она проявила доброту, он это признавал; хотела, чтобы ему было хорошо. Думала, может быть, что это входит в обязанности жены. Его слегка удивило, что она вообще знает о таком. Откуда? Из романа про леди

Чаттерли? Или сестра ее просветила, Вероника, на которой теннисная юбочка была покороче? На сестру, кажется, не очень-то подействовала атмосфера враждебности сексу, в которой они обе выросли. Муж, университетский профессор, вероятно, получил от нее хорошую долю радостей. Мелькнул вопрос: сосали ли когда-нибудь член его отцу? Слава богу, это было непредставимо. Он погладил ей шею. Погладил ухо с сережкой. Впереди, где-то вдали, уже над Глостерширом, что-то светилось в небе, как осколок стекла. Самолет, скорее всего — для вертолета слишком большая высота, — но перемещалось не так, как летят самолеты. Не будь он занят другим, возможно, был бы озадачен.

Когда он кончил, его тело подалось вперед, и он крякнул, как боксер. Она выпрямилась, улыбнулась. Он натянул брюки, застегнул. Она рассматривала свое лицо в зеркальце на козырьке от солнца. Промокнула губы салфеткой.

— Счастливого Рождества, доктор.

— Терпеть не могу Рождество, — сказал он.

— Я знаю. — Потянулась к нему и поцеловала в щеку.

Она поехала первой. Он сидел несколько минут, соображая, что произошло. Понятно, будет

сложней, чем он думал. Каждая тайная встреча завязывает еще одну нить и туже стягивает имеющиеся. Сделать это, разумеется, все равно необходимо. Не потому, что она ему надоела. Нет, не надоела. Она воплощала собой некое его принципиальное устремление, от которого ему очень не хотелось отказываться, от которого он чуть ли не боялся отказаться, — но если этого не сделать, если не урегулировать все, кончится тем, над чем он не будет властен, и это пугало сильнее. Сон, где он сидит в кресле начальника станции, и звонит красный телефон, и большие составы мчатся в тумане к какой-то катастрофе, пока не сбылся, но кто знает. Слез, конечно, не избежать, но все будет цивилизованно. Он произнесет какие-то слова о беременности Айрин. Она женщина, и ей не нужно объяснять, насколько это меняет дело. Расплывчато подумалось про Новый год, когда все протрезвеют после Рождества и осознают, что зима еще надолго. Наверно, это самый подходящий момент. Дольше тянуть опасно.

Он вышел из машины, чтобы привести одежду в полный порядок и выветрить до конца ее духи. Поискал в небе этот блеск, это странно маневрирующее свечение, но на тот момент в нем ничего необычного не было.

2

Билл пересек двор под дождем, идя по лучу своего фонаря. Он проспал лишние полчаса, но темень оставалась нетронутой. Он тянул вполголоса мотив гимна, который они пели в школе, терпя неимоверную скуку воскресных служб. Войдя в доильню, зажег свет. Из двух лампочек загорелась только одна. Среди немногого, о чем мистер Эрл сообщил по своей инициативе, было то, что электричество провели на ферму только в 1955 году.

Он включил вакуумный насос, принес ведро, наполнил его водой с дезинфектантом. Перешел в шиппон и поздоровался с коровами. Они последовали за ним наружу. Два отрезка цепи между шиппоном и доильней ограничивали маленький участок ожидания. Первые две коровы у входа в доильню были те же, что обычно. Они смотрели на него, как соседки, пришедшие попросить взаймы стакан сахара. Дождь одел их в световые костюмы. Они знали свои места в доильне, полностью привыкли к ней уже. Одна подняла хвост и опорожнилась. Другая лизнула на пробу стену доильни. Он вымыл им соски и, сдоив немножко

первого молока в кружку, проверил, нет ли комков или чего-то инородного. Приладил стаканы доильного аппарата и встал посмотреть на круговую шкалу вакуумного манометра. Постучал по стеклу, стрелка передвинулась, остановилась. На одну корову уходило минут пять, плюс-минус. Друзилла была в последней паре. Потеряв теленка, два-три дня мычала и, казалось, искала его, но потом вернулась к своему обычному недоброму состоянию, и он берегся ее копыт. Он видел коров с кандалами на задних ногах, не дающими брыкаться. Они переступали, как арестанты. Неприятно было смотреть, хотя он знал, что скажет более опытный человек: мол, скотина не против, она не страдает, она едва замечает. Это тебе не комнатные собачки. Рита с коровами цацкалась, но это Рита. Летом сплела венок из полевых цветов и водрузила на свою любимицу. Корова носила этот венок достаточно долго, чтобы она успела ее сфотографировать одним из отцовских аппаратов (тем, которым он все снимал на войне, в том числе и лагерь, вероятно). Карточку она прикнопила к двери кабинета.

К тому времени, как он после дойки окатил из шланга и вычистил доильню, фонарь ему перестал быть нужен. Строения походили на то,

что обнажает на морском берегу отлив. Он взял с обычного места у двери шиппона привязь и крикетную биту и пошел к быку. В это время суток с ним проще. Сумерки скрадывали их встречные взгляды, делали их, возможно, не такими грозными. Он всматривался в быка целую минуту, потом вошел в выгородку и нацепил привязь на латунное кольцо в его носу. Близкое дыхание на тыльной стороне твоей ладони, близкий жар бычьего сердца, работающего на холостом ходу. Он тронул бедро животного концом биты. Бык двинулся на почти негнущихся ногах. Он повел его к коровьему выгулу. Когда они выбивались из совместного ритма, его резко дергало назад, словно он, как воздушного змея, тянул за собой планету. На выгуле коровы деликатно вытягивали клочья из сенной массы. Он ввел к ним быка, оставил в их окружении, отцепил привязь и, пятясь, вышел. Закрыл за собой ворота. Бык стоял, источая свою черноту в воздух, неподвижный, будто поглощенный своей собственной мифологией, обратившийся в базальт, вошедший в колдовской транс. Коровы не проявили к нему видимого интереса. Они не подняли голов и не перестали жевать, но присутствие быка перестроило их мир полностью. Среди них стоял непреложный факт.

Факт стоимостью в двести гиней.

— Да трахни же хоть одну, — прошептал Билл.

Он проверил запор на воротах и двинулся к дому, размахивая битой, отрабатывая изощренные крикетные удары под рассредоточенные аплодисменты, прилетевшие из призрачной жары давнего лета. Он был еще молод, но столько уже всего ушло безвозвратно.

В доме он разбил шесть яиц в фарфоровую миску. Посолил, но не поперчил, потому что не нашел перца. Взбил вилкой, сковорода была в раковине, он вымыл ее и поставил на горячую плиту. Кинул на исцарапанную сталь шмат масла чуть ли не со свой кулак. В масле, подумалось, весь секрет. Влил яйца и передвинул сковороду на край плиты. Поискал хлеб во всех возможных местах, но его не было. Была пачка галет. Он видел ее уже, но не помнил когда. Пахли нормально и были еще довольно хрусткие. Помешал яичницу, поднимая сгустки со дна сковороды. За полминуты до готовности перенес сковороду на стол и уселся. Начал есть — вилка в одной руке, галета в другой. С полным ртом потянулся к радио, включил и повернул колесико, переходя с «Люксембурга» на внутреннее вещание Би-би-си. Шел обзор вчерашних сюжетов: «Поларис»

вместо «Скайболт»[38], тринадцать африканцев и белый полицейский убиты в Южной Африке, визит Гейтскелла[39] в Москву, красный шпионаж в Германии. Космический аппарат «Маринер–2» вот-вот после ста десяти дней полета подойдет к Венере на самое близкое расстояние. В подвальной квартире в Пимлико пудель Митци погиб при пожаре, причина которого покрыта тайной.

Пришла Рита, и он выключил радио. Она была в пижаме — в его пижаме. Села рядом. Лицо припухшее.

— Голодная? — спросил он.

Положил на галету немного яичницы и дал ей. Она съела и облизала пальцы. Дал ей еще раз то же самое. Доев, она толкнула свой стул назад и пошла наверх. Билл поставил чайник. Вода еще не закипела, когда он услышал, как ее рвет в ванной. Подошел к лестнице и громко спросил:

— Нужна моя помощь?

Через несколько секунд она ответила, что нет.

---

[38] Примечания: 38

Речь идет о передаче Великобритании американских баллистических ракет «Поларис» взамен ракет «Скайболт», разработка которых была прекращена.

[39] Примечания: 39

Хью Гейтскелл (1906–1963) — английский политический деятель. В 1955–1963 гг. лидер оппозиционной Лейбористской партии.

К середине дня она, похоже, вполне оправилась. Они переоделись в спальне каждый на своей стороне кровати. Большую часть утра беспрерывно лил дождь, но сейчас развиднялось, небо делалось светлей, выше. Билл надел костюм из кардной серой фланели, к нему — чистая, хоть и неглаженая, рубашка, галстук с эмблемой его оксфордского колледжа, серые носки. Рита надела шерстяное платье в серую и бежевую клетку. Платье было из ее прежних, одно из более спокойных. Попросила его застегнуть молнию. Он обошел кровать. Она опустила голову, чтобы он не прижал ей сзади волосы.

— Не могу решить, как мне выглядеть, — сказал он. — Скорее бизнесменом или скорее фермером.

Он объяснил ей уже, куда собирается, но умолчал и о суммах, и о характере просьбы.

— Может быть, лучше зеленый твид, — сказал он. — Донегольский.

Она сидела на кровати, натягивая чулки.

— Донегол, — сказала она, изображая ирландский акцент.

Он заменил пиджак, показался ей. Она кивнула и пошла в ванную подкраситься.

Когда прощались, она протянула ему руку, и они пожелали друг другу удачи. Это была часть

игры, про которую он не знал, кончится ли она когда-нибудь. Он не знал даже, что это за игра. С косметикой она выглядела старше. Как обычно, он не мог до конца понять, какие у нее глаза: голубые, серые или даже слегка зеленоватые. Губы она накрасила с особым тщанием. Он нагнулся и поцеловал ее в лоб.

— Спасибо, ваше преподобие, — сказала она.

Отделение банка, с которым он имел дело, специализировалось на фермах и фермерах и располагалось в главном городе графства — на западе, ближе к побережью. Проезжая мимо амбулатории, глянул, не стоит ли «ситроен» Парри, но нет, не стоял. За амбулаторией высились розоватые ободранные крутые холмы, там добывали камень. Дальше плоская зеленая местность, прорезанная речками, ее часто затапливало, там находили убежище летучие мыши, стрекозы и стайки пугливых перелетных птиц. Скрытная, пропитанная влагой земля. Речки кишели угрями, по крайней мере раньше. В музее графства были выставлены ловушки для угрей из расщепленных ивовых веток, все уникальные, как личные подписи.

Он припарковался в центре городка, в конце рыночной улицы. Картонная папка была у него

с собой. Он открыл ее, прислонив к рулевому колесу, и окинул взглядом первую страницу. Готовя папку к сегодняшнему, он постарался проявить максимум аккуратности — и все-таки пора, вероятно, разориться на пишущую машинку. У Риты был опыт работы в офисе, там-то они и познакомились. Может печатать, пока ребенок будет спать.

Он приехал минут на десять раньше времени. Подошел к газетному киоску и купил пористую шоколадку. Рядом был магазин мужской одежды, и он постоял перед витриной, жуя шоколад и разглядывая образцы. Уйма вельвета, плотные клетчатые хлопчатобумажные рубашки, практичные дождевики, шарфы. На тонких бечевках летающими тарелками висели три шляпы-трильби. Почти все манекены были одеты как для охоты, или для стипль-чеза, или для ярмарки графства, но один стоял немного в стороне. Судя по шевелюре и по худощавому оранжевому лицу, имелось в виду, что это человек молодой. На нем, помимо прочего, был пиджак, как гласила надпись, «элегантного итальянского покроя» с легкомысленными, но симпатичными пуговицами, с узкими лацканами, за которыми виднелся краешек желтой атласной подкладки. Эта ткань

боится колючих растений. В таком пиджаке не пойдешь выгуливать собаку по грязному проселку. Возможно — эксперимент владельцев магазина, предмет их жаркого обсуждения после чтения газет, после беспокойных сновидений с изящными танцами. Сколько в этом городе молодых людей, которых мог бы заинтересовать такой костюм? Куда в нем тут пойти? Но молодые люди сейчас с машинами. Они не обязаны существовать на том же пятачке земли, что их отцы и деды.

Так что — в банк, где за блестящими латунными решетками своих рабочих мест сидели служащие, местные молодые люди обоего пола с хорошими способностями к счету. Скажи им: «элегантного итальянского покроя», и могут покраснеть. Там был небольшой угольный камин, на стене часы наподобие вокзальных. Длинная стрелка дернулась и встала на тридцати минутах. Билл назвал себя секретарше, сидевшей перед кабинетом директора. Она нашла его в журнале посетителей, встала и постучала в дверь. Заглянула в кабинет, а затем открыла дверь широко.

— Добрый, добрый день, — сказал Гаррисон, вставая позади своего стола. — Прошу вас…

Он показал Биллу на стул напротив. Они поздо-

ровались за руку и сели. Улыбнулись друг другу. Чтобы фермер по своей инициативе пришел к Гаррисону в кабинет, могла быть только одна причина, но с полминуты они позволяли себе изображать нечто другое — например, визит к врачу и небольшой обмен любезностями перед жалобой на кровь в унитазе.

— Как поживает ваша милая супруга?

— Очень хорошо, спасибо, — сказал Билл. — По правде говоря, она ждет ребенка.

У него не было намерения это говорить. Он очень мало кому сообщил о ее беременности. Из своих родных — и вовсе никому.

Гаррисон улыбнулся.

— Блаженная пора!

— Да, — сказал Билл.

— Мои искренние поздравления вам обоим.

— Спасибо.

Гаррисон, пододвинув гладкую черную коробочку из бакелита, предложил ему взять сигарету.

— С этой стороны виргинские, с этой турецкие.

Билл в трезвом состоянии не курил, но сейчас подумал, что можно бы взять и небрежно так помахивать. На столе стояла массивная зажигалка, и стояла латунная пепельница, сделанная, каза-

лось, из куска артиллерийского снаряда. Можно было начинать разговор.

— Итак, — сказал Гаррисон, — вы пришли с деловым предложением.

Билл открыл папку и протянул Гаррисону две верхние страницы. Тот надел очки и приступил к чтению. На первой странице было общее описание, на второй — цифры. Проглядев первую, Гаррисон обратился ко второй. Он почти неуловимо вскинул брови. Когда поднял глаза, Билл начал говорить. Он проговорил — довольно-таки бегло — минут пятнадцать. Готовясь к сегодняшнему, он репетировал во дворе. Коровы слышали, бык тоже (но не Рита). Он слушал себя. Боялся осрамиться, боялся, что в какой-нибудь момент его понесет. Но сейчас он владел собой. Ему нравилось, как все звучит. Может быть, план и шальной — но он по-хорошему шальной. Он слегка подался вперед. Он что, удовольствие от себя получает? Гаррисон не перебивал. Время от времени кивал или издавал губами тихий звук.

— Должен признаться, я заинтригован, — промолвил он, когда Билл умолк. — И, если вы позволите мне это сказать, я вижу в вас амбициозность нового поколения. Человек более консервативный мог бы прийти с тем, чтобы

немножко расширить свое стадо. Еще пять коров, ну или десять. А вы хотите пятьсот.

— Могло ли бы это представить для банка интерес?

— Это колоссальные деньги.

— Я очень аккуратно высчитал стоимость, — сказал Билл. — Надеюсь, вы это увидели. Такой масштаб необходим. Если поскромничать, если уменьшить все вдвое, ничего не выйдет.

— Игра не будет стоить свеч.

— Вот именно.

— И вы, — сказал Гаррисон, ведя тупоконечным пальцем по бумаге, — оцениваете доход в десять фунтов с головы…

— При продажной цене в девять-десять фунтов за центнер, чего, я думаю, вполне реально ожидать.

— А продавать вы бы стали на местных рынках?

— С марта по июнь.

— Расходы?

— Примерно тысяча шестьсот в год.

— Включая наемный труд?

— Да. Но работников будет минимум. Автоматизация. Один человек на тракторе с прицепом-раздатчиком сможет обеспечить кормом все

стадо за полчаса.

— А кормить думаете…

— Гороховый силос, картофель, ячменная мука. Сколько смогу, буду выращивать у себя на ферме. И вокруг ангара там уйма пригодной земли. Я постараюсь получить грант на распашку.

— Какие породы?

— Любые из хороших мясных. Герефордские, южнодевонские.

— Как будете транспортировать?

— Грузовиками. В них, вероятно, будущее. Но рядом железная дорога, по ней, конечно, тоже.

Гаррисон кивнул.

— Мой предшественник, — он показал на висевший позади него портрет человека, очень похожего на Клемента Эттли[40], — часто напоминал нам, что банк — не казино. Я уверен, он ни разу в жизни не был в казино. Я, кстати, тоже. Вряд ли и вы там бывали. Но мы понимали, что он хочет сказать. Тут не место для азартных игр. Если уж идти на риск — это слово мистер Нотон всегда произносил с неудовольствием, — то этот риск должен быть точно рассчитан. Если ваше мясное дело не пойдет так, как вы планируете,

---

[40] Примечания: 40

Клемент Эттли (1883–1967) — британский политический деятель, лейборист, премьер-министр в 1945–1951 гг.

мы оба понесем значительные убытки.

— Но я думаю, оно пойдет, — сказал Билл. — В смысле — как я планирую.

— Должен вам указать, уж вы меня простите, что опыт фермерства у вас небольшой. А в мясном животноводстве и вовсе никакого.

— Я найму хорошего скотника, — сказал Билл. — Это очень важно.

— А на вас будет финансовая сторона.

— Я буду менеджером, — сказал Билл.

Гаррисон положил ладони на бювар, свел их воедино — палец к пальцу. Кончик языка коснулся верхней губы и спрятался.

— Я буду с вами очень откровенен, — сказал он. — Я имею дело с множеством фермеров, мелких и покрупнее. Если бы почти любой из них принес мне такой план, я бы со всей возможной вежливостью его отклонил. Но, с другой стороны, кто из них принес бы мне такой план?

Он снова взялся за страницу с цифрами. Читал молча. Вокруг шла себе жизнь городка, медленно иссякал зимний день. Портрет бывшего директора был залит тенью. Он умер, этот мистер Нотон? Или доживает где-нибудь, совсем дряхлый, сидит за столом перед нетронутой чашкой чая и смотрит, как на чужие, на свои крапчатые руки?

— Вот если бы вы нашли поручителя, — сказал Гаррисон, — или, еще лучше, человека, готового предоставить часть денег… Половину, к примеру. Это бы изменило картину. Нет ли кого-нибудь, кто согласился бы помочь таким образом? В вашей семье, предположим.

На несколько секунд Билл сосредоточил взгляд на пепельнице, где окурки лежали как отыгранные фигуры, как разменянные пешки.

— Вероятно, вы имеете в виду моего отца.

Глаза Гаррисона чуть-чуть расширились. Он ждал.

— Мы с моим отцом, — сказал Билл, — не очень… близки.

— Вот как.

— У нас совсем разные взгляды.

— Понимаю.

— На всё.

Гаррисон кивнул. Его глаза за очками были бесцветны, но не холодны. Впервые Биллу пришло в голову, что Гаррисон, может быть, ему симпатизирует.

— Мы долго с ним не общались, — сказал он. — Он рассчитывал, что я войду в бизнес.

— В семейный бизнес.

— Да.

— Недвижимость.

— Скажем так.

— Ваш отец был разочарован?

— Думаю, да.

— Фермерство он, видимо, не одобряет.

— Он про него ничего не знает. Сомневаюсь, что он хоть раз в жизни был на ферме. Разве только до приезда сюда.

— В Великобританию.

— Да.

— И если вы поговорите с ним об этом, — он постучал пальцем по цифрам, — думаете, он не заинтересуется?

— Уверен, что нет.

— Не клюнет.

— Простите, не понял.

— Если подать ему это так, как вы подали мне. Как деловое предложение. Не соблазнится? Если не фермерство выдвинуть на первый план, а фунты, шиллинги и пенсы. Вы будете тогда говорить с ним на одном языке.

— Мы никогда не будем говорить на одном языке, — сказал Билл. — Мой отец, мистер Гаррисон, человек очень своеобразный. Это трудно вам объяснить, поскольку вы не знакомы. Он… не меняется.

— Мне кажется, нечто подобное я чувствовал к своему отцу, — сказал Гаррисон.

— Правда?

— До поры до времени.

— А потом?

— Ну, потом… — промолвил Гаррисон. Он посмотрел в сторону двери, как будто искал некую фразу, строчку из поэтов-классиков. В итоге просто сказал: — Уже нет.

Сотрудник, который выпустил его, закрыл за ним дверь банка. Звякнули ключи. Рабочий день был окончен. Билл посмотрел вдоль улицы, припоминая, где оставил «джипси». Магазинчики уже украсили витрины к Рождеству, они светились заманчиво. Захотелось найти какую-нибудь чайную — сесть и поразмыслить о том, что сейчас было. Разговор, конечно, не удался. Он с чем пришел, с тем и ушел. И все-таки не было чувства полного провала. А какое было чувство? Еще один щелчок кодового замка, когда открываешь сейф? (В отцовском доме было три сейфа — три, о которых он знал. И почти наверняка еще один.)

Что Гаррисон имел в виду под разговором на одном языке? Хитрая бестия! У него, должно быть, на каждого хранится досье в одном из этих больших шкафов в кабинете. По крайней мере на всех

сыновей состоятельных отцов. Интересно, много ли он знает — или думает, что знает. Какие у него источники? Вырезки из газет? Или кто-нибудь повыше рангом, кто-нибудь на Треднидл-стрит[41], в отделе, который окунает свой черпак в грязную воду и пробует ее на вкус?

Он перешел улицу. Он не очень-то смотрел, куда направляется. В таком городке заблудиться всерьез невозможно. Увидел заведение под названием «Кусочек», но оно было закрыто. Тогда в один из пабов? Их тут несколько, почти все выглядят как корпусы старых кораблей на отмели, но для паба время неподходящее — и поздно, и рано. Он шел себе, потом приостановился перед светящейся желтым витриной женского магазина вроде галантереи. Девушка, сняв туфли, тянулась вверх, чтобы повесить над художественно наваленными и мятыми отрезами цветных тканей рождественскую звезду. Снег изображали сугробы из кружев. Подумалось — ей пятнадцать, не больше. Летом бросила школу? Запрокинутое лицо неподвижно, сосредоточенно. Потом вдруг почувствовала, что на нее смотрят, быстро повернула голову, увидела Билла и улыбнулась. Что-то

---

[41] Примечания: 41
На Треднидл-стрит в Лондоне находится Банк Англии.

развязное в этой улыбке — хотя, может быть, такое впечатление только из-за разделяющего стекла.

3

Дождь кончился, и день был для декабря не особенно холодный. Они купили билеты и вышли на перрон. Бристольского поезда ждали еще трое — две женщины и мужчина. На сельский лад покивали друг другу сдержанно, в городе бы не стали. Айрин и Рита сели на скамью. На Рите был ее дафлкот, на Айрин ее дубленка. Всего за неделю, подумала Рита, беременность Айрин стала заметна уже не только если присмотреться, а явственно — по крайней мере когда она без пальто. А у нее самой мало что изменилось. Чуть туговато платье стало в талии, но сильно не жмет. Айрин свою плиссированную юбку заколола большой безопасной булавкой. Посмеялись над этим и согласились, что скоро обеим в мешках придется ходить.

Здание вокзала — красный кирпич и сланец. Из двух труб, явно слишком массивных для такого строения, шел дым от угольной печки в зале ожидания и от печки поменьше в кассе. Они си-

дели бок о бок, глядя на пустой перрон напротив. Все, что могли сказать друг другу, казалось, исчерпали в коттедже и по пути к вокзалу. Стадию простой вежливости миновали, но пришли ли к следующей?

— Билл поехал к директору банка, — сказала Рита после долгой молчаливой минуты. — Что-то собирается сделать с фермой, но жуткую таинственность развел из-за этого.

— Банки на меня страх нагоняют, — промолвила Айрин. Это была неправда. Она не знала, почему сказала это.

— Видела я его, — сказала Рита. — Директора. Он приезжал к нам однажды на ферму. Старый сухарь, суше не бывает. А ваш муж, наверно, тоже всем этим занимается? Амбулатория — это ведь бизнес, да?

— По-моему, у них в Бристоле кто-то есть, кто за это отвечает. Счетовод. Да и вряд ли там большие сложности. Они же ничем, в сущности, не торгуют.

Еще помолчали. Западный ветер гнал облака.

— Вы наверняка гораздо больше про это знаете, чем я, — сказала Айрин. — Про бизнес.

Она произнесла это бодро, но ощутила диковинный укол стыда.

— Только то знаю, что у них увидела, у Таксы в агентстве. Мама Билла — бухгалтер. Он говорит, это единственное, что она умеет стряпать. Фальшивые цифры.

— Для семейного бизнеса?

— Да.

— Чем именно они занимаются?

— Покупают старые дома и сдают жилье. Билл говорит, его папа целыми улицами в Лондоне владеет. Я никогда с ним не встречалась.

— Даже на бракосочетании не был?

— Мы в Бристоле зарегистрировались в бюро. Были мои девчонки из дома, к Биллу приехал его друг по Оксфорду. В бюро вся процедура — минут пятнадцать. Даже непонятно потом, произошло это или нет. Вот брата его я видела однажды.

— Он похож на вашего мужа, на Билла?

— Ну нет. Чарли плейбой. Или хочет им быть. Он, бывает, звонит, когда надерется. Только что купил «ягуар-и». Пурпурного цвета.

— Боже мой, пурпурного!

— Да, такие дела, — сказала Рита.

Встали со скамьи. Из поездов на этой линии примерно половину сейчас составляли дизельные, но в их случае это был зеленый паровичок, он подъехал громко, взбаламутил воздух и затя-

нул весь перрон дымкой с острым запахом гари. Пройдя по вагону, нашли свободное купе. Сели у окна друг напротив друга. Когда поезд дернулся и поехал, улыбнулись, словно дети, которых на день везут на природу. Медленно, затем быстрее поползла мимо знакомая местность. Луг с двумя лошадьми, заброшенный дом, а теперь далекий вид на юг. Заговорили о железнодорожных поездках — благодатная тема. Айрин начала историей, которую ей рассказал отец: в пригородном поезде в Лондон все постоянные пассажиры знали, что один мужчина перед въездом в туннель обязательно встанет и закроет окно. Если бы кто другой попробовал это сделать, на него бы воззрились.

— И, что самое странное, он был совершенно слепой!

Рита слушала, кивала. Зажгла сигарету. Она не знала, доедет ли до Бристоля без рвоты; если стошнит в туалете поезда, это, возможно, и правильней будет, чем идти там в кино и не выдержать по дороге. Эта неделя была худшая за все время: и тошнота, и головные боли, и усталость. Тогда, почти четыре года назад, эта неделя была последняя. Она честно не могла теперь вспомнить свои тогдашние ощущения, лучше было, хуже или примерно так же. Как

такое можно было забыть? Дальнейшее, правда, не забыла, хотя с помощью нембутала и джина иногда пыталась: пятиминутный фильм, первые кадры — неосторожная девица едет в автобусе с дорожной сумкой на коленях. Много брать с собой не нужно было. Ночная рубашка, халат, умывальные принадлежности, смена белья. Юджин — сначала обвинив ее, что решила поймать его в капкан, потом попросив прощения (так прямо и видишь, ищет человек свое лучшее «я»), — предложил ее подвезти, но они оба знали, что ему нельзя так рисковать, нельзя, чтобы его увидели с ней по пути *туда*. В городе можно многое делать скрытно, но в сельской местности тебя непременно кто-нибудь да увидит. А на Юджине клуб. Плюс, так случилось, брачные узы, и, хотя Энни особых иллюзий на его счет питать не могла, всему есть предел. Была возможность попросить Глорию, но к Нэнни Симпсон посетителей не пускали, поэтому она все равно смогла бы только до ворот. И не махнула ли тогда уже Глория на нее рукой? Что если бы сказала «нет»? Так что она прошла эту милю от автобуса одна: пустые поля, одноэтажные домики, неистовый лай цепных собак. Ни таблички там, ничего. Никаких санитарных машин снаружи. Высокие

аккуратно подстриженные живые изгороди. Дорожка посыпана гравием. Ни души, пока не нажмешь кнопку звонка.

Позже увидела в обшитых панелями коридорах еще некоторых — девицы мелькали там ночными бабочками. Там было правило насчет имен; по сути, вообще не полагалось разговаривать. Большой был дом, красивая лестница. Иные из окон витражные: рыцари, драконы. Сама процедура на следующее утро. О том, в чем она состоит, о механике этого дела ей почти ничего не было известно, и она не проявляла любопытства, ограждала себя. Не знала даже, кто ее проводит. Был разговор о врачах, но она ни одного не увидела. Перед уходом несколько минут наедине с Нэнни Симпсон в ее кабинете. Там ты получала от нее кое-что — тампоны, аспирин, наставления. Счет был оплачен до всего, в самом начале. Предпочитали наличные, и Юджин дал ей из кассы. И пешком обратно с сумкой до шоссе, теперь куда медленнее. Когда подошел автобус, шофер бросил на нее взгляд. Об этой остановке наверняка шла слава. В автобусном парке у них, может быть, свое название для нее было, грубое.

Когда подъезжали к вокзалу Темпл-Мидс, она плакала, и Айрин пересела к ней, положила руку

ей на плечо. Рита промокнула глаза платком. Спросила, не потекла ли тушь, и Айрин сказала, что нет.

— Просто накатило, голубушка, не пойми что, — сказала Рита не пойми каким голосом.

Спустились на широкий перрон и направились к барьеру. Хлопающие двери. Движение толпы — будто колыхание серого огня. Предъявили у барьера билеты и вышли в город через вокзал. Тут командовала Рита. Улицы давали ей глубокое облегчение, она чувствовала их тягу. Могли сесть на автобус, но решили пешком (не старухи ведь и не больны, просто беременны). Был маршрут мимо «Пау-вау», и она ощутила соблазн. Мимоходом показала бы Айрин, заметила бы небрежно: а вон там я работала. Правда? Ага. Прийти около семи, глотнуть, послушать, как группа разыгрывается. Потанцевать с Глорией, иногда с Юджином, если Энни нет поблизости. Потом быстренько принять в дамской комнате должный вид, глотнуть еще, чтобы тебя хватило на все время, и вперед, шоу начинается…

Кроме как во сне, она давно не видела «Пау-вау», даже снаружи. Неоновый вигвам еще на месте? Сейчас, конечно, закрыто; чтобы натолкнуться на кого-нибудь, надо быть очень невезучей. Ее

подмывало, но она опасалась и, где путь раздваивался, выбрала другой вариант, через Бродмид; они шли и заглядывали в витрины новых магазинов. Кто знал эту часть города до войны, тому сейчас трудно было ее узнать. Кое-где что-то осталось, чудом уцелевшее здание, стоящее на краю памяти, человечное и темное. Остальное — стекло и бетон. Костлявые манекены, одетые по-зимнему. Откроешь дверь — внутри ароматный воздух. Слегка возбуждающая атмосфера денег.

Администратор кино стоял без дела у открытой двери. Желтая жилетка, алый галстук-бабочка.

— Привет, Рита.

— Привет, Тони.

Это уже не был, как раньше, кинотеатр премьерного показа. Вечером тут сегодня «Искатели» с Джоном Уэйном. Дневная публика, которую сюда приманивали, была невелика и специфична: пенсионеры, домохозяйки, праздный народ. Показывали европейское кино, в основном немецкое и шведское, где всегда было сколько-то наготы. Показывали фильмы ужасов. Тоже часто не без наготы: прислужницы Сатаны в развевающихся полупрозрачных одеждах. И показывали научную фантастику, где была любовь, но по-

чти не было наготы. Фильмы шли сдвоенными сеансами. Сегодня — «Путешествие к седьмой планете», а следом «Безмолвная звезда». К стеклу кассы Тони или еще кто-то прикрепил вырезку из газеты про «Маринер–2».

Купили билеты и пошли к прилавку, где продавали сладости. Рита купила пакетик-трубочку мягких ирисок в шоколаде. Сеанса ждали всего человек десять. Айрин попыталась их определить. Прикидывала в уме, что могла бы сказать Эрику, какую приготовить для него историю (забавную), но люди не выглядели принадлежащими к какой-либо понятной ей категории. Появился чернокожий мужчина с тяжелым на вид металлическим чемоданом.

— А времени-то в обрез уже, — сказала Рита.

— Без меня не начнется, Рит. — Он посмотрел на Айрин. — Ты с подругой сегодня.

— Айрин — Байрон. Байрон — Айрин.

— Приятно познакомиться, Айрин.

Он торопливо пошел к двери в дальней части фойе.

— Байрон тут киномеханик, — сказала Рита. — Я бывала там у него, в его будке. Это не такое простое дело.

— Туда разрешается?

— Тони не против. И Байрон, в общем, сам себе голова. Хорошего киномеханика трудно найти. Кинотеатры их друг у друга переманивают.

Айрин посмотрела на дверь, за которой он скрылся. Хотелось задать вопрос, но не могла придумать, как сформулировать. Искала слова.

— Я с его сестрой работала, — сказала Рита.

— Везучая вы, — сказала Айрин.

— Я-то?

— Знакомы со столькими… с разными.

— Это точно, — сказала Рита.

Поднялись по лестнице в зал. Билетерша в бордовой униформе показала им их места. Первый ряд балкона. В зале горел свет. Воздух был несвежий: еще не выветрился сигаретный дым после вечернего сеанса. Какой-то старик в их ряду стал разворачивать сэндвичи. Скатертью служила газета.

— Он тут всегда, — прошептала Рита, щекоча дыханием ухо Айрин. — Сейчас рыбной пастой понесет.

Съели по ириске. Айрин посмотрела вниз через бортик балкона. Кое-где шляпы, но большинство мест пусты. Когда глаза привыкли к тусклому освещению, видно, до чего тут все запущено, хотя в прошлом, похоже, это был почти шикарный зал.

Красный плюш, позолота. Над экраном лепная лира, с которой еще не облупилась вся золотая краска.

— Еще год — и тут будет бинго-клуб, — сказала Рита.

— Печально, — промолвила Айрин.

— Чего человеку хоцца, то ему и подай, — сказала Рита другим своим голосом, простецким, с северным акцентом.

Айрин откинулась на спинку кресла. Потрогала живот. С булавкой было неудобно. Нужна одежда для беременных. Булавками и выпущенными юбками не обойтись, под конец она может стать необъятной, как некоторые. Они с Вероникой, бывало, играли: засунут подушки себе под школьные свитера и ходят по спальне, жалуясь на спину. Уже тогда, кажется, боялись этого будущего, хотели его окарикатурить — это время, когда не побегаешь. А мужчинам что, им хоть бы хны, у них-то никаких перемен. Костюмы из сержа, фланели, твида. Поезд 8.04 до вокзала Виктории. Пока, папочка; пока, милая.

Свет погасили. Пошла реклама автосалона. Может быть, подумала Айрин, того самого, где Эрик купил «ситроен». Снимали летом, деревья распахивались и запахивались под летним ветром.

Потом реклама электротоваров — «пять минут ходу от этого кинотеатра». Что, кто-нибудь кинется наружу покупать предохранители и провода? Напоследок реклама сигарет. Эта сработала. Рита зажгла и выдула дым кверху — к переменчивому свету проектора.

Несколько секунд экран пустовал — беспокойная серость с мелкими вспышками и зигзагами. Айрин ждала в жесткой неподвижности. Как-то раз между Днем победы в Европе и Днем победы в Японии они с Вероникой и их подругой Кэрол пошли днем в хэссоксский[42] «Орион». Вначале показали кинохронику под названием «Конец убийствам» о суде над охранниками концлагеря Берген-Бельзен. Там были кадры из лагеря, снятые, когда туда вошла британская армия. Трупы, наваленные в немецком лесу, как дрова. Большие ящики с обручальными кольцами. В конце фильма британские военные сжигают лагерь огнеметами. Ей было четырнадцать. Тем летом у нее начались месячные, но после фильма она один месяц пропустила. Могли быть и другие причины — еды было не вдоволь, жилось в чем-то даже хуже, чем в войну, — но она решила, что

[42] Примечания: 42

Хэссокс — городок к северу от приморского курортного города Брайтон в графстве Восточный Суссекс.

из-за фильма, и до сих пор так думала. Лагерь сгорел, но огонь не мог отменить того, что в лагере произошло. Охранники и охранницы были тупые зверюги, но она знала даже в четырнадцать, что им найдется замена, что нет никакого конца убийствам, что они продолжатся где-нибудь еще, всегда хоть ненамного, но опережая очищающий огонь.

Перед кинокартинами и сейчас иногда шла хроника. Главным образом об успехах науки или о королевской семье; но, когда гасили свет, в эти первые темные секунды она всегда ежилась, боясь увидеть необъяснимое, оглушающее.

Она почувствовала, как Рита берет ее за руку. Позволила ей. Почувствовала, что ей вкладывают в ладонь ириску.

Начался фильм. Она сосала конфету. Расслабилась. Действие происходило в 2001 году. Фантазии мужчин претворялись в действительность — вначале приятным образом. Потом фантазии начали им угрожать. Сотворенные мужчинами красотки устраивали им западни. Появилось чудовище, которому нипочем был их пулеметный огонь. Краски яркие, но смазанные, протекающие за контуры. Лучшие кадры были с летящей в космосе ракетой.

Между фильмами опять появилась девушка в бордовой униформе, выйдя из комнатки под экраном. Перед ней был поднос с напитками и мороженым, его удерживал ремешок, перекинутый через шею. Когда она подошла к балкону, старик, перетрогав на подносе все, купил стаканчик ванильного. Рита купила фруктовый напиток киа-ора. Сказала, в нем витаминов немерено. Во время второго фильма она встала и вышла. Десять минут ее нет, пятнадцать. Айрин отправилась на поиски. Пришлось протиснуться мимо старика. Мелькнуло опасение, что он распустит руки, но он не стал.

Лакированная деревянная дверь дамской комнаты держалась на массивной латунной петле. Пришлось налечь плечом. Внутри свет, отражавшийся от плиток, слепил после темного зала.

— Рита?

Она была в последней кабинке, стояла на коленях. Айрин присела на корточки чуть позади.

— Не надо было сок, — сказала Рита. Потянулась вперед, очередной спазм.

Айрин держала ее голову, глядя на эти в тот раз еще возбудившие ее любопытство волны волос, совсем светлых и медовых.

Вытошнило все до конца. Они привалились к

стене кабинки, сидя друг за дружкой вплотную, как на мотороллере.

— Из-за меня и вас затошнит, — сказала Рита.

— У меня это, кажется, пройденный этап, — сказала Айрин.

— Вы с ним разговариваете? — спросила Рита.

— С ребенком? Да нет, пожалуй. А вы?

— Там пока еще мало что выросло, да? Может быть, и ушей-то нет. Когда они появляются?

— Не знаю точно, — сказала Айрин. — Можно спросить у Эрика.

— Наша корова потеряла теленка, — сказала Рита.

— Очень жаль, — сказала Айрин.

— Биллу пришлось с этим разбираться.

— Бедный Билл.

— Да. Бедный Билл. Бедная корова.

Посидели молча. Слышалась, хоть и отдаленно, набирающая силу музыка фильма.

— Ваш друг, — сказала Айрин, — киномеханик…

— Байрон?

— Да.

— Он славный. Дружила-то я больше с Глорией, с его сестрой, но ее я давно не видела.

— Она уехала?

— Нет, просто, по-моему, стала хуже обо мне думать.

— Из небелых людей я разговаривала только с кондукторами автобусов в Лондоне.

— В Бристоле не получится, — сказала Рита. — Компания отказывается их брать.

— Это недопустимо, — сказала Айрин.

— Да, — промолвила Рита, — но что есть, то есть.

— Сестра иногда присылает мне американские журналы. В одном было фото мужчины, который родился рабом, а сейчас женился.

— Этот город, — сказала Рита, — кучу денег нажил на рабах[43].

— Там было про Билли Холидей[44]. Знаете, что она умерла?

— Знаю, — сказала Рита. — Бедная Билли Холидей.

Помогли друг другу встать. Рита умыла лицо над одной из раковин. Постояли бок о бок, глядя на свои отражения в зеркале. На одной

---

[43] Примечания: 43

В XVIII веке многие суда, привозившие в Америку рабов-африканцев, шли из Бристоля.

[44] Примечания: 44

Американская чернокожая певица Билли Холидей (1915–1959) прославилась во многом благодаря песне «*Strange Fruit*» (1939) о линчевании.

кафельной стене висел плакат с Марлен Дитрих в черном костюме и черной шляпе. Она стояла на балконе, позади нее был город — экзотический, освещенный, отвергнутый.

— Уверены, что все хорошо сейчас?

— Полный порядок.

Вернулись в зал. Мимо старика проталкиваться не стали, сели в пустые кресла у прохода. Фильм, который даже вначале воспринимался с трудом, теперь был и вовсе непонятен. То, от чего бежали эти мужчины с дублированными голосами, почему-то все время оказывалось перед ними. Айрин закрыла глаза и увидела на изнанке век остаточный образ экрана — пышная, яркая белизна цветущих гардений. Она забылась сном и проснулась, когда зажегся свет и раздался стук откидывающихся сидений.

В фойе под лестницей был буфет. Там они увидели администратора. Он позвал их глотнуть чего-нибудь. Рита захотела грушевый сидр (его рекламу с глазастым олененком в волшебном лесу тоже показали перед фильмами). Буфетчица, которая была и женой администратора, взяла две бутылочки из стоявших на полках с зеркалами и наполнила два широкодонных бокала. Рита передала один бокал Айрин, другой приподняла.

— Ну, будем! — сказала она.

Через несколько минут подошел Байрон. Жена администратора налила ему мягкого эля. Он отпил, вытер с губ пену, выглядел довольным. Айрин бросила на него взгляд над кромкой бокала. Хотела с ним заговорить, но не могла придумать, что сказать. До Ливерпуль-стрит и обратно, пожалуйста. Администратор предложил сигареты. Байрон сказал, что бобины «Искателей» еще не привезли. Водитель фургона (он назвал имя) лентяй. На него нельзя положиться. С каждой неделей все дольше его ждешь.

— Страна катится к чертям, — сказала Рита со смехом.

— Твоя правда, подруга, — сказал Байрон. Его голос звучал авторитетно.

У жены администратора были накладные ресницы. Волосы — цвета охры. Ей могло быть и девятнадцать, и сорок. Она посмотрела на Айрин и сделала нарисованной бровью и углом рта движение, которое значило что-то не вполне понятное. Мать, увидев, с кем Айрин тут проводит время, никого бы не одобрила. Пятница, разгар дня — а им как будто нечего делать, или есть, но плевать, дела обождут. Стоят себе у стойки и ухмыляются в мягком розовом свете, который

почти исподтишка сочится со стены из заостренных ламп в стиле ар-деко.

26 декабря
День подарков

Кухонный стол был уставлен тарелками и сервировочными блюдами. Иные из тарелок прикрывала фольга. На самой из них красивой в центре стола были разложены долмадес. Она написала в Лондон по адресу магазина в Сохо, и виноградные листья пришли обратной почтой.

Рита оказала помощь. Резала морковь на палочки для макания, чистила крутые яйца (из-под своих кур), вылавливала из банки маслины, резала на кубики сыр гауда. Потом пошла с Айрин наверх взглянуть на ее наряды. На кухне она была сущий ребенок, но в одежде разбиралась. Заставила Айрин перемерить четыре варианта. Вначале, стоя перед ней в одной комбинации, Айрин стеснялась, по-дурацки стеснялась, но Рита не обратила на это внимания. Она была сейчас продавщицей в модном магазине, в бутике. Застегивала-расстегивала молнии и крючки, проверяла длину подола, разглаживала ткань на животе. Четвертое платье — тонкие красные линии на кремовом фоне, большой симпатичный

мягкий воротник — Айрин прошлый раз надевала еще до свадьбы. У него был тканевый пояс, его Рита отпорола маникюрными ножницами. Затем, потянув материю так и сяк, зашла Айрин за спину, ее руки скользнули вниз сквозь незастегнутую спинку платья, и она сделала два быстрых надреза в подкладке по обе стороны талии.

— Латаем-штопаем-чиним[45], — сказала она и, подойдя к туалетному столику, начала перебирать украшения в шкатулке.

Достала пару яшмовых сережек. Сказала, что у нее на ферме есть красные бусы, сейчас она сходит и принесет, и мгновенно сходила туда и обратно. Бусы были дешевенькие, даже, может быть, пластиковые, но, наброшенные свободными петлями, выглядели они на Айрин впечатляюще. Выглядели именно так как надо. Потом выбрали губную помаду, и к платью подошел браслет из стекла под мрамор (подарок от Вероники, когда она в первый раз приехала из Америки). С обувью было непросто. Ступни немного опухли, кажется? Рита встала на колени, заползла в гардероб, извлекла из глубины туфли-

[45] Примечания: 45

Отсылка к названию британской правительственной программы времен Второй мировой войны, поощрявшей экономное использование одежды.

лодочки и вытерла с них пыль рукавом.

После этого она ушла, и вдруг настало время переодеваться обратно в повседневное и спешить на станцию — встречать лондонский поезд, которым ехала Тесса со своим драматургом. Тесса говорила не умолкая, в ней, когда она вышла из вагона со слишком увесистым для двухдневной вылазки багажом, было что-то почти отчаянное. Драматург, которого звали Дэвид, казалось, искал, что бы тут могло ему не понравиться, но ничего не находил, кроме любопытной тоски зимних сумерек на сельской дороге. Много из этого не выжмешь.

Она провела их в гостевую комнату в дальней части коттеджа. Две односпальные кровати, в окне сад перед домом. Ванная и туалет — через коридор.

Перед их приездом ее некоторое время беспокоил вопрос: поселяя их в одной спальне, пусть даже с отдельными кроватями, не становится ли она сообщницей адюльтера? Поделилась своим сомнением с Эриком, и он высказался в том смысле, что она, мол, поет с голоса своей матери, а затем продолжил помягче: «Они взрослые люди, правда же? Это их забота, а не твоя».

Не поспоришь. На нее подействовала уве-

ренность, с которой он дал ответ. Но на каком основании он его дал? Как решать подобные вопросы? Если ее потворство никого здесь не ранит, то в чем проблема? Но, может быть, кого-нибудь оно ранит? Кого-нибудь, кто считает такое предосудительным?

Как только они с Тессой оказались вдвоем в кухне, Тесса заговорила о том, каким жутким, жутчайшим было у нее Рождество. Дэвида *пожирало* чувство вины. У него были телефонные разговоры с женой, которые звучали как сцены из его пьес. К ланчу он уже надрался, отказался есть лазанью, которую она приготовила, потом заснул в кресле, потом проснулся и съел ее холодную почти целиком. К тому времени, конечно, она сама была малость под градусом, бросила ему: «Ну и двигал бы к ней назад, раз это все так чертовски невыносимо». Он посмотрел на нее как на идиотку. Вечером — его манера, его способ заглаживать обиды — стал читать ей свои путевые заметки, а она из-за этого всегда нервничает, ведь он хочет что-нибудь от нее услышать, мысли, соображения и все такое, и это похоже на экзамен. Она обняла Айрин и заплакала. Спросила, каково быть беременной, правда ли, что это чудесно, что беременность придает всему

смысл. Ей самой *безумно* хочется материнства. Приняла ванну, долгую. Дэвид спросил, можно ли от них позвонить. Десять минут, пока стоял с Айрин внизу перед лестницей, он был с ней воплощением очарования и ума.

Эрик, который обещал вернуться в четыре, вернулся в шесть тридцать. Поднялся в спальню переодеться, спустился, потрогал манжеты рубашки, потрогал пиджак и снова пошел переодеваться. Не похоже на него. Айрин налила ему выпить. Он начал есть коктейльные сосиски, и она предложила разогреть ему банку супа, сделать сэндвич. Он ответил, что не голоден. Взял еще одну сосиску, положил палочку на край тарелки. Если бы ее попросили записать с долей уверенности хоть одну, хоть какую-нибудь его мысль, она бы не смогла. Теперь он был в гостиной, разговаривал с Дэвидом. До нее что-то донеслось — осторожное прощупывание почвы, стоившее, казалось, неимоверных усилий обоим.

Все ли готово? Еда, питье, антураж? Больше всего ей нравилось, как смотрится большая ваза в столовой, куда она поставила три красных и три белых амариллиса. Цветы за два дня до Рождества привезли в автофургоне в коробке, лепестки были сомкнуты, толстые стебли холодны

на ощупь. Она держала их в неотапливаемой детской, а накануне вечером перенесла в столовую, с трудом подняв тяжелую вазу. Момент выбрала безупречно. В столовой было не так тепло, как в гостиной, но за ночь большие мясистые клювы раскрылись. С каждым разом, когда проходила через комнату, цветы делались пышнее. Они стали средоточием дома, благой вестью.

Позвонили в дверь, и она вздрогнула. Увидела себя в кухонном окне — мало что, помимо кремового платья; похоже на плохо проявленный диапозитив.

В кухню вошел Габби. Он напоминал птицу, чей прилет предвещает улучшение погоды. На нем был коричневый вельветовый костюм с бордовым галстуком-бабочкой. Он поцеловал ей руку и исполнил маленькую пантомиму изумления при виде еды. Он явился один. Никакой миссис у него не было. Эрик сказал Айрин, что он не проявляет интереса, но не сказал к чему. К женитьбе? К сексу? Он спросил, позволено ли ему будет попробовать один из долмадес. Съел маленький сверток двумя кусками, не уронив ни рисинки.

— В вас течет греческая кровь, — сказал он. — Иначе никак не объяснишь.

Он помог ей перенести часть тарелок в столовую. Притронулся к белым лепесткам одного из цветков. Она посмотрела на него, имея в виду сказать что-нибудь, задать, может быть, какой-нибудь вопрос, но ничего не извлекла из себя.

Опять дверной звонок. Мимо них прошел Эрик.

— У тебя гениальная жена, — сказал Габби.

— Я знаю, — ответил Эрик не глядя, идя к двери с каменным лицом.

Это были Дакуэрты, соседи, живущие дальше по дороге, — Филлип и Кристина. Филлип Дакуэрт был антиквар. Они вошли, потирая руки. У жены от холода порозовел нос.

— В центральных графствах уже снегопад, — сказала она, — и он движется на юг со скоростью курьерского поезда.

— Последняя сводка от синоптиков, — добавил ее муж, топая ногами на коврике.

Пальто, шапки и шарфы складывали в пустой детской. Айрин повела Дакуэртов в гостиную. Она виделась с ними в августе на сельском благотворительном празднике, а потом на вечере со сбором средств для Конго (болезненного вида

молодой человек пел песни Дауленда[46]). Сюда они пришли в первый раз. Мистер Дакуэрт приостановился рассмотреть графин из синего бристольского стекла, стоявший в нише над софой.

— Очень симпатичный экземпляр, — проговорил он.

Айрин познакомила их с драматургом. На нем под кожаным пиджаком была синяя рубашка — рабочая блуза, сказал он ей. Он шуровал в камине, держа в другой руке стакан с пивом. Дакуэрты восхитились елкой. Эрик налил им выпить (неразбавленный скотч, на два пальца). Айрин принесла сырные палочки. Габби поставил пластинку: Акер Билк[47], *«Stranger on the Shore»*.

— О, прелесть! — воскликнула миссис Дакуэрт. — Это мне никогда, никогда не надоест.

— Кто-нибудь, — сказал драматург, — должен его до смерти отколошматить его собственным кларнетом.

Вниз сошла Тесса.

---

[46] Примечания: 46

Джон Дауленд (ок. 1563–1626) — английский композитор эпохи Возрождения, автор грустных песен.

[47] Примечания: 47

Акер Билк (наст. имя Бернард Стэнли Билк, 1929–2014) — английский кларнетист.

— Здравствуйте все, — сказала она. — Я там уснула. Мне снились поезда, я не могла сойти…

Она привезла бутыль водки и стала теперь объяснять Айрин, что это особый напиток, от нее не так сильно толстеют, это практически единственное, что она себе сейчас позволяет. Бутыль была у нее в руке. Эрик принес ей стакан. Она налила в него до половины и подняла стакан над головой. «Лехаим!» — провозгласила она. Габби опустил глаза в пол. Когда Чехов умирал, сказал драматург, когда он знал, что умирает, знал наверняка, уже не ложная тревога, он послал за шампанским. Миссис Дакуэрт спросила, не был ли Чехов евреем.

— Он был врач, — сказал драматург.

— Можно быть и тем и тем, — сказал Эрик.

— Я не еврейка, — сказала Тесса, — но иногда себе ею кажусь.

Звонок.

— Я открою, — сказал Эрик. Вернулся через полминуты и, проходя мимо Айрин, бросил: — Твои приятели с фермы.

Она подошла и увидела, как они разматываются, снимают сапоги и пальто. На Рите было очень короткое зеленое платье, переливчатое — темная лесная зелень и голубоватая зелень. Если

хорошенько присмотреться (если ты женщина или врач), видно, что она беременна: покажется, потом взглянешь еще раз и уверишься. Глаза она себе сделала под египтянку, губы яркого вишневого цвета. Она подняла повыше сетчатую сумку.

— Я пластинки принесла!

Билл отнес их пальто и резиновые сапоги в детскую. Айрин до этого видела его только в рабочей одежде и, как правило, с покрытой головой. В костюме с галстуком он выглядел очень стильно. Улыбнулся ей застенчивой улыбкой. Кого-то он ей напоминал, но не приходило в голову, кого именно.

В гостиной она представила их как своих соседей с Мокрой фермы. Рита сделала книксен, и все засмеялись.

— Благодаренье господу! — сказал драматург. — Вот люди с честной чернотой под ногтями.

— Дэвид боготворит землю, — сказала Тесса, доливая себе.

— Дэвид *не* боготворит землю, — поправил ее драматург. — Дэвид всего лишь пришел к выводу, что мы году эдак в тысяча пятисотом страшно ошиблись, повернули не туда.

— О чем вы говорите? — спросила миссис Дакуэрт. — Куда мы повернули?

— Нас начали интересовать деньги.

— По-моему, мы начали проявлять к ним некоторый интерес задолго до тысяча пятисотого года, — сказал мистер Дакуэрт.

— Некоторый — да. Но они не были всем. Имелась религия. Религия, а не нынешняя воскресная пошлость. Бог был жив, и каждое поле в Англии было ему ведомо!

Последнюю фразу он прокричал. Короткая тишина, а затем возобновил свои мечтательные рулады кларнет Акера Билка. Рита подошла к Габби, и они поздоровались за руку. Драматург придвинулся к Биллу. Он спросил, чувствует ли Билл кровную связь с животными.

— Мне надо их остерегаться, — ответил Билл. Помянул быка.

— Бык, замечательно! — воскликнул драматург. — Зря вы его с собой не привели. Здешней компании его не хватает.

Дакуэрты теперь разговаривали друг с другом. Айрин подумала, не подойти ли к ним (куда Эрик делся?), но вместо этого вышла в кухню и закрыла за собой дверь. Навыки общения в компании почему-то покинули ее. Раньше она умела это неплохо. Не так, как Вероника, но Вероника — исключение. У нее талант. И все же у Айрин, так

или иначе, раньше это получалось — циркулировать по комнате, пристраиваться то к одному, то к другому разговору, давать людям почувствовать свой интерес к ним (чаще подлинный, чем напускной).

Она открыла кухонное окно и высунула в него нос. Беременность обострила ее и так хорошее обоняние. Она ощутила запах древесного дыма. Ощутила запах топливного бака (обещали ведь, что он не будет пахнуть). Ощутила запах воды, земли и чего-то еще, скорее приятного, идущего из темноты. Что там сказала миссис Дакуэрт про курьерский поезд? Она подставила этому лицо и в тот же миг почувствовала, как шевельнулось дитя — уже не колыхание, не бабочкины крылышки, а толчок изнутри, заставивший ее охнуть.

— Не подскакивай! — крикнула ей Тесса, входя в кухню с бутылью и стаканом. — Эти сволочи не стоят того. — Она засмеялась. — Есть лед? Нет — не переживай. Просто не такой бензиновый вкус, если ее охладишь.

Льда было вдоволь. Айрин подержала лоток под струей воды, а потом они по очереди выбивали кубики молотком для мяса.

— Похоже, Дэвид, — сказала Тесса, — не может

решить, кого из них соблазнять.

— Ты о ком?

— О твоих фермерах. Да, она очень мила на свой лад, этакая девушка из кордебалета, но ему, по-моему, хочется изобразить Беркина — ну, ты помнишь, у Лоуренса. Который в чем мать родила бешено боролся у камина — с кем там? С Томом? С Джеральдом[48]?

Айрин кивнула.

— Мне кажется, он иногда пошаливает со своим полом. Или *думает* об этом. Тебе, может быть, противно слышать.

— Да нет, нет, — сказала Айрин. — Ты не видела Эрика?

— Кто-то сказал, что он вышел наружу.

— Наружу? Зачем?

— Кому это ведомо, дорогая моя? Вечеринка же.

Фары черного «зодиака» рыскали в поисках хорошего места. А то зажмут, и не выедешь. Эрик помахал, но вряд ли они его увидели. Потом он попал под яркие лучи. Свет, казалось, чуть не под-

---

[48] Примечания: 48

Имеется в виду эпизод из романа «Влюбленные женщины» английского писателя Д. Г. Лоуренса (1885–1930), в котором два персонажа, Руперт Беркин и Джеральд Крич, борются перед горящим камином, раздевшись догола.

нял его в воздух. Он сощурился и показал рукой. Машина свернула вбок и встала — два колеса на обочине. Фары погасли, зажегся свет в салоне, тусклый желтый свет, в котором все трое делали чуточку разное: Фрэнк говорил, Элисон смотрела мимо него на коттедж, подросток на заднем сиденье кивал, слушая отца. Водительская дверь распахнулась.

— Вы уверены, что ее тут не раздавит пескоразбрасыватель? — спросил Фрэнк.

— Нет, не раздавит, — подал голос Эрик. — Хотел взять фонарик, забыл. Простите.

— Ничего, — сказал Фрэнк. — Мы и в темноте видим. Натренировались. Верно говорю, Джон?

Они и впрямь шли без труда. Мужчины пожали друг другу руки. Эрик повел гостей в дом.

— Акер Билк, — сказал Фрэнк. — Очень сладко выводит.

— Кажется, он тут на повторе, — сказал Эрик.

На подростке Джоне было что-то вроде школьной формы. Крупное отцовское тело, куда он в свои пятнадцать уже начинал врастать. Глаза Элисон — да, ее глаза на лице Фрэнка. На Фрэнке был деловой костюм. Галстук завязан толстым узлом. Это не был галстук учебного заведения — Фрэнк не кончал университетов. И не полко-

вой: как и большинство здесь, он по возрасту не участвовал в войне, был на пару лет моложе, а на память о срочной службе с ее скукой галстуков никому не вручали. Может быть, Ротари-клуба или Молодежной торговой палаты. Или просто галстук, который выбрала ему Элисон во время одной из своих дневных неспешных вылазок на Парк-стрит с ее магазинами.

Она отдала Эрику пальто. В секундном уединении посмотрела на него полновесным взглядом. Он видел ее до этого, наверно, на десятке вечеринок, большей частью у нее дома. Но видел ли он ее такой? Ее красота была торжественной. Щедрость губ, кожа, в которую, казалось, вмассировано сливочное масло. Однако выглядела невыспавшейся, словно глухой ночью внимала, как Священному Писанию, нашептываниям ведьминского часа. Потом вспышка улыбки, направленной ему за спину (мистер Дакуэрт там искал туалет), и вес с него был снят. Про свое платье цвета овсянки она позже скажет фермерше, а он услышит, что это французский твид. На шее жемчужное ожерелье в три ряда (знакомое ему, итальянской фирмы Булгари), на руках браслеты — три или четыре серебряных, один из светлого золота, лимонного цвета. Пока нес их пальто в детскую, пока воз-

вращался спросить, что им налить, пока вел их в гостиную, он зондировал себя, ощупывал свое темное нутро, этот затаившийся город без света. Что у него с ней — пошлая буржуазная ерунда или то единственное в жизни, что ощущается как жизнь, то, чем он на самом деле горд? Совесть нас умаляет — это он понимал. Переберешься через границу в более обширную жизнь, и мир найдет способ отбросить тебя назад, или не мир, общество, одним из столпов которого он, местный врач, должен по идее быть. Но вот же здесь этот драматург, поскрипывает себе кожаным пиджаком и поглядывает через комнату на свою любовницу, и ни тот, ни другая не выглядят отщепенцами. Их не чураются. Никому и дела нет. И не в первый раз пришла мысль, что у Фрэнка, может быть, в Бристоле кто-то имеется; и если сегодня разговориться с ним в укромном месте, когда оба хорошенько наберутся, из него, может быть, удастся выудить признание…

Он пошел на кухню налить питье. Фрэнку пиво, Элисон джин, подростку имбирное пиво. Поставил стаканы на поднос, туда же еще одну бутылку пива драматургу (он начал ему симпатизировать), туда же бутылку виски «Блэк энд Уайт», чтобы долить Дакуэртам. Когда давал Фрэнку

пиво, Фрэнк, послышалось, сказал что-то о том, что он хороший официант. Может быть, он не говорил этого.

— Налить чего-нибудь, Габби?

Габби приподнял свой стакан, где было еще много.

— Я нагероинился перед уходом, — сказал он с улыбкой, как будто это была между ними старая шутка.

— Понял. Что ж, на кухне у нас пива порядком. Дорогу знаешь. Может, и героин в доме найдется.

Драматург взял свое пиво. Дакуэрты позволили подлить им виски. Оба, судя по всему, могли его потребить немало.

— И мне, пожалуйста, — сказала фермерша.

Он положил горлышко бутылки на край ее стакана.

— Скажите, когда хватит.

— Когда хватит, — сказала она, глядя на него, а не на стакан.

Он отвернулся, на мгновение потерял ориентировку, но затем сориентировался.

— Тут чудесно, — сказала ему Элисон и, взяв с подноса два оставшихся стакана, дала один из них сыну.

— Правда?

— Чудесно, чудесно, сами знаете.

Он спросил подростка, что ему подарили на Рождество.

— Новую биту, — ответил он.

— Старую он сломал, когда отбил мяч за раздевалку и заработал шесть очков, — сказала Элисон.

— Впечатляюще.

— Подозреваю, что у вас лучше получалось подавать, чем отбивать.

— И то и другое не особенно.

— Но сейчас у него регби, — сказала она. — А мне стоять на ветру у кромки поля и кричать: давай, давай.

— Это не обязательно, — сказал парень тоном не подростка, а скорее взрослого, уже уставшего от женских причуд.

— А мне только этого и надо, — сказала она.

Улыбнулась сыну яростной улыбкой, которую тот впитал в себя, принял как должное. Как ужасно иметь детей, подумалось Эрику.

Следующим явился Халлам, врач-глазник в больнице на Лоуэр-Модлин-стрит. Они с Эриком вместе учились в Манчестере и некоторое время дружили. Эрик иногда направлял к нему пациентов. Он, похоже, знал свое дело. Сейчас привел с

собой приятеля лет на десять моложе, которого представил как Терренса.

— Ты же не будешь против, Парри?

— В тесноте, да не в обиде, — сказал Эрик.

Терренс ухмыльнулся. У него не хватало переднего зуба. Замша его туфель лысела. Он выглядел несчастливцем — казалось, провел детство в приюте и теперь пользуется недолгой передышкой перед новыми бедствиями.

Пальто, напитки. Эрик подвел новых гостей к Габби — это было самое простое. Габби знал Халлама и должен был найти, о чем беседовать с Терренсом. Оставил их втроем, подпер открытую дверь между гостиной и столовой рыболовным поплавком из пузырчатого стекла. Несколько человек переместились к столу и начали брать что-то с тарелок. Проигрыватель стоял в столовой в старинном шкафчике или сундучке темного дерева, спереди дата (1712) между двумя грубо вырезанными цветками шиповника. Рита подняла крышку и сняла иглу с пластинки. Она крутилась теперь беззвучно.

— Спокойной ночи, мистер Билк, — сказала Рита.

Нашла футляр и вернула пластинку на стеллаж сбоку от диска, где стояло еще несколько. Стала

смотреть, что еще тут есть. Фрэнк Синатра (он ей не нравился), «Музыка Испании» (несколько исполнителей). Потом футляр с большим ликом Христа, будто нарисованным мелом на школьной доске, глаза Христа обращены к небу, лоб утыкали прямые, как гвозди, шипы венца. У нее были теории насчет Иисуса Христа, ей стало любопытно. Поставила пластинку просто на пробу, но затем замерла, не способная шевельнуться, от этих крадущихся звуков, неостановимо набегающих сквозь темное пространство. Когда явились голоса — а они подло явились, грянули из пыльного динамика, ошеломили ее, — возник и доктор Парри. Потянулся мимо нее и поднял иглу.

— Нет уж, спасибо. — сказал он.

— Извините, — сказала она. — А что это было?

— «Страсти по Иоанну». Не для вечеринки музыка.

Он убрал пластинку и вынул альбом, стоявший рядом.

— Как насчет этого?

— Пусть у мамы есть деньги, пусть у папы есть

деньги[49]... — пропел Терренс. Он заглядывал им через плечо — в одной руке стакан, в другой треугольный свисающий кусок пирога.

Эрик положил пластинку, поставил на нее иглу. Терренс крутанулся на одной ноге и пошел обратно к столу. В отличие от остальных, он, похоже, был не на шутку голоден.

— Я слышала от Айрин, что ваш папа водил поезда, — сказала Рита.

— Не совсем так. Он работал на железной дороге, но поездов не водил. Начинал путеукладчиком — знаете, что это такое? В итоге стал помощником начальника станции в Бирмингеме, вокзал Нью-стрит.

— Я была в Бирмингеме, — сказала она.

— Не буду спрашивать, как вам там понравилось. Обычно людям не нравится.

— Смотря чем там заниматься.

После резких звуков саксофона музыка замедлилась до тихого шага, зазвучала исповедально. Голос, слетавший, казалось, с онемелых губ, причинял боль.

---

[49] Примечания: 49

Слова из песни Билли Холидей «*God Bless the Child That's Got His Own*» (1941). Тема этой популярной у афроамериканцев песни — необходимость полагаться на собственные силы в жестком мире, где «кто имеет, тому дано будет и приумножится, а кто не имеет, у того отнимется и то, что имеет» (Мф.13:12).

— Виделись вы вчера с отцом? — спросил он.

— С отцом? Да, была у него.

— И как оно там?

— Как прошло рождественское утро в психбольнице?

— Да.

— Кто-то обнаружил коробку с бумажными коронами. И все их напялили. Включая персонал. Вы знаете, почему персонал носит белые халаты?

— Скажите, почему.

— Без них не поймешь, кто персонал, а кто больные.

Он кивнул.

— Там был один со шрамами на лице, — сказала она. — На нем была красная корона. Довольно опасный на вид.

— Я знаю, кто это, — сказал Эрик. — Капитан. Или, может быть, майор.

— Папа говорит, он ничего, когда познакомишься с ним как следует.

Она усмехнулась.

— Другой взгляд, взгляд изнутри, — сказал он.

— Из окопов.

— С чего это началось?

— Что?

— У вашего отца. Его… нездоровье.

— У папы? — Она наклонила голову. — Война, видимо.

— Худо ему там пришлось?

— Видел там всякое.

— И разочаровался.

— Разочаровался?

— В нас.

— Интересно выразились, — сказала она. — А в чем вы сами разочаровались?

— Я? Не знаю. Может быть, в прошедшей молодости?

— Я думала, мы еще молодые.

— Я тоже так думал.

— Айрин — прелесть, — сказала она.

— Говорила она вам об этом?

— О прошедшей молодости?

— О разочаровании.

— Мне — нет.

— Вы знаете, вашему отцу уже нет большой нужды там находиться. Через несколько лет все равно старые больницы будут закрывать. Пациенты — на выход. Может быть, ему бы на ферме у вас понравилось?

— Он ее сожжет напрочь, — сказала она.

Они совместили взгляды на крутящейся пла-

стинке, где подрагивал световой клинок.

— Пойду сотворю кувшин чего-нибудь крепкого, — сказал Эрик. — Народ наполовину трезв, что такое. Есть идеи?

— Джин плюс еще что-нибудь, — сказала она. — Льда побольше.

Он отошел. С полминуты она думала об отце, видела его, как видела вчера, по другую сторону столешницы из слоистого пластика с рассыпанными, будто зерна, крапинами ожогов от сигарет. В углу несколько женщин раз за разом пели первую строчку рождественского гимна про доброго короля Вацлава и его пажа, идущих по глубокому снегу дать милостыню бедному крестьянину. Она сказала отцу, что беременна, а он сказал ей про мертвого парня в сушильне. Как два быстрых хода в игре.

Она опустила крышку шкафчика. Когда повернулась, Терренс танцевал сам по себе. Улыбнулась ему: ей нравилось, когда человек умеет быть несчастливым.

Звонок в дверь, и Айрин пошла открыть. Повеяло более холодным воздухом, донеслись голоса здоровающихся женщин, а затем раздался мужской голос, без усилий взявший верх над их щебетом. Мужчина вошел изрядно закутан-

ный — верблюжье пальто, шарф с персидским орнаментом. В руках картонная коробка. Он посмотрел на Риту.

— Позволите мне, сэр, вещички ваши? — спросила она одним из своих голосов, голосом прислуги за все.

Он оскалил желтые зубы. Откуда-то из-под верблюжьей шерсти вырвался залп хохота.

— Прошу вас, — сказал он. — Будете первая, тяните на счастье.

Он поднял коробку повыше. Она подошла. Там были сигареты и сигары, уйма пачек симпатичного вида, обтянутых целлофаном.

— Ничего, если я возьму, сэр?

Она взяла «эмбасси».

— Счастливого Рождества, — сказал он.

Он был старше остальных мужчин лет на двадцать и, может быть, в двадцать раз богаче. Юджин иногда устраивал для таких, как он, вечеринки, эксклюзивные встречи не в «Пау-вау», а в разных домах города, большей частью в Клифтоне. Риелторы сдавали квартиры на полдня. Шампанское, белье. Ничего такого ужасного.

— Познакомьтесь, это Эдвард Стрэнг, — сказала Айрин. — Рита и ее муж — хозяева фермы около нас. Называется — Мокрая ферма.

— Вы, значит, фермерша. Надо же, я бы не догадался.

Вошла миссис Стрэнг. Искушенная на вид, слегка утомленная, этакая хранительница неприятных секретов. На ней была светлая норковая шуба. Следом девочка-подросток — Касси, так ее представили. Слишком юная для их дочери и слишком великовозрастная для внучки. Нечто вроде воспитанницы. Она посмотрела на Риту с тем злым выражением, с каким, должно быть, ехала всю дорогу в большой темной машине на вечеринку, на которую ей не хотелось.

Избавившись от пальто и шарфа, от кожаных водительских перчаток, от черной шапки (Айрин и Рита потрудились вдвоем), новый гость вступил в гостиную, потряхивая коробкой. Элисон знала его: это был работодатель Фрэнка из табачной компании. Она взяла пачку «пассинг клаудс». Эрик взял зеленую пачку «три каслс». Глазник предпочел сигары — «кастелла» средней крепости. Мистер Дакуэрт тоже взял сигары. Терренс спросил, нет ли «ротманс», и Эдвард Стрэнг закатил глаза: «О боже». Кто-то объяснил Терренсу, в чем дело. Эрик следовал за Стрэнгом, в одной руке зажигалка, в другой стеклянный кувшин, где позвякивал лед.

— Что там плещется? — спросил чей-то голос.

— Пейте, и узнаете, — ответил Эрик.

— Как по-вашему, Габби? Безопасно?

— Он врач, — сказал Габби. — Он клятву давал.

Почти весь вечер Габби стоял на одном месте подле телевизора. Время от времени кто-нибудь приблизится, поговорит немного и отойдет. Они с Эриком не были сегодня на вызовах. Подрядили молодого валлийца, который спал сейчас в амбулатории на раскладушке.

Кувшин имел огромный успех. Эрик отправился на кухню, чтобы наполнить его еще раз. Джона и девочку подвели друг к другу и оставили посреди гостиной. Она раскраснелась, была не в своей тарелке. После подсказки со стороны они обменялись названиями школ, а потом замолчали. Элисон поручила им обносить всех тарелками с едой. Тесса разговаривала с Дакуэртами. Зря она попыталась тягаться с ними в питье. Стояла у камина, привалившись к стене, и начала уже гнуться. Фрэнк беседовал с женой Эдварда Стрэнга. Сам же Стрэнг уговаривал Айрин взять что-нибудь из коробки. («О, все это ерунда, — сказал он. — Сущая ерунда».) Драматург, потея в кожаном пиджаке, объяснял коротышке в коричневом костюме — это был Тилли, аптекарь при

амбулатории, — в каком состоянии находятся лондонские театры.

— Чем дальше, тем хуже, — говорил он. — Лоуренс Оливье в театре «Сэвилл» вляпался бог знает во что: там все изображают акцент северных графств и делают вид, будто их вырастили жирные мегеры в трущобах. А на самом-то деле у них у всех огромнейшие дома поблизости от Лондона! Их всех воспитывали гувернантки! Невыносимо. Уж лучше я пойду на похабнейшее «Микадо»[50]. По крайней мере заранее знаешь, что это будет абсолютное дерьмо.

Возгласы: «Кувшин вернулся! Трижды ура Эрику!»

Вновь зазвучал Акер Билк. В столовой Терренс вытащил один из красных амариллисов и играл на нем как на кларнете. Глазник, проходя мимо Риты, погладил ей бедро. Она обернулась, но он уже говорил что-то жене Эдварда Стрэнга, которая позволила себе крохотную улыбочку.

— Это ваш муж? — спросила Элисон, показав подбородком в сторону лестницы, у которой нерешительно стоял Билл.

---

[50] Примечания: 50

«Микадо, или город Титипу» — комическая опера английского композитора Артура Салливана (1842–1900) и английского либреттиста Уильяма Швенка Гилберта (1836–1911).

— Да, — ответила Рита. — Он всегда на вечеринках немного теряется.

— У вас самый красивый из мужчин, каких я тут вижу.

— А где ваш? — спросила Рита.

— О, где-то.

— Мне платье ваше нравится.

— Французский твид, — сказала Элисон, — но я его купила из-за подкладки.

Она нагнулась и подвернула подол. Рита пощупала ткань.

— Шелк-сырец, — сказала она. — И шелковые чулки у вас симпатичные.

— Уж не решили ли вы поменяться платьями? — спросил Эрик.

— А что, можно, — сказала Элисон. — Пошли с нами наверх, пособите с пуговками.

Он долил им и отошел. Они зажгли сигареты.

— На каком вы сроке? — спросила Элисон.

— Кажется, пятнадцать недель. Можно у Габби узнать.

— Габби, я так понимаю, не отец ребенка, а ваш врач.

— Я тоже так понимаю, — сказала Рита.

— А вот мой ребенок идет, — сказала Элисон.

Подошли Джон и Касси. Она несла миску с ро-

зовым соусом, Джон нес тарелку с морковными палочками и крекерами.

— «Кукушки Мидвича»[51], — сказала Элисон. — Читали?

— Я фильм видела, — ответила Рита. — «Деревня пр́оклятых».

— Да, фильм, — сказала Элисон. — Жуткий, правда?

— Поберегитесь! — раздался голос (мистера Дакуэрта?). Тесса пыталась добраться до лестницы. Ее веки были опущены.

— Ну, конечно, — сказал драматург. — Как же без этого.

Билл подхватил ее, когда она начала падать.

— Тут ужасно накурено, еще бы, — сказал он.

— Сама она лестницу не одолеет, — заметил глазник.

— Возьми ее на руки, Билл, — сказала Рита.

Он так и сделал. Фермерство укрепило его мышцы. Он нес ее наверх, думая о теленке Друзиллы. Айрин шла следом. Иные из гостей захлопали в ладоши.

— Комната в конце коридора, — сказала Ай-

---

[51] Примечания: 51

«Кукушки Мидвича» — научно-фантастический роман Джона Уиндема, в котором все женщины деревни беременеют и рожают от некой внеземной силы.

рин. — Дверь справа.

Он положил ее на ближнюю к двери кровать. Айрин зажгла настольную лампу. В комнате было спокойно, радиатор под занавешенным окном давал приятное тепло. Вечеринка едва слышалась, была как шум дальнего прибоя.

Первой их весной в коттедже отец Эрика провел в этой комнате последние недели жизни. У него нашли рак печени, который вскоре распространился по всему телу. Он пожелтел, ссохся, был вначале охвачен паникой, но потом, благодаря изнурению, смирился, сдался. В конце было так, что они сидели, она и Эрик, каждый по свою сторону постели, держа его отца за руку. Прошло некоторое время, может быть, час, близился вечер, птицы за окном прочерчивали сад темными линиями. Вдруг Эрик встал и надвинул на лицо отца простыню. Это поразило ее. Она никакой перемены не заметила. Ей казалось, что в истонченном запястье еще прощупывается пульс. «Нет, нет, — сказал Эрик, — кончено». Как тут поспоришь? И сын, и врач. Так что она отпустила эту руку и положила ее на кровать — так, сидя в лодке, могла бы отпустить руку, протянутую из воды. Он очень ей нравился. Порядочный человек, лишенный воображения. Ее долго тревожила

мысль, что он, возможно, был под простыней еще жив. Она и доныне ее тревожила.

— Меня сейчас вытошнит, — сказала Тесса.

Айрин принесла из-под раковины в ванной пластиковый тазик. Тесса села над ним, схватила его за бортик и начала блевать. Это длилось минуты две-три. Когда кончилось, Айрин поставила тазик на пол. Тесса звучно плакала. Билл стоял со скрещенными руками, поджав губы.

— Я теперь справлюсь сама, — сказала Айрин. — Большое вам спасибо.

— Ничего, пустяки, — сказал Билл. — Риту тошнило неделями, я привык.

Он оставил их вдвоем. Айрин взяла Тессу за руки. Тесса просила прощения, потом снова заплакала.

— Я жуткая, никчемная, жалкая…

— Ничего подобного, — сказала Айрин.

— Да, да. Это так, ты сама знаешь. — Она застонала. — Во всем чертовом мире нет ничего гаже, чем женщина, которая… крадет чужого мужа.

— У вас все несколько сложнее, правда же? — сказала Айрин.

— Знаешь, ведь я знакома с ней. С его женой. Я тебе говорила, что она актриса? Гедда Габлер в театре «Гаррик». Он читает мне все отзывы на ее

игру. Называет ее образцовой сукой, но испытывает перед ней трепет. И дети. Дивные…

Она задохнулась от слез. Исступленно замахала, зовя тазик. Айрин поднесла его. Вышло мало что.

— Всегда и везде ценник, черт бы его драл, — сказала Тесса. — Никому ничего с рук не сходит. Если сходит, то мужчинам только. — Она подняла на Айрин взгляд ребенка, которому давно пора спать. — Можно я немного подремлю?..

— Да, — сказала Айрин. — Подремли немного. И тебе гораздо лучше станет.

Она стянула с Тессы туфли, взяла с другой кровати одеяло и накрыла ее. Постояла, глядя, как ее подтягивает к границе сна. Ей было ее жаль, хотя она отчасти была согласна с ее оценкой самой себя. Она не стала гасить лампу и понесла тазик через коридор. Начала открывать дверь туалета, и тут мужской голос рявкнул: «Стой, кто идет!» Она с извинением захлопнула дверь. Уже готова была вернуться в комнату (двигаться приходилось осторожно, тазик был полон почти наполовину), когда дверь распахнулась и вышел Эдвард Стрэнг. Он уставился в тазик.

— Надеюсь, не ваше.

— Нет, — сказала она. — Не мое.

— Чудесный вечер.

— Спасибо. Я так рада, что вы смогли прийти.

— Вопрос, — сказал он, — сумеем ли мы выбраться.

— Вы имеете в виду погоду?

— Я имею в виду эти кувшины с джином, которым ваш муж нас потчует.

— Да, — сказала она. — Я не знаю, откуда он столько берет.

— Во имя Отца, и Сына, и лондонского сухого джина, — сказал Эдвард, застегивая молнию брюк. — Я вижу, вы хотите от этого избавиться.

— Да, — сказала она.

— Вперед!

Он зашагал по коридору. Над лестницей подвижным столбом стоял дым. Он вступил в него и начал спускаться, словно погружался в море. Она вошла в туалет. Он был маленький, и в нем воняло. Она вылила тазик, спустила воду, открыла окошко и, пятясь, вышла. Глубокий вдох сделала только в ванной. Ополоснула тазик, вымыла руки. Отнесла тазик обратно в комнату и оставила у кровати. Тесса крепко спала, ее лицо было повернуто набок, между бровями пролегла складка, которую Айрин захотелось разгладить большим пальцем. (Как-то раз во время войны, когда она готовилась к конфирмации, священник

из англокатоликов нанес ей на лоб пепельный крест, и это ей понравилось.)

Она двинулась было к лестнице, но, дойдя до своей спальни, задержалась. Прежде чем идти вниз, хорошо бы минутку для себя — проверить косметику, может быть, чуточку духов. А то, чего доброго, спустишься с запашком того, что навалил Эдвард Стрэнг! Она вошла в спальню, но остановилась у двери. Там была женщина — стояла перед умывальником, глядя на чету Арнольфини.

— Добрый вечер, — сказала Айрин.

Женщина обернулась.

— Простите меня, — сказала она. — Я немножко заблудилась.

— Ничего страшного, — сказала Айрин.

— Чудесная вечеринка.

— Благодарю вас.

— Как себя чувствует бедняжка?

— Тесса? Гораздо лучше, спасибо. Она спит сейчас.

— Самое правильное.

— Да.

Они смотрели друг на друга через кровать в маслянистом свете прикроватной лампы. Айрин виделась уже с ней в разных гостях, обмени-

вались парой слов, ничего запоминающегося. Последний раз, кажется, летом, был прием в саду с купанием в бассейне, многолюдно, Эрик не очень-то жалует эту публику: бизнесмены, руководство табачной компании. В какой-то момент один гость (очень толстый, Джеффри, фамилия вылетела из головы) нашел стрелу, притворился, будто она в него попала, проковылял через лужайку и с неимоверным всплеском рухнул в бассейн. И правда очень забавно было.

— Нравится она вам? Картина.

— Все никак не могу разобраться, — сказала Айрин. — Странно этот мужчина смотрится.

— Эта огромная шляпа.

— Да.

— Супруга, кажется, тоже не очень в нем уверена.

— Она далеко-далеко.

— Есть версия, что этот их портрет — в ее память. Что он был написан после ее смерти. Если так о нем думать, в нем больше смысла, правда?

— Про эту версию я не знала, — сказала Айрин. — Надеюсь, что она ложная.

— О, скорее всего, ложная. Я понятия не имею, в сущности. На каком вы сроке сейчас?

— Примерно девятнадцать недель.

— У вас дивный вид. Цветущий.

— Спасибо.

— А бывает, женщина выглядит страшно изможденной.

— Да, бывает такое.

— От чего, интересно, это зависит?

— От освещения, — сказала Айрин. Она предполагала пошутить, но прозвучало не совсем как шутка.

— Это милое создание в зеленом платье. Она ведь тоже с животиком, да?

— Рита? Да, она тоже.

— Счастье, когда есть с кем про это поговорить. Кто понимает.

— О да. Несомненно.

— Смех берет, какие мы забывчивые. Моему парню в феврале будет шестнадцать. В День святого Валентина. Как рожала, я, конечно, помню. Такое не забывается. Но беременность… — Она развела руками. — Я была не очень хорошей мамой. Я и сейчас не ахти, но, когда он родился, я представления не имела. Мне был двадцать один год. Не сказать, что души в ребенке не чаяла. Знаю, непростительно такое говорить. Патронажная сестра ужас на меня наводила. Она просто не выносила мам, которые не справляются. Я при-

ладилась в конце концов, но на это ушел, может быть, год. В чем я была вполне уверена — это в том, что второго мне не надо.

— Он чудесный юноша на вид, — сказала Айрин.

— Хулиган он на вид. Он очень способный. Меня порой поражает. Но они ведь и пугают, как вам кажется? Дети. Эта их яростная жажда жизни. Ваш-то, конечно, будет ангелом. Вы будете великолепной мамой.

— Не знаю, — сказала Айрин. — Заранее, по-моему, невозможно знать.

— А Эрик, как вы думаете, каков будет в роли отца?

— Он был очень близок со своим отцом. Отец вырастил его фактически.

— Железнодорожник.

— Да. Он вам про него говорил?

— Кажется, говорил. — Она пожала плечами. — Но вы ведь не поболтать сюда зашли. Я жутко невежлива. Оставлю вас в покое.

— Ну что вы, не переживайте, — сказала Айрин. — Мне очень приятно было.

— И мне, — сказала Элисон. Она улыбнулась и обошла кровать. Приблизившись к Айрин, остановилась и поглядела обратно в комнату.

— На какой стороне он спит? — спросила она.

Люди наконец начали перемещаться в столовую. В гостиной было так накурено, что стояло сизое облако, эту атмосферу могли выносить только особые люди — такие, как Дакуэрты. Большая часть еды в столовой была съедена. Эрик отправился посмотреть, что еще есть на кухне, и, когда Айрин туда вошла, он стоял у плиты и резал на тарелке сыр. Сказал, сделает сэндвичи. Посмотрел на нее блестящими от джина глазами. Спросил, не поменяла ли она платье.

— Нет, — сказала она. — Платье то же самое.

В кладовке у нее было приготовлено еще с полдюжины тарелок. Сладости и пряные закуски. Она сняла с тарелок фольгу.

— Как там дела наверху? — спросил он.

— Тессе было нехорошо, но сейчас, я думаю, все в порядке. Она спит. Потом я натолкнулась на Эдварда Стрэнга. Потом беседовала с женой Фрэнка Райли.

— С женой Фрэнка?

— Да. Она была в спальне.

— В нашей спальне?

— Сказала, заблудилась.

Он помолчал некоторое время. Начал резать один из ломтиков чеддера на тонкие полоски.

— И о чем вы беседовали?

— Да о том о сем. О новорожденных.

— О новорожденных? Что она знает о новорожденных?

— И еще она спросила, на какой стороне кровати ты спишь.

— Ты ей сказала?

— Не увидела причины не говорить.

— Это не ее собачье дело. Как тебе такая причина?

— Пустяки, — сказала Айрин. — Не откроешь в гостиной окна? Там в обморок впору упасть.

Она понесла поднос в столовую. На одной стороне подноса были фарфоровые формочки с фруктовым пюре в заварном креме, в каждой вместо ложки — бисквитная палочка. Драматург, куривший одну из сигар Эдварда Стрэнга (он предпочел «уиллз уиффс» большим «кастелла»), взял формочку и тут же уронил сгусток крема на пиджак. Уронил и не заметил. Утром Айрин увидит окурок его сигары в формочке. Один из амариллисов она обнаружит в туалете первого этажа, один из долмадес — под софой, два стакана, почти погребенные, — на лужайке. Один стакан, добравшийся до заднего сада и поставленный как подношение у декоративной яблони,

она увидит в середине марта, через неделю после отъезда Эрика и незадолго до своего собственного отъезда.

Кто-то спросил, где молодые люди, и кто-то ответил, что они вышли. Фрэнк сказал, что пойдет поищет. «Зачем?» — спросила Элисон. Он пожал плечами и не стал выходить. Похлопал себя по карманам и вынул розовую пачку «пассинг клаудс». Несмотря на цвет, эти сигареты предназначались в равной степени мужчинам и женщинам.

Около обеденного стола, у того конца, что ближе к незанавешенному окну, у Билла начинался разговор с Габби Миклосом. Последние полминуты Билл пытался привлечь внимание Риты, подать ей сигнал, что пора уходить. Говорили об этом, когда шли сюда с фермы, вернее — он говорил. Мол, он изобразит дойку: мелкие движения вверх-вниз. Но Рита была занята, кружила по комнате, смешила людей, меняла голоса. Сейчас стояла перед крупным мужчиной, который пришел с коробкой табачных изделий. Он любовался на нее, глядя сверху вниз. Тем временем Габби говорил что-то Биллу в правое ухо. Прозвучало как вопрос, но язык — не английский.

— Нет, — сказал Билл. — Меня никогда этому

языку не учили. Мой отец, я думаю, хотел оставить все это позади. Только пел, бывало, когда в хорошем настроении.

Габби кивнул. Да. Оставить позади. Но все же — на каком-нибудь уровне? Глубоко внутри?

Несколько раз за вечер у Билла появлялось чувство, что Габби хочет завязать с ним беседу. У него, однако, по некой причине желания не возникало, и он старался не встречаться с Габби взглядами. Не та обстановка. Слишком шумно, слишком накурено, необычно жарко. Но не та обстановка для чего? Они, подумал он, стоят сейчас ближе друг к другу, чем необходимо. Да, в комнате шумно, но не тесно. Они, должно быть, выглядят так, словно у них секретный разговор. Он вновь попробовал подать Рите молчаливый знак — ведь должно же это срабатывать между мужем и женой? — но она, если и уловила знак, пренебрегла им. Она развлекала собеседника шуткой. Билл знал, какой именно, хоть и не слышал. Так или иначе, поздно: Габби уже начал рассказывать про *своего* отца, энтомолога-любителя, почитателя Дарвина, хранившего в красивом шкафчике с изящными вытянутыми ящичками красного дерева коллекцию бабочек и жуков, приколотых к карточкам цвета слоновой кости с латинскими

наименованиями, выведенными так мелко, что казалось, будто насекомое расписалось само, окунув лапку в чернила.

— В детстве я рассматривал их с наслаждением, хотя, надо признать, они и пугали меня немножко…

У них дома был радиоприемник — «весьма впечатляющий, „Зенит-стратосфера“, с маленькими деревянными дверцами, которыми закрывалась ручка настройки». Настал момент, когда иметь у себя такое стало опасно. Они перенесли радио в подвал и слушали Би-би-си в темноте. Дядья писали из Америки. С расстояния в пять тысяч миль положение дел было им видно отчетливей. Отец ворчал, что для отъезда у него уже не тот возраст, да и с какой стати, если разобраться? Поэтому ждали. Слушали по радио *его* речи. Это было очевидное безумие. Пройдет, утихнет. В мире достаточно цивилизованных людей. Не Средние же века. Отец верил в разум и благопристойность, уповал на них, даже когда его перестали обслуживать в магазинах, куда он ходил тридцать лет, даже когда его сыновей отчислили из школы, даже когда в клубах, к которым он принадлежал, где пил с коллегами кофе и обсуждал с ними *Acherontia styx,* ему дали знать, что лучше будет,

для него же самого лучше, если он воздержится от посещений. Потом поношения, оскорбительные клички (ну, это не ново). Разбитое окно. Крысиный яд собаке. Деньги у них были. Последний фортепьянный урок прошел за два дня до распоряжения собрать чемодан и ждать перед домом. В числе получивших приказ был и учитель музыки. Их забрала местная полиция. На полицейских были головные уборы с зелеными… перьями?

— Плюмажами, — предположил Билл.

— Да, точно, — подтвердил Габби с довольным видом. — Плюмажами.

Их погнали на горку, к кладбищу. Неделю они жили там под открытым небом. Как-то раз — он был худощавый быстроглазый подросток — ему удалось сбегать домой за чем-то, что его мать припрятала. В доме он обнаружил нескольких соседей. Они рассматривали то и это, в том числе шкафчик с узкими ящичками, где хранились насекомые. Его появление их сильно удивило, слегка раздосадовало, но нисколько не смутило.

Он снова перешел на старый язык. Билл покачал головой. «Нет-нет. Я же сказал, помните?» Он увидел, как Рита выходит из детской с пластинками в сетчатой сумке. Глазник остановил ее. Хотел посмотреть, какие у нее пластинки, и она

показала ему.

Некоторые думали, что с кладбища уже не уйти. Если на то пошло — самое подходящее место. Но нет, это было бы по-старому. Теперь делается иначе. Им запретили взять с собой чемоданы («и представьте себе, пожалуйста: вот вы приходите туда после нас и видите тысячу чемоданов среди могильных камней»). На сортировочной станции им приказали побросать на землю все ценное — деньги, кольца, все, что у них еще было. Попытка утаить что-то обходилась дорого, и совсем близко от того места, где он стоял, одна женщина изведала цену. Он был с ней знаком — не близко, но знаком. После этого два дня в поезде. Или один день, или пять.

— Простите, что я… — сказал Габби.

— Ничего, — сказал Билл.

В вагоне было окошко размером с человеческое лицо, и на каждой станции, где они останавливались, он выглядывал и видел, что все там как обычно, что для других мир каким был, таким и остался. Аккуратно выметенные перроны. Летняя листва (дело было в июле). На одной станции сонно дожидались другого поезда женщина с ребенком. Наконец после езды со скоростью медленно бегущего человека, езды через леса с

их очень темной зеленью, мимо домиков с соломенными крышами, мимо полей, где крестьяне провожали поезд знающими взглядами, они прибыли туда, где никто еще не бывал, потому что это место прежде не существовало.

— Спрашивают сейчас, как это могло произойти, но «как» — очень хорошо известно, объяснено полностью. Есть множество документов. Отчеты о совещаниях, где все обсуждалось вплоть до крохотных мелочей. Как такое происходит, совершенно ясно. Тут секретов нет. Поэтому скажите мне, пожалуйста, какой вопрос мы должны задать вместо этого?

— Не знаю, — быстро ответил Билл.

Он чувствовал — но не хотел опускать глаза, чтобы убедиться, — что Габби держит его за рукав. Воздух между ними стал подобием кожи, мембраны. Он вибрировал. За окном столовой стояли на границе света, заглядывая в комнату, подростки. Они безучастно смотрели внутрь, то ли видя ровно то, чего ожидали, то ли видя нечто непостижимое, сцену из экспериментальной пьесы, то, о чем им придется старательно писать экзаменационное сочинение.

Когда Габби начал сызнова — *Häftling*,

Sonderkommando, Judenlager[52], — Билл, глядя на оставленную на скатерти сырную палочку, стал отстраняться сердцем. Он делал это так деликатно, как только мог, мелкими перемещениями, которые, если повезет, будут незаметны (своего рода трюк с исчезновением, вынос трупа, завернутого в ковер, из-под носа у полиции), но все это было для Габби Миклоса прозрачно, как стекло, он все распознал мгновенно. Поднял глаза и улыбнулся Биллу. Что уж там, не первая его неудача.

— Ваша жена танцует, — сказал он.

Так оно и было — в центре несплошного кружка гостей, иные из которых пытались подхлопывать в такт. Танец на одном месте, требовавший умных повторяющихся движений ступней и щиколоток. Танец чуть более быстрый, чем песня.

— Называется — «картофельное пюре», — сказал Билл.

Утолщение талии, похоже, ей не мешало. Движениями рук она придавала воздуху устойчивость. Лицо отрешенное. Она выглядела какой-то менее знакомой ему, не пребывающей у него в собственности и почти не пребывающей в его воспоминаниях. Из двери, ведущей в гостиную,

---

[52] Примечания: 52
Арестант, зондеркоманда, еврейский лагерь (*нем.*).

миссис Дакуэрт смотрела на танец с вежливым интересом, а затем покачнулась всего лишь раз, как будто они все вместе плыли на рейсовом судне и где-то в темноте над ними, на неосвещенном мостике, случилась перемена курса.

Танец длился полных три минуты. Аплодисменты. Эдвард Стрэнг сказал, что теперь надо всем вместе. Распорядился: «Поставьте еще раз!» Снял сливового цвета пиджак, сложил и бросил на пол. «Все, все давайте. Повторяйте за…» Он не смог вспомнить, как ее зовут. Показал рукой.

Разбирали одежду, оставленную в голой пока что детской. Пальто, перчатки, шарфы. Это ваше? Эрик вышел помочь машинам выруливать. Полые звуки хлопающих дверей, желтые лезвия фар. Подростков обнаружили в саду с блестящими от холода глазами. Рита помогла убрать со стола. А к Тессе кто-нибудь заглядывал?

— К кому? — переспросил драматург и засмеялся.

Он следовал за Биллом по пятам, излагал ему свои идеи насчет культурного возрождения рабочего класса. Генеральное наступление на бинго и телик. Готовится фестиваль в Мидлсбро. Духовые оркестры, фолк-музыка в пабах. Он сам пишет сценки по образцу «комедия дель арте».

Арлекином будет профсоюзный активист, Панталоне — кто-нибудь из Национального угольного управления.

— Со мной непременно должна поехать ваша жена, — сказал он. — Она аутентична.

Габби выскользнул незаметно. Через день-два по почте придет от него благодарственная записка, с полдюжины строк на хорошей бумаге. Аптекарь нашел Айрин на кухне и поблагодарил с видом человека, которому открылись чудеса. Вошел Эрик, потирая руки, трезвый сейчас, каким бы он ни был до этого. Билл притронулся к Ритиной спине.

— Пошли, пошли, — сказал он. — Через пару часов мне уже доить.

Они сняли туфли и надели сапоги. У Билла был фонарь. Они стояли у задней двери.

— Тепло вам у себя будет? — спросила Айрин.

— Теплее некуда, — ответила Рита. Она наклонилась и чмокнула Айрин в щеку.

— Спасибо, что терпели нас, — сказал Билл.

В другом конце кухни Эрик открыл, положив на стол, один из журналов Айрин.

— Пока, — сказал он, не поднимая глаз.

Они вышли в темноту сада. Отыскали калитку за ясенем и двинулись через поле. Будто покину-

ли гавань, и, как в открытом море, в поле было холодней.

— Габби пустился мне кое-что рассказывать, — сказал Билл.

— Габби?

— Да. Пытался, думаю, возбудить в мне товарищеское чувство, но я не тот человек.

— Завтра, — сказала Рита, — никто уже не будет помнить, что кому было сказано.

— Тебя помнить будут, — сказал он.

— Что? Эту толстую, которая танцевала под поп-песенку?

— Я чуть не врезал этому, как его. В кожаном пиджаке.

— Дэвиду.

— Говорит, ты аутентичная.

— Я такая и есть, — сказала она.

— Хочет, чтобы ты поехала с ним в Мидлсбро.

— А ты бы хотел, чтобы я поехала?

— Цель — спасти рабочий класс от бинго.

— Мне для начала средний класс надо спасти. Он в жутком состоянии.

— Гляди… — сказал Билл.

Вначале они увидели их в луче фонаря. Через секунду они коснулись их лиц: уха, щеки, глазной впадины. Билл направил луч вверх. В

конусе света хлопья мелькали, кружились, вдруг взмывали в вышину вместо того, чтобы падать, потом решительно устремлялись вниз, наполняя тьму шепотом, лишенным ясного источника, центра. Они закрыли глаза. Попробовали на вкус эти прикосновения неба, отдававшие камнем, наполнявшие их громадным волнением, сулившие перемену. Стоя посреди поля, они смеялись. Потом она схватила его под руку, прильнула к нему, и, пригнув головы, они зашагали дальше, уже почти потеряв направление, вслед за лучом фонаря, скользившим туда-сюда по реющим завесам, которые то налетали на них, то раздвигались, пропуская.

Часть вторая
Земля под снегом

3 января, четверг

Когда Билл отпер переднюю дверь, у него возникло чувство, будто дом надувается, норовит взлететь. С усилием он закрыл дверь снаружи, затем с натугой, опустив голову, двинулся через двор зигзагами, как пьяный. Ранним утром во время дойки (аппарат, как ни странно, работал, несмотря на холод) снег налетал порывами. Теперь казалось, что сам воздух рвется на лоскуты. Снег сыпался с неба, снег взметывало с земли, где он пролежал не один день. Входя в шиппон, Билл чуть ли не ожидал увидеть, что коров носит по нему ветром, как бумажный мусор, но они стояли, пятнистые и полнотелые, и с обычным своим мягким любопытством глядели на его закутанную фигуру, вдруг явившуюся из метели. Он перевел дыхание. «Ну и как вам это нравится?» — спросил он.

По приставной лестнице залез на сеновал. Стальная крыша над ним тряслась, стонала, пока держалась. Тут, над животными, было, показалось ему, теплей, чем в доме. Если жить там станет невозможно, если ветер повалит дымовые трубы, укрыться здесь — не худший вариант. Да,

мыши, но мыши были и в доме.

Он скинул через люк три тюка, слез и перерезал бечевки. Коровам, пони, овцам Дартмура и Эксмура[53] корм тюками сбрасывали с вертолетов, но в такую погоду, как сейчас, вертолеты не летают. Людей, конечно, тоже приходилось кое-где снабжать с воздуха. Отрезанные снегом фермы, деревушки, даже городки. Оукхэмптон, к примеру. К нему не подобраться.

Он проверил воду. Кран (он возвышался, как этакий божок) повернулся туго, но повернулся, и вода потекла. Билл вышел наружу. Метель схватила его, толкнула вперед. Он крикнул, чтобы убедиться в ничтожестве своего голоса. Дошел до сарая. Сухостойные коровы и пони были сейчас там. Он вовремя увел их с поля, за два дня до нового года. На местных дорогах даже от трактора сейчас было мало проку. Он погладил пони. Животное слегка дрожало. Он пожалел, что ничего ему не принес. В доме, в задней спальне, хранились яблоки от осеннего урожая. Они с Ритой использовали с полдюжины из двух сотен, положили в пирог. В комнате стоял насыщенный яблочный дух. А большая часть попáдала и лежа-

---

[53] Примечания: 53
Дартмур и Эксмур — национальные парки на юго-западе Англии.

ла в саду под снегом.

Из большого сарая он галсами перебрался в тележный, куда перевел быка, вытащив наружу волокушу-подборщик и фергусоновский плуг. Он сколотил быку выгородку из двух ворот и нескольких стоек, привезенных из ангара. Оставь он его в прежней выгородке позади шиппона, бык сейчас был бы уже по самую морду в снегу. Он проверил, не замерзла ли вода в поилке, есть ли корм. Бык любил кукурузные брикеты и поглощал их во множестве. Порой ветер вдувал в сарай завитки снега и наносил быку на спину, где они таяли от животного тепла. Оттуда к дому. Он сделал все что мог. Ферма либо устоит, либо ее разнесет ветром по всей округе. От его усилий ничего не зависит. Один конец шарфа выпростался и хлестнул его по лицу. Он нащупал дверную ручку. Когда открыл дверь, она потащила его внутрь, словно он держался за парус. Он закрыл ее, навалившись спиной. Кружилась голова, он полуоглох и продрог, но ощутил побуждение немедленно выйти обратно. Что это? Некий голод? В кухне Рита сидела за столом, укутанная в пуховое одеяло. Сигареты, пепельница, книжка. Она встала и помогла ему стянуть рукавицы. Положила их на «рейберн» сохнуть. Притронулась

к его онемелому лицу.

— Как там снаружи? — спросила она.

Эрик курил перед кухонным окном и смотрел на сад, который то появлялся, то исчезал. Айрин готовила у плиты, но время от времени, не снимая фартука, подходила к нему, и они стояли вместе, провожая взглядами порывы метели.

От праздников у них осталась уйма еды. Отопление работало — и центральное, от жидкого топлива, и «АГА», и камин в гостиной. Были холодные места, но в сельском коттедже как же без них. В подветренном конце дома было заметно холодней, но кухня находилась в другом конце, и они не испытывали ни малейшего неудобства.

Сели за стол. Вдобавок к тушеному мясу Айрин сделала дамплинги. Эрик их обожал. Он решил выпить с едой бутылку пива, и она ему принесла. Сидели лицом к окну. Радио было включено, но звучало тихо. Голос слышался, но воспринимались только отдельные слова. Вероятно, перечень непроезжих дорог, последняя сводка от Министерства военно-воздушных сил.

Строго говоря, он был на вызовах, хотя максимум что мог, это дать совет по телефону. Он несколько дней просидел дома. «Ситроен» был надежно упрятан в гараж, походивший на ле́д-

ник. Единственное окно гаража казалось листом хрусталя, свет из него, падая на машину, переливался, как паутина. Эрик хорошенько вычистил автомобиль; сидя внутри и проникаясь интересным холодом, прошелся по всему влажной тряпкой и замшей. Опорожнил пепельницу. Достал из-под пассажирского сиденья и выкинул салфетку с отпечатком губной помады, губ.

Он думал, что дома ему будет беспокойно, что он почувствует себя в ловушке. Но нет — он не без удовольствия подчинился тому, чего не мог изменить. Они давно не проводили столько времени вместе, просто вдвоем, ни на что не отвлекаясь. Последний раз, вероятно, в медовый месяц. Когда он спросил ее, она согласилась — да, наверно, в медовый месяц. И то, как она это сказала (довольно обыденным тоном), неким образом дало ему понять, что в ее сознании этот факт пребывает гораздо ближе к поверхности, чем у него. Его слегка царапнуло, и он начал вести себя так, чтобы побольше ей угождать, внушать спокойствие. Говорили о Веронике, взвешивали возможность слетать туда весной (есть на авиалиниях ограничения для беременных? На каком сроке перестают пускать?). Говорили про младенца, добродушно препирались из-за имен. Детскую

было твердо решено привести в должный вид вовремя, и в первый день года он потратил пару часов, ошкуривая и грунтуя оконную раму. Говорили о его работе так, как говорили раньше. Его потянуло на откровенность, и он велел себе быть осторожным, задаваясь в то же время вопросом — что было бы, возьми он ее за руку и расскажи мягчайшим своим голосом о происходившем. Не обо всем, разумеется. Он заверил бы ее, что это прошлые дела. Он заплутал, но теперь вернулся, нашел дорогу домой. Это могло бы стать поводом не для гнева и слез, а для торжества. Это могло бы дать им нужный толчок.

Обсуждали родственников и друзей. Смеялись — по-настоящему смеялись, — вспоминая Тессу и ее нелепого бойфренда, драматурга. Вечерами сидели у самого камина, потягивая виски и делая вид, что им холодней, чем было на самом деле. Выдвинули обитый сукном карточный стол и играли в вист и рамми. Он научил ее варианту покера, освоенному в летной школе. Она попыталась объяснить ему правила бриджа, в который играла с Вероникой и родителями. Любителями бриджа, не исключено, были Дакуэрты, и на свой лад это тоже сильно смешило: вечерний бридж с Дакуэртами, которые, по всему видно, настоящие

алкоголики.

Смотрели телевизор, хотя то ли из-за погоды, то ли из-за итальянской забастовки, объявленной профсоюзами энергетиков, прием был не ахти.

Слушали музыку. Он поставил «Страсти». Не то чтобы он очень любил их слушать. Он потому купил эту пластинку, что музыка хранилась на ней так же, как, по его представлению, воспоминания хранятся в мозгу. Он видел, испытал это единственный раз: Манчестер, церковь, свечи, он сидит на жесткой скамье после анатомического театра, где лаборант показал ему прием — как сдирать кожу. Он плохо помнил теперь, почему туда отправился и почему один; лучше помнилось, как он, пошатываясь, вышел в итоге наружу и потом час за часом бродил в некоем трансе, избегая людских взглядов, пока не забрел в самую глубь Солфорда[54]. «Страсти» свидетельствовали о чем-то — и причиняли этим сейчас неловкость такому человеку, как он: бакалавру наук, доктору медицины, действительному члену Королевской коллегии врачей общей практики. То, к чему звала музыка, во времена Баха легко было назвать, но сегодня это смотрелось диковинно: камзол

[54] Примечания: 54

Солфорд — город в составе агломерации Большой Манчестер. В Солфорде находится католический собор Святого Иоанна Евангелиста.

с кружевными манжетами, развевающийся на ветру среди ночных автобусов…

Слушали вместе, сидя на софе, и, когда кончилось, Айрин улыбнулась и, ничего не говоря, оставила его на несколько минут одного. Попробуй вообразить, что Элисон Райли проявляет такой такт! Впрочем, когда вообразил-таки, это не показалось ему столь уж невероятным.

Телефонный звонок. У ребенка температура. Нет ли сыпи? Нет? Хорошо. Обильное питье, аспирин, постельный режим. Посмотрим, какое будет состояние завтра. Еще звонок — женщина жалуется на головокружения. Зная ее, он знал, что головокружений было бы меньше, если бы она меньше пила. Посоветовал приготовить себе еду, что-нибудь горячее. Есть дома продукты? Есть. Стала перечислять — банку за банкой. Ей, подумал он, просто надо было поговорить с кем-нибудь, чтобы развеять страх перед погодой. Подумал — да, ему нравится врачебная работа. Вспомнил, как горд был за него отец. Оправдать надежды отца — это очень серьезно. И не менее серьезно — разочаровать его, даже его тень.

Он позвонил Габби, который жил в квартире поблизости от амбулатории и мог с легкостью туда добраться.

— Есть пациенты?

— Тишина, — ответил Габби.

— Скоро расчистят пути, тогда появятся, — сказал Эрик.

Там проходила железная дорога, до амбулатории от станции можно было дойти пешком.

— Сегодня утром, — сказал Габби, — полицейский доставил мне молоко. В жуткую метель.

— Да, — сказал Эрик. — Я диву даюсь, до чего эта страна помешана на молоке.

Днем снежная буря сместилась к северу. В течение часа воздух был совершенно неподвижен. Ясень казался замерзшим фонтаном. Несколько раз они говорили друг другу, какая за окнами красота. Смеркалось быстро, снег в саду лежал нежными волнами, в каждом углублении сгущалась синяя тень. Холодало, земля схватывалась. Эрик вышел посмотреть, сколько осталось в топливном баке. Датчик показывал меньше, чем он ожидал. Он не сказал об этом Айрин. Некоторое время они продержатся, такая погода не может быть надолго.

В постели поздно вечером (возможно, это была замена любовному акту, способ уклониться от него) он рассказал ей про Стивена Стори, про хлоралгидрат, про свою роль в случившемся.

Айрин была великолепна. Защищала его перед ним самим, рассуждала здраво, прикоснулась к нему плотнее. В тишине, наставшей следом, они разделили на двоих уханье совы. В доме было на удивление беззвучно — может быть, потому что без топлива перестали работать радиаторы.

— Пока не растает, — сказал он, — похорон не будет. Земля теперь как железо.

Она приникла головой к его плечу. Вскоре оба уснули.

5 января, суббота

Показалось солнце. Звонок от Риты. Она спросила, не хочет ли Айрин выйти в поле между коттеджем и фермой и слепить с ней снеговика.

— Согласна, — ответила Айрин со смехом. — Встретимся там через полчаса.

По радио по-прежнему никаких новостей об углевозе «Ардгэрри», который еще до Нового года пропал в Английском канале. Заболел лидер оппозиции Хью Гейтскелл, никто, похоже, точно не знает, что с ним. Отменены двадцать семь футбольных матчей на кубок. Новое кровопролитие в Конго.

Эрик был в гостиной, разжигал огонь в камине. Со вчерашнего вечера в нем остались тлеющие угольки. Он положил на них растопку и, когда она занялась, насыпал сверху горсть каменноугольной мелочи. Айрин принесла ему свежий кофе. Сказала, куда собирается и зачем. Да, капельку глуповато, но почему бы и нет?

— Вовсе не глуповато, — сказал он. — Выйди, подыши воздухом, разомнись. А я расчищу дорожку, если найду лопату.

В спальне она поискала, во что одеться. Остано-

вилась на комбинезоне работницы из Земледельческой армии времен войны, который купила в Бристоле на распродаже армейских излишков. Не сказать, что он ее красил (зад у работницы был обширный), но благодаря мешковатости в комбинезон отлично помещался ее нынешний живот, и, так или иначе, сверху будет пальто.

В комнате царил беспорядок. Они сейчас все дни проводили дома вдвоем, миссис Радж не приходила, и поэтому спальня была обвешана одеждой (большей частью Эрика), туфли и шлепанцы валялись, где их скинули с ног. Умывальник требовал чистки, кровать не была заправлена, на подоконнике рядом с открытым номером «Ланцета» стояла неопорожненная пепельница. Но чем-то все это ей нравилось. Нужна хорошая уборка, тут сомнений нет, и она за нее примется после выходных, но его запонки на туалетном столике подле ее сережек, его пижамная куртка, брошенная на ее нижнюю рубашку, грелка на полу, которую он во сне скинул с кровати ногой, — все это, что ни говори, были приметы домашности, уюта, совместной жизни в гнезде с его веточками и мхом.

Пошла вниз повязывать шарф и надевать пальто. Стало слышно, как его лопата скребет снег.

Звук доставил ей большее удовольствие, чем она могла бы объяснить.

Снаружи от холода перехватило горло, заслезились глаза. Стоя у задней двери, она натянула шерстяную шапку на уши. Внутри шевельнулся младенец. Она содрогнулась, частично от холода, и пошла через сад. Снег был покрыт тонкой корочкой льда, каждый шаг проламывал ее, и нога опускалась в более мягкое. Солнце, грея щеку, светило справа, на снег от туловища ложилась тень. На белизну было больно смотреть.

Пройдя через калитку под деревом, она увидела идущую к ней Риту. Помахали друг другу. Поле было не так укрыто от ветра, как сад, и в нем надуло невысокие снежные дюны. Она увидела, как Рита споткнулась. «Все в порядке?» — прокричала она, голос в ломком воздухе прозвучал резко, как лай. Рита помахала еще раз. Сошлись примерно посередине, притронулись перчатка к перчатке, лица раскраснелись.

— У вас терпимо? — спросила Рита.

— Да, слава богу.

— А мы жжем мебель.

— Что, правда?

— Пока нет, но скоро.

— А как животные?

— О, им-то что. Билл всех завел внутрь. Хотите молока? Мы не знаем, куда его девать. Грузовик не может к нам проехать.

Она подняла повыше сумку, которую несла. Там стояли три бутылки, одна из них винная. Сверху самодельные крышки из перетянутой резинкой фольги. Еще в сумке лежали два уголька и морковка.

— Никогда в жизни не лепила снеговика, — сказала Айрин. — Сама не знаю почему. В снежки и тому подобное мы ведь играли. Что надо делать?

Рита уже приступила к делу.

— Это просто очень большие снежки, — сказала она. — Мы катать их будем.

Айрин нагнулась помогать. Они трудились каждая по свою сторону снежного шара, почти соприкасаясь головами, выдыхая облачка, отбрасывая на истоптанный снег беспокойные голубоватые тени.

— Есть новые жуткие симптомы?

— Ничего жуткого, — ответила Айрин. — То чуть лучше, то чуть хуже. Сейчас по большей части лучше. — Она повернула голову, улыбнулась Рите. — А вы как?

— Не такая уставшая, но вчера страшно разболелась голова, хотелось в снег ее зарыть. Билл

сказал, был один бог, который родил дочь из головы, когда она лопнула.

— Афина, — сказала Айрин. — Или нет, это дочь так звали.

— Я так и думала, что вы знаете, — сказала Рита.

Нижняя часть туловища была готова. Начали катать второй шар. Айрин почувствовала, что нагибаться уже тяжеловато. Выпрямилась, расправила спину. Рита тоже.

— Мы не должны сдаваться, — сказала она.

— Конечно, не должны.

— Ваш муж, наверно, не видит сейчас своих больных. И что, мрут как мухи?

— Он по телефону с ними говорит. Я думаю, Габби некоторых видел. Эрик сказал, он разъезжает на лыжах.

— Габби ничто не остановит, — сказала Рита. — Человек, которого не смогли убить. Ваш муж когда-нибудь роды принимал?

— Да, несколько. Но не у первородящих.

— Билл принимал у четвероногих. У них потуги ох какие. А то и веревкой надо тащить.

Немного помолчали. Прикосновение страха, подобное ласке. И странно как, подумала Айрин: ей рожать, а не Эрику, а она в сто раз меньше про

это знает, про все обстоятельства. Ее знание — из журналов, из маминых туманных намеков, из мелких эпизодов в фильмах и романах. Ничто из этого ей не в помощь.

— Если вы припозднитесь, а я потороплюсь, — сказала Рита, — мы, может быть, в одной палате окажемся.

— Хорошо бы, — сказала Айрин. И подумала, что и правда хорошо бы, что ей мало чего так бы хотелось. Не одной, а вместе в эту машину.

Поставили новый шар на нижний и принялись сгребать снег для головы.

— В Девоне сейчас женщина рожала, — сказала Рита. — Так за ней вертолет прислали.

— В Девоне, кажется, довольно плохо.

— Да и тут довольно плохо.

— И как она, нормально родила?

— Женщина? Не знаю. Думаю, нормально.

Водрузили голову. Готовый снеговик ростом был ненамного ниже Риты. Обсудили, куда он будет смотреть, и решили, что на восток — в сторону деревни, ни на тот, ни на другой из их домов. Рита ввинтила ему нос-морковку, Айрин вставила глаза-угольки. Отступили полюбоваться. Нарекли снеговика Дэвидом, вспомнив про драматурга.

— Он предлагал мне поехать с ним в Мидлсбро, — сказала Рита.

— Правда? Зачем?

— Пробуждать рабочий класс, видимо.

Айрин улыбнулась ей. Было лестно, что у нее есть подруга из рабочего класса.

— Тессе, наверно, следовало бы вернуть его жене, — сказала она.

— Жена, может быть, его и не примет, — сказала Рита.

На краю поля, где полосой пролегла тень от живой изгороди, что-то шевельнулось — то ли пес, то ли нечто похожее, — выставило голову на свет, рассматривало их какое-то время, двух женщин во весь рост в голом поле, а потом беззвучно скрылось из виду.

8 января, вторник

Накануне днем они услышали гудок поезда. Эрик после этого сумел дойти до станции и узнать о положении дел (каждая вылазка была слегка окрашена героизмом). Начальник станции был на месте. Одетый в армейскую шинель, он посыпáл перроны золой и угольной крошкой. Сказал, прошел снегоочиститель. Можно будет ехать до Бристоля, а оттуда линия до Лондона действует. В другую сторону все нормально до Уэстона, может быть, до Бриджуотера. Конечно, еще одна такая метель — да просто ветреная ночь, если подует с неудачной стороны…

— Но до амбулатории, доктор, вы доберетесь, если вам надо.

— Вот и хорошо, — сказал Эрик, и несколько секунд они стояли вдвоем на краю перрона, как русские в старом рассказе — то ли «Заблудшие», то ли «Путаница».

Она приготовила ему завтрак — овсянку на остатках жирного молока от Риты. Кофе, тост. Кладовка еще не опустела, но опустеет дня через два. Надо попытать счастья в магазине, хотя

неизвестно, будет ли он открыт и, если будет, найдется ли там хоть что-нибудь.

Посидела с ним, пока он ел. У овсянки, сказал он, привкус вина. Улыбнулся ей. Она показала ему до этого, в каких бутылках принесла молоко.

— Ты рад будешь выйти отсюда обратно в мир, правда? — сказала она.

— Я не могу все взвалить на бедного старого Габби. И я еще больше буду рад, если смогу вечером вернуться. Погода ничего хорошего не обещает.

Попрощались у двери. Она поправила ему шарф. Поцеловались легким поцелуем. Он побрился электробритвой, которую она подарила ему на Рождество. Его кожа была очень гладкая. Он надел темно-зеленую суконную кепку. Обычно ходил с непокрытой головой — считал, что головные уборы придают ему подозрительный вид, — но сегодня, отчасти ради Айрин, надел-таки.

— Ну, я пошел, — сказал он. — Когда вернусь, тогда вернусь.

Она отправилась к окну гостиной взглянуть, как он идет по тропке, которую расчистил на подъездной дорожке. Выйдя на общую дорогу — по ней шагать было трудней, — он повернулся и помахал; она помахала в ответ и продолжала

смотреть, пока он не скрылся из виду.

На станции обстановка отчетливо напоминала военную. Знакомое ощущение явилось очень легко: неизвестность и скука в одно и то же время, гложущий голод, который только отчасти имел отношение к еде. Его пребывание в летной школе — он получил свои крылышки, хотя не прошел оперативную подготовку до конца, — было совокупностью небольших историй, которые он рассказывал пару раз, а потом бросил. Он с долей презрения смотрел на тех, что словно бы застряли в войне, хотя отлично понимал при этом, чего им без нее не хватает.

На перроне, где ждали поезд, идущий от Бристоля, негде было укрыться. Люди кашляли; одна женщина обхватила себя руками. Большинство, включая Эрика, курили: хоть ненамного, но теплей. Прозвенел колокол. Начальник станции перешел пути. Поезд опаздывал всего на пятнадцать минут. Пять вагонов, на полу скользко от растаявшего снега. Он выбрал место ближе к хвосту поезда. Стекла были мутные. Невольно подумалось: протереть — и можно будет увидеть отца. И когда, спрашивается, это кончится, не пора ли перестать воображать себе отца, который сопровождает тебя, наблюдает, судит?

В амбулатории был Габби; миссис Болт тоже сумела добраться. В приемной три пациента, все — не его. Прошел в свой кабинет. Притронулся к радиатору. Он был тепловатый, но на температуре в помещении это, похоже, не сказывалось. Сел за стол, не снимая пальто, и проглядел сообщения, которые оставила для него миссис Болт. Ничего особенно экстренного. Те, что не сумели выбраться к врачу, по всей вероятности, сочли, что могут позаботиться о себе сами. Последнее было от миссис Герни по поводу ее мужа Питера. Если бы доктор Парри смог прийти на дом…

Была кое-какая почта. Новогодние поздравления от фармакологических компаний, и пришел конверт с копией заключения патологоанатома о Стивене Стори. Никаких сюрпризов. Хлоралгидрата обнаружили столько, что хватило бы убить его дважды. Нет, это не был с его стороны крик о помощи. Это было твердое решение, и в каком-то смысле оно Эрика восхищало.

Он всунул заключение обратно в конверт и положил конверт в один из ящиков стола. Вновь подошел к радиатору и покрутил вентиль. Постучав, в кабинет вошел Габби.

— Доброе утро, Габби. У тебя теплей, чем тут?

— Когда я пришел сегодня, окно было замерз-

шее изнутри, — сказал Габби. Под пиджаком на нем был серый вязаный свитер с горлом, на ногах подобие альпинистских ботинок.

— Римляне знали толк в центральном отоплении, — сказал Эрик. — Явно они унесли секрет с собой. Слушай, твоя машина ездит в эту погоду? Хотелось бы взглянуть на Питера Герни. Попросил бы у тебя лыжи, но я никогда на них не становился.

Габби нашарил в кармане брюк ключи. Кинул их ему — Эрик поймал.

— Айрин нравится снег? — спросил Габби.

— Вроде нравится. В выходные они с женой фермера слепили снеговика.

— С Ритой Симмонс, — сказал Габби с какой-то излишней печалью на лице.

Вновь оставшись один, Эрик подошел к канцелярскому шкафу, вынул коричневые медицинские карты пациентов, которым надо позвонить, сел за стол, зажег лампу и взялся за телефонную трубку. Одно падение, но, судя по всему, без перелома. Остальное — сезонные недомогания, легочные инфекции, два случая, предположительно, гриппа. Никаких уплотнений в груди, никаких аппендиксов, готовых лопнуть. Он управился за сорок минут.

Миссис Болт принесла ему чай. Без печенья, хотя он подозревал, что у нее есть запас. Интересно, Габби получает от нее печенье? Он повернулся в шарнирном кресле посмотреть в окно сквозь тюлевые занавески. Шарнир… странно звучит. *Charnel* по-французски означает «плотский». За окном медленно, с горящими фарами, проехала машина. Минутой позже, как паро́м в суровую погоду, проплыл автобус. Подумалось, не позвонить ли Элисон; он знал, что с тех пор, как проснулся, думал об этом не переставая. Снилась она ему? Попробовал взвесить вероятность, что Фрэнк сейчас дома. Представил себе, какими маршрутами Фрэнк может добираться до своего бристольского офиса. Главная дорога, если не лихачить, наверняка ничего и, вероятно, чем ближе к городу, тем лучше. А если он не захотел туда на машине, есть как минимум две маленькие станции, где он мог пересесть на поезд. Так или иначе, скорее всего, она одна, а если даже трубку поднимет Фрэнк, можно соврать, что ему нужно к пациенту в его краях и он хочет знать, есть ли проезд. Он крутанулся обратно к столу, взял трубку и набрал номер, который знал на память. Представил себе ее: слегка вздрогнула от звонка, потом кладет сигарету на край большой пепельницы, идет

через комнату. Босиком? Ну нет, даже у Фрэнка не так тепло для этого сейчас. Он ждал. Сквозь улыбку она скажет ему: «Я так и думала, что это ты». Скажет что-нибудь шутливо-драматическое про снег. А он ей — про Габби, вставшего на лыжи. Или нет, он начнет немного сумрачно, чтобы она поняла трудности, которые перед ним стоят. Он слушал гудки в трубке. Промежутки между ними казались необычно долгими, как будто лед на проводах, идущих через всю эту белизну, весом своим пригибал их вниз, растягивал медь, замедлял каким-то образом работу всей линии. И вдруг ему стало не по себе, как ребенку на середине неосвещенной лестницы. Он положил трубку и уставился на бювар на своем столе. В углу что-то было написано его собственным малопонятным почерком. Он не сразу смог разобрать. Наклонил колпак настольной лампы, придвинул ее ближе и прочел: *приют*.

Айрин отправилась в магазин. Надела сапоги, под ними толстые носки и самые ее теплые чулки. Снег даже там, где было подобие тропки, порой доходил до кромки сапога.

Магазин был открыт — миссис Кейс могла его открыть в любую погоду, ей только по лестнице сойти и зажечь свет, — и Айрин, когда пришла,

оказалась не единственной покупательницей. Мистер Эрл, старый фермер, покупал сигареты, печенье, чай. Из консервов выбрал говядину с почками. Миссис Кейс спросила, не пирог ли он собрался печь.

— Нет, подогрею просто, — сказал он. У него были большие красные артритные руки.

— Все равно очень аппетитно будет, — сказала миссис Кейс.

На полках были пустоты, но кое-что еще оставалось. Айрин положила в корзинку две банки томатного супа, коробку бульонных кубиков, пакет муки — похоже, последний. На овощных полках мало что: несколько морковин, несколько брюкв (уже шли разговоры о дефиците овощей). Взяла пакет сахару, взяла лимон без всякой причины, только ради его яркой вощеной желтизны, его солнечной истории. А есть какое-нибудь мясо?

— Есть крольчатина, — сказала миссис Кейс. Показала ей тощие кровавые бедренные части. — Доктор, значит, на поезде, — сказала она. Это не был вопрос. Она знала все, извлекала знание из воздуха, слышала все людские шаги.

— Да, — подтвердила Айрин. — Слава богу, они ходят.

— Может, недолго им ходить-то еще, — сказал мистер Эрл.

Он уже зажег одну из купленных сигарет. Миссис Кейс поставила для него на прилавок пепельницу.

Несколько минут в стылом воздухе магазина обсуждали доктора Бичинга[55] и закрытие железнодорожных веток. Эта зима может дать веткам шанс, показать правительству их важность. Автобус плохая замена поезду. Что до автомобилей — машины не было ни у мистера Эрла, ни у миссис Кейс.

Айрин несла покупки домой, думая про мистера Эрла, про его жизнь в бунгало. Ему седьмой десяток? Скорее всего, он был рад оставить ферму с ее тяготами, но даже сейчас, наверно, просыпается ни свет ни заря, воображая, что скотина ждет и его жизнь не лишена смысла. Как он проводит время? Пьет чай, курит, читает газету? Ее собственные родители еще не дряхлые люди — верхушка среднего класса, конечно, медленнее старится, — но сколько лет назад она начала, поглядев на отца или на мать, видеть слезящиеся

---

[55] Примечания: 55

Ричард Бичинг (1913–1985), возглавлявший в начале 1960-х Британское управление железных дорог, был инициатором закрытия многих железнодорожных линий из-за нерентабельности.

старческие глаза? Да, они одряхлеют и умрут. Она будет раз в год навещать их могилы, выбрасывать увядшие цветы. И сама умрет в свой черед, и ее дитя будет класть цветы на ее могилу. А потом состарится и умрет дитя, а потом и его дитя, и так далее, пока все не прекратится: бессчетные маленькие жизни, ее собственная совершенно невидима среди такого множества. Миссис Кейс, мистер Эрл, Эрик, Дакуэрты. Даже Габби. Столько смертей, и никто толком не знает, к чему все это. Она свернула на дорожку и двинулась мимо своих же следов. Нет, она не сделалась угнетена от этих мыслей, они не принесли ощущение тщеты. Если на то пошло, ей легче стало на душе.

На кухне выложила все из корзинки на стол. Вскипятила чайник и заварила чай. Пока он настаивался, грела руки на верхушке плиты. Ей повезло, она это знала. Может быть, мироздание — огромная бессмысленная игрушка, медленно теряющая завод; пусть так, но у нее теплое жилище. А каково всем существам снаружи, дрожащим в своих норах, едва живым, объятым ужасом перед стужей? Она налила себе чай и начала потихоньку пить. Не стало ли в доме, однако, немного прохладней, чем вчера? Она потрогала ближайший радиатор, затем снова надела сапоги

и вышла через заднюю дверь взглянуть на датчик на топливном баке. Стерла со стекла иней. Стрелка лежала в самом низу шкалы. Она постучала по стальному боку емкости и услышала пустой, гулкий, пьяный звук. Вернулась на кухню и всыпала в плиту «АГА» еще кокса. Несколько дней они продержатся. Дороги вскоре расчистят, и приедет цистерна. Ничего страшного, она же в войну росла. Допила чай, пошла в гостиную, встала на колени и начала разжигать камин. В ведерке был уголь, имелся запас дров. В бункере за домом угля наверняка вдоволь.

Огонь занялся, разгорался все ярче. Странное побуждение запеть в его честь. Встала (представительница животного мира, самка, беременная) и поднялась по лестнице в спальню. Для начала кровать. Сняла постельное белье; после стирки и катанья надо будет поставить козлы перед камином, а потом досушить на горячей плите. Застелила кровать чистым. Она умела заправлять по-больничному.

Покончив с кроватью, принесла из шкафчика в ванной чистящий порошок «Аякс» и жесткую губку. Вычистила раковину под супругами Арнольфини. Чета смотрела — вернее, *он* смотрел. Прибралась на туалетном столике. Высыпала

пепельницу в мусорное ведро и поставила ведро у двери. Сняла одежду со стула. Понюхала одну из его рубашек и решила отправить ее в стирку вместе с постельным бельем. День стирки вообще-то понедельник, но и вторник сойдет, закона тут нет.

Сложила его пижаму. Сложила кремовый гернсийский свитер, который он носил в выходные, разгладила и убрала в ящик для шерстяных вещей. Взяла его твидовый пиджак, подняла повыше. Попробовала вспомнить, как чистят твид. Вероятно, просто отпаривают. Повесить над ванной, чтобы висел, пока она будет в ней лежать? Вначале, однако, пройтись губкой — теплая вода, чуть-чуть стирального порошка. Принесла полотенце, тазик (тот самый, что тогда подставила Тессе, но он был вполне чистый сейчас). Расстелила полотенце на полу ванной, положила на него пиджак. Опять на коленях, но это ничего. Она трудится, наращивает список того, о чем в конце дня сможет сказать себе: сделано. Надо, конечно, освободить карманы. Вынула бланки рецептов. Вынула две ручки, спичечный коробок, бумажку от конфеты, конверт. Ключи от машины! Провела по пиджаку ладонями, убеждаясь, что в нем ничего не осталось. Окунула губку в мыльную

воду. Начала с воротника, потом положила губку обратно в тазик и взяла конверт. Синие чернила, свободный почерк. Размашистое Д в «Доктору», размашистое П в «Парри». Перевернула конверт, поднесла к лицу, понюхала. Ощутила запах Эрика — смешанный, тут и амбулатория, и машина, и его тело, и сам твид. А под ним другой аромат, несильный, но отчетливый (анис, ирис, ваниль). Конверт был открыт не пальцем, а лезвием. Раздвинула бумагу, запустила пальцы внутрь и достала единственный листок. Прочла *(шелк гладит меня так, что я томлюсь…),* прочла еще раз, несколько секунд смотрела на фамилию и адрес — рельефные буквы на верху фирменного бланка. Прочтя в третий и последний раз, засунула листок обратно и положила конверт, как и все прочее из пиджака, туда, откуда вынула. Окунула губку в тазик, выжала, а затем, выпрямив спину, обвела ванную таким взглядом, словно видела ее впервые.

У Габби был «моррис майнор»[56] — этакая мыльница болотного цвета. Не последняя модель. Разделенное надвое ветровое стекло, голый, как у джипа, приборный щиток. На пассажирском

[56] Примечания: 56
«Моррис майнор» — дешевый автомобиль британского производства.

сиденье лежал будильник. От него шло громкое, настойчивое тиканье. Когда Эрик сел в машину и закрыл дверь, этот звук заполонил весь его слух. Словно везешь в машине бомбу с часовым механизмом. Он выехал на главную дорогу. Снег, счищенный с нее бульдозером, высился по обе стороны, местами в рост человека. Он двигался не спеша — миль двадцать в час. Проезжал дома, где горел свет, где из труб тянулся дым. Видел деревья, нагруженные тоннами снега и льда. Вне помещений почти никого. Женщина, волочившая санки с покупками, помахала его машине. Пациентка Габби, вероятно. Он помахал в ответ.

На дорогу, где стоял дом Питера Герни, невозможно было свернуть в машине. Ответвления, жилые улицы не были расчищены. Он оставил автомобиль во дворе маленького предприятия — свечной фабрики. Когда есть угроза отключения электричества, самое время делать свечи. Пересек главную дорогу и побрел по снегу к дому Герни. Едва не прошел мимо. Все переменилось, сделалось неузнаваемым. Позвонил в дверь и стал ждать, стаптывая снег с сапог. Позвонил еще раз. В нижнем окне появилось лицо мальчика. Эрик помахал ему и показал на входную дверь. Еще немного подождал, и ему открыла миссис

Герни. Он вошел, снял сапоги и стоял в носках на фиолетовом ковре. Мальчик был в прихожей. Эрик улыбнулся ему и сделал жест в сторону садика. «Почему там нет снеговика?» — спросил он. Мальчик посмотрел на мать. На ней был толстый джемпер, вероятно, мужнин. Ее волосы стали короче и выглядели так, словно она подстриглась сама — перед зеркалом, при свете свечи.

— Я тогда наверх, — сказал Эрик и стал подниматься, переходя из темной прихожей в менее густой сумрак второго этажа, в серый снежный свет, сочившийся в окно в конце коридора.

Дверь в комнату больного была закрыта. Он поднял руку постучать, но передумал, дал ей упасть, повернул ручку и вошел. В комнате стоял ледяной холод. Раздвинув занавески, он увидел, что окно открыто и на ковер нанесло снег. Питер Герни лежал на кровати — глаза закрыты, челюсть отвалена. Эрик наклонился над ним, потрогал шею. Сдвинул одеяло. Голубая пижама, толстые черные носки. Накрыл его снова. Сколько он так пробыл? Два дня? Неделю? Он сошел вниз. Мальчика не увидел, но женщина там была. Она выглядела гордой в своей хрупкости, смотрела с вызовом, как будто напрашивалась на наказание, чуть ли не на побои. Потом шагнула

вперед и приникла лбом к его груди.

Немного погодя он поговорил по телефону с похоронным бюро. Приедут завтра утром. Это были «Филлипс и сыновья», они забирали его отца из коттеджа. Стопроцентно надежные, никакой снег им не помеха.

В конце дня он вернулся домой на поезде. Забыл по глупости взять фонарик и в темноте не раз споткнулся на дороге. Вошел в дом примерно в семь. Снял сапоги и пальто, повесил суконную кепку. В темной гостиной камин почти потух. Он зажег свет и поработал кочергой, всыпал свежего угля. Использовал мехи. Удовлетворившись, прошел в кухню и налил себе выпить. Она уже легла спать? Не исключено. Несколько раз за время беременности такое происходило, она полдня могла провести в постели, правда, не в последнее время. Он заглянул в медленную духовку плиты. Там стояла стальная кастрюля. Он вынул ее и поднял крышку. Запах трав и чего-то сладковатого, чуточку затхлого. Взял ложку, попробовал, потом поднялся наверх. Спальня была прибрана (хотя у двери почему-то стояло неопорожненное мусорное ведро). Кровать заправлена. На покрывале лежал листок писчей бумаги из его кабинета. В записке говорилось, что она очень устала и ляжет

спать в гостевой комнате.

Гостевых комнат было три — пока три, до появления ребенка. Он знал, в какой из них ее точно не будет. Прошел в другой конец дома, к двум маленьким комнатам над гаражом. Открыл дверь первой и просунул голову. Она тут? Да, она тут. Не столько увидел, сколько почувствовал.

— Все хорошо? — прошептал он. — Нужно что-нибудь?

Нет ответа. Он закрыл дверь и вернулся в кухню. Допил, что оставалось, и налил себе еще. В черной сумке у него была склянка из дома Питера Герни. Если захочется расслабиться как следует, можно попробовать чайную ложечку. Он ухмыльнулся, глядя в черное окно. Поужинал содержимым кастрюли, стоя у плиты. Понятия не имел, что за мясо; вкус был так себе. Поев, сел в гостиной перед телевизором. Если негромко, звук ей не помешает. Что за фильм идет, он понял: американская судебная драма, эпизод сериала о юристах, отце и сыне, берущихся за трудные случаи. Не самое глупое, что бывает, — ну, для телевидения не самое глупое. Он зажег сигарету. День тяготел над ним, но день был позади. На экране женщина, как видно, организовала свое собственное убийство. Заплатила мужчине,

чтобы застрелил ее. Мужчина нервничал. Он был наемный убийца, но с подобным никогда не сталкивался. Женщина поправила перед зеркалом прическу, потом спокойно поворачивается к нему. «Вы готовы, мистер Джоунз?»

Фильм еще не кончился, когда антенна перестала ловить, но он представлял себе дальнейшее. Он остался сидеть, глядя на картинку помех или чего там, на беготню фотонов, на бурю за толстым выпуклым стеклом экрана. Размером экран был с окошко самолета, но не простой это был самолет, а космический. К утру они окажутся в другой галактике. Взойдет солнце, но это будет иное солнце. Он разбудит Айрин и покажет ей. Ее лицо будет омыто этим новым сиянием, оба их лица. Вообразил, и глаза увлажнились, хотя он не очень-то понимал, что же такое расшевелил в себе. Он выключил телевизор, прикрыл угли в камине золой и пошел наверх. В спальне было холодно. Он надел пижаму, но остался в носках. Почистил зубы над раковиной. Поднял взгляд на Арнольфини и его жену и увидел в черной шляпе мужчины вмятину, которой раньше не замечал, полумесяц, почти надорванное место. Потрогал пальцем, потом сел на конец кровати, раздумывая, лень ему или не лень спуститься и

принести заварку для тисмейда.

9 января, среда

Надои упали до самых низких величин с тех пор, как он начал, но все равно забирать молоко было некому, так что не столь уж важно. Дороги были отчасти расчищены, поработали и тракторы, и люди с лопатами (он сыграл здесь небольшую, но, думалось ему, не бесславную роль). Не исключено, что до конца недели грузовик опять начнет приезжать. Пока же все излишки, всё, что они не использовали на ферме и не могли продать через местный магазин, он сливал в сточную трубу доильни. С курами все обстояло неплохо. Рита по утрам делала им подобие каши из пшеницы и объедков. Яиц стало меньше, и они помельчали, но снег был курам намного интереснее, чем дождь, которого они не любили.

Бык беспокоил его, но бык всегда его беспокоил. По возвращении попробовать свести его в сарае с парой коров, которые точно не стельные, вдруг холод не окажется помехой. А не то — договориться, чтобы его увели и превратили в солонину.

Позавтракал яичницей, запил кофе с цикорием из концентрата. Зажег в кабинете камин. У них была еще маленькая гостиная, но они редко туда

заходили, и там сейчас стоял немыслимый холод. Он услышал, как наполняется ванна. Рано или поздно вода в трубах замерзнет. Он надеялся, что не в его отсутствие. В крайнем случае она всегда может пойти в коттедж доктора. Там-то наверняка тепло и уютно.

В спальне он переоделся. Снял рабочий комбинезон и освободился от большинства слоев под ним, от того, что нащупал в темноте в полшестого утра. Кальсоны и майку оставил, надел чистую рубашку и шерстяные брюки. Выбрал галстук, натянул свитер с треугольным вырезом (бордового цвета), затем втиснулся в пиджак из донегольского твида. Поискал чистые носки, не нашел и остался в каких был. Направился к ванной. Дверь была закрыта. Он постучал.

— Ты в приличном виде?

— Это кто, молочник?[57]

Он вошел. Она сидела в ванне. Поблизости стоял обогреватель, и сильно пахло керосином. Он присел у края ванны. Она смотрела на него. Он стер с ее щеки капельку воды.

— В четыре придет Тедди, займется коровами.

---

[57] Примечания: 57

Шуточная отсылка к часто цитируемому изречению, которое приписывают Уинстону Черчиллю: «Демократия означает, что если в три часа ночи в вашу дверь постучали, то это, вероятно, молочник».

— Думаю, они будут рады, — сказала она. Она сидела в воде, подняв колени к груди.

— Настанет день, — сказал он, — когда у нас будет ванная, в которой можно выращивать лимоны.

Она ухмыльнулась. В воде, без косметики, выглядела совсем юной — или, непонятным образом, и юной, и очень много пожившей. (Стэнхоуп сказал однажды, что не видит в детстве ничего ценного. Странное высказывание, хоть они и раздавили к тому времени бутылку портвейна. Уж скорее в зрелости ничего ценного не видно.)

— Справишься одна?

Она кивнула.

— Уверена?

Кивнула еще раз.

— Удачи, — сказала она.

Он поцеловал ее в плечо.

— Если поездам хана, вернусь через час.

У него уже была собрана сумка. Он снес ее вниз и поставил у передней двери. Проверил камин в кабинете. Всыпал еще угля в «рейберн». Кошка смотрела на него.

— Постарайся не шалить, — сказал он ей.

Выруливая со двора, был где-то посередине между опьянением отъезда и неотвязным бес-

покойством из-за Риты и живности. Уже люди говорили, что сейчас хуже, чем в сорок седьмом. Холод и сильней, и упорней. Замерзли не только реки. От кентского берега море на милю покрыто льдинами. На целую милю! Никто ничего подобного не помнит. Но он едет всего на пару дней, и Тедди в сто раз больше него знает о фермерстве, о коровах уж точно. А когда-нибудь потом, годы спустя, он, может быть, будет вспоминать эту трудную езду через снежные поля, по которым «джипси» ползет, будто сани поручика Киже[58], как один из великих моментов своей жизни, как отважное деяние, изменившее все.

На станции он спросил, свободны ли пути. Начальник ответил с осторожным оптимизмом. По главным линиям поезда ходят. За ответвления он, конечно, не ручается. Картина сложная.

– *Caveat emptor*[59], — сказал Билл.

Начальник станции кивнул. Чуть подвинул столбик из тусклых мелких монет. Билл вышел к путям. В кучке людей на противоположном перроне он увидел доктора. На них двоих были

---

[58] Примечания: 58

Имеется в виду эпизод из советского фильма 1934 г. «Поручик Киже», который демонстрировался на Западе.

[59] Примечания: 59

Покупатель, будь бдителен (*лат.*).

почти одинаковые темно-зеленые кепки. Они кивнули друг другу через воздушный слой, насыщенный превратностями, а потом отвернулись, посмотрели каждый в свою сторону, как собаки, уловившие запах.

Проснувшись, лежа в утренней полумгле гостевой комнаты, она снова плакала. Услышав, как Эрик ушел, плакала более открыто, с большей страстью, а потом встала, зашла в туалет и ванную, спустилась приготовить чай, бросила единичный взгляд на его тарелку и чашку на столе, потом стояла спиной к плите, глядя в окно на снег.

Память о вчерашнем рисовала ей изменившуюся женщину — но как именно изменившуюся? Она была удивлена вчера, что не рухнула, хотя желала этого. Рухнуть и удариться головой о край умывальника, чтобы он, вернувшись, увидел ее зубы, рассыпанные по полу спальни, как бусины порванного ожерелья. Она выла (в английском коттедже!), и ей чудилось, что ей вторит зародыш, что он тоже воет, вытягивая крохотное алое устье рта. Сходишь с ума среди знакомых предметов. То, что усваиваешь, усваиваешь слишком быстро. И не про некое комическое зловредство женщины в шелку, женщины, которая пишет по-

добное, а про себя, про свой самообман, про свою роль в фарсе. И слава богу, что не видела себя в этом состоянии, охваченную этим, не бросила неосторожный взгляд в зеркало. Бросишь — и не освободишься потом никогда. Пришлось бы обратиться в камень.

Потом стало смахивать на актерство. Невозможно было продолжать. Она сникла. Первое потрясение миновало. У нее по-прежнему есть ноги, руки. Глаза видят. Она может сойти за человека. Возобновила свои дневные дела (сейчас это кажется ей невероятным). Нарезала крольчатину, поставила тушиться. Выкурила полсигареты, и ее стошнило в нижней уборной. Часов в пять или когда там написала три записки на листочках из его кабинета, две сожгла в камине, одну оставила на кровати.

Он заглянул вечером к ней в комнату. Будь она из тех женщин, что втыкают в мужскую грудь кухонный нож, это был бы тот самый момент. На секунду ему показалось бы, что сама чернота комнаты бросилась на него.

Сейчас она выпила приготовленный чай, поставила кружку в раковину и встала перед кухонными часами. Вычесть пять часов разницы. Не без испуга она поняла, что не получается; по-

лучается, но с трудом. Вот до чего она изможде-на. И останется изможденной. Помимо прочего, у нее отобран отдых.

В ее руке был зажат листок бумаги. Она подо-шла к лестнице, подняла телефонную трубку и набрала номер оператора. Услышав голос, продиктовала адрес и номер, положила трубку и стала ждать. Иногда это занимало полчаса и больше, но сегодня оператор перезвонила через несколько минут и соединила ее. Ответил Мор-рис. Голос был сонный, звонок явно его разбудил. Она извинилась.

— Не переживайте, — сказал он. — Мне так и так скоро пришлось бы встать.

Он спросил про снег. Ответила ему. Он сказал, что у них тоже выпал — немножко. Вероятно, будет еще. Такой добрый голос у него. Хочется задавать ему вопросы, трудные вопросы, просто чтобы слушать его объяснения.

Донеслось: «Кто там, черт бы его драл?» Вероник-ка. Он передал ей телефон. Все детали, все звуки их движений американским утром были хрупки и драгоценны.

— Айрин?

— Привет.

— Не с мамой, не с папой что-то?

— Что? Нет, нет.

— А как младенец?

— С младенцем все хорошо. Отлично.

— Просто, дорогуша, еще шести нет. Вчера была университетская вечеринка. Прием в честь нового вице-проректора. Есть такой напиток, называется — манхэттен. Очень опрометчиво. У тебя точно все в порядке?

— Да.

— Ну, я очень рада. Знаешь, по-моему, ты сейчас мне снилась. Мне кажется, на нас были эти плиссированные клетчатые юбочки. Помнишь?

— И что мы делали?

— Во сне? Бог его знает. Чего-то ждали, по-моему.

— Ты тоже мне снишься, — сказала Айрин.

— Ну, еще бы, дорогуша. — Щелчок зажигалки. Попросила Морриса принести пепельницу. — Но вот из интересного, что было вчера вечером, — мой разговор с человеком по фамилии Стоун. Он глава департамента. Твой начальник, в сущности, да, Моррис? И он меня убеждал опять засесть за учебу, выучиться как следует, и сказал, что университету самое время нанять побольше женщин-профессоров. Сейчас там только две на все заведение, и одна такая древняя, что была, как

она утверждает, знакома с Эмили Дикинсон[60]. Это возможно, Моррис?

— Арифметически возможно. Если в раннем-раннем детстве.

— Как бы то ни было, дорогуша, меня это изрядно взволновало. Твоя сестренка — будущий профессор, представляешь? Суровая такая, но сексуальная.

— А этот Стоун… — сказала Айрин.

— Помощник декана по гуманитарным наукам. Усы как у моржа.

— Заместитель декана, — поправил ее Моррис.

Он был дальше сейчас от трубки — одевался или стоял в ванной, подал голос через ее открытую дверь. Айрин отчетливо рисовала себе мысленно их жилище, в котором никогда не была.

— Заместитель декана, — повторила Вероника голосом, полным дыма. — Там хуже армии. Они помешаны на званиях. Ты не обеспокоена из-за младенца, дорогуша?

— Нет.

— А как Эрик? В боевой форме?

— Он сейчас ездит на поезде, по дорогам не проедешь. По крайней мере в его машине. Она

---

[60] Примечания: 60
Эмили Дикинсон (1830–1886) — американская поэтесса.

очень приземистая.

Веронику это рассмешило — надо же, *приземистая* машина. Сказала Моррису.

— Это «ситроен», — объяснил Моррис (ближе теперь). — Там пневматическая подвеска. Гидропневматическая. Запускаешь мотор, и машина приподнимается.

— Правда? — спросила Вероника.

— Да, — сказала Айрин. — По-моему, так.

После разговора она с минуту сидела на ступеньке лестницы, потом встала и позвонила матери. От звука материнского голоса ее затрясло. Чуть не стошнило опять. Кое-как рассказала ей. Мать была великолепна. Полностью на высоте положения. Показалось, это не удивило ее даже. Очень спокойно она дала Айрин инструкции.

В Бристоле Билл сделал пересадку. Пока все как надо. Лондонский поезд ждал у платформы номер три. Он успел купить газету. Будет читать про крикет, думать о спорте и больше ни о чем. Этот план понравился ему необычайно. На поезд садилась группа монахинь, он не знал, из каких они. Огромные крахмальные льняные шляпы белого цвета, едва пролезавшие в дверь вагона. Нет, не шляпы, он это знал. Чепцы? Тоже не то слово.

Он нашел себе место по соседству с военным,

с двумя мужчинами, похожими на коммивояжеров, и с женщиной, которую определил как библиотекаршу. Сел рядом с военным и напротив женщины. Военный зажег сигарету, защищая ладонями спичку от ветра, которого тут не было. На платформе стояли другие монахини, провожавшие этих.

— Дочери милосердия, — сказала женщина, адресуясь к Биллу, но достаточно громко, чтобы слышали и другие.

— Головные уборы — заглядение, — сказал один из мужчин.

Гудки, отдавшиеся гулким эхом. Медленно выползли из-под навеса в снежное утро неприглядного города. Небо цвета овечьей шерсти, бездействующие краны над недостроенным многоэтажным домом. Билл прислонился к спинке сиденья и развернул газету. О крикете было немного; до третьего тестового матча в Австралии оставалось два дня (Джон Марри заменит Алана Смита; некоторые сомнения вызывала площадка в Сиднее — какой будет отскок у крученых мячей?).

Прочел про крупную, хлопотливую Кристин Труман, надежду британского тенниса, которая раскрыла тайну своего отъезда из Австралии

всего тремя словами: одиночество, депрессия, вес. В газете было ее фото с матерью туманным днем в лондонском аэропорту. Она не выглядела толстой, она выглядела сильной. Женщина такого сорта может, когда покончит с теннисом, стать великолепной женой фермера. На той же странице — заметка о статуе мадонны на Сицилии, начавшей плакать золотыми слезами. Как понять людей, которые верят в плачущие статуи и вместе с тем, по сути, изобрели организованную преступность? В какой-то точке одно должно сходиться с другим. Он закрыл глаза. Подумал, что женщина, библиотекарша, может быть, смотрит на него, но ему было все равно. Движение поезда ласково усыпляло его. Военный зажег еще одну из своих маленьких горьких сигарет. Очень медленно газета начала соскальзывать с колен Билла.

Айрин собрала сумку. Оказалось, все это осуществимо. Выдвигать и задвигать ящики, выбирать платье, решать, какую из двух кофточек надеть. Лента для волос, ночная рубашка. В кошельке у нее оставалось только фунт бумажкой, две монеты по полкроны и одна трехпенсовая. Спустилась вниз и прошла через столовую в кабинет Эрика. Там пахло им самим, его сигаретами, пахло книгами, старыми журналами. Она знала, что деньги

он держит в бумажнике в письменном столе. Запасная наличность. Она нашла бумажник, там были три пятифунтовые банкноты. Взяла одну. Потом найдет способ вернуть. Попросит у отца. Рядом с бумажником в ящике лежала коробочка, а в ней часы, которых она раньше не видела. Поднесла к уху. Идут. Время более-менее правильное. Поторопиться бы.

Когда она была готова, сумка собрана и оставалось только одно, она вынула из кармана его твидового пиджака письмо. Пиджак висел в гардеробе; перед тем как повесить, она положила в него все обратно в точности так, как нашла, — бланки рецептов, ключи. (Хитро? Она хитрая женщина?) Вынув письмо, она отнесла его в кухню и оставила на столе — прислонила к деревянной миске для фруктов так, чтобы он, войдя, сразу увидел.

Надела дубленку, повязала головной платок. Надела перчатки и сапоги. Тут она ненадолго упала духом. Почти отчаянно захотелось улечься в постель с грелкой и не один день там пролежать в ступоре. Снаружи ее мигом ощупал холод. Пошла по дорожке — в правой руке синяя сумка, дыхание отлетает через плечо рваными облачками. Около станции стояли три машины. Две, судя

по шапкам снега, пробыли тут долго, а в третьей она узнала машину Билла, похожую на «лендровер», но другой марки. Напряглась в ожидании встречи. Мысленно проговорила то, что ему скажет. Представила себе свою улыбку. В кассовом зале никого не было. Она переобулась в туфли, которые были в сумке, сапоги оставила рядом с чужой обувью. Когда сумеет их забрать — ни малейшего понятия. Возможно, окажутся в бюро находок. А весной их продадут кому-нибудь.

Подошла к окошечку кассы, и начальник станции поздоровался с ней.

— Пересадка в Бристоле, потом Рединг, потом Гилфорд. А там посмóтрите, как лучше. Не скажу вам отсюда. Возможно, дальше через Кроли.

Поблагодарила его и смотрела, как он достает из ящика билеты. Заплатила, он отсчитал сдачу.

— Бристольский через пятнадцать минут, если не опоздает.

Вышла на перрон. Один мужчина, но не Билл и, подумалось, не житель их деревни (щегольское пальто, зеленая шляпа-трильби, лицо птичье). Вернулась в зал ожидания и села по привычке около печи, хотя она была холодная. Вытерла нос клочком розовой туалетной бумаги, затем скатала бумагу в комок и спрятала в рукаве.

На вокзале Ватерлоо Билл пошел по перрону следом за монахинями. Женщина из его купе до этого сообщила ему, что их головной убор называется *корнет*. Сейчас, в сумраке вокзала, белизна крахмальной ткани навела его на сравнение со стайкой чаек.

Тут кипела вокзальная жизнь, от которой кружилась голова. Как бы ни застопорилась остальная страна, главный город, похоже, не сдал позиций. (Лондон выстоит![61] Собор Святого Павла над стелющимся дымом от ночной бомбежки, молочник со свистком прокладывает себе путь по руинам. Часть из этого правда, часть просто фрагмент истории, которую страна еще не устала рассказывать себе…)

Женский голос объявлял прибытия и отправления. Запрокинуть голову — и увидишь ее наверху в стеклянной будочке. Половина поездов, издалека уж точно — из Падстоу, Эксетера, Портсмута, — опаздывали или были отменены. Ему, считай, повезло.

Купил в ларьке чашку чаю и булочку. У продавщицы, взявшей деньги, на руках были митенки.

---

[61] Примечания: 61

«Лондон выстоит!» («*London can take it!*») — короткометражный фильм 1940 г., показывающий повседневную жизнь Лондона в разгар немецких бомбардировок.

Два года как он не был в Лондоне; он не ожидал, что его так взволнует возвращение. С глубоким довольством и странным увлечением он смотрел, как мужчина покупает в киоске цветы. Цветы среди зимы! Он смотрел, как носильщики закидывают в фургон мешки с почтой; он поймал мечтательную улыбку женщины, которая торопливо шла, одетая, подумалось, для Вест-Энда, для роскошной вылазки в дорогие магазины, для чаепития в универмаге «Фортнум энд Мэйсон».

Покинув вокзал, он увидел, что снова идет снег, не густо, но неуклонно. На тротуарах была каша, серел сгребенный валиками снег. Он сел на автобус, идущий на юг, и сошел в Элефант-энд-Касле. Отсюда пешком, так лучше. Снег был такой, от какого можно получать удовольствие: большие неторопливые хлопья, гусиный пух, а не ледяная крупа, которая хлещет тебя по лицу в непогоду. Он двинулся по Уолворт-роуд. В отличие от Элефант-энд-Касла, где шар-баба и бульдозеры превращали разруху, учиненную люфтваффе, во вселенскую разруху (никакого тебе тут Феникса из пепла), Уолворт-роуд оставалась более-менее такой, какой он ее помнил. Здания чернотой напоминали руины, и некоторые из них ими и были. Прошла женщина, толкая детскую коляску.

В коляске не было ребенка, она везла в ней уголь. Он бросил взгляд в окно кафе — там мужчины и женщины, не сняв пальто, горбились над тарелками чего-то жареного. Рынок, Клабленд[62], «Лекарственные травы Болдуина», стройная башня церкви (в сороковом в нее было прямое попадание) — он узнавал все это, да, но он неизменно был тут чужаком. Некому выйти сейчас из паба или букмекерской конторы и хлопнуть его по плечу. Ему было шесть, когда его в первый раз отправили в частную приготовительную школу — час на поезде от вокзала Ватерлоо, его жестяной сундучок едет в заднем грузовом вагоне, щетина сиденья колет голые ноги. Школа была из тех заведений, в каких и Диккенс, и, конечно, Оруэлл увидели бы знакомое; впрочем, Билл не помнил, чтобы тосковал там по дому. Он не сбегал, не пытался причинить себе телесный вред. Бить били, но ни разу не надругались — и на том спасибо. Первым летом он выиграл маленькую латунную медаль за прыжки в длину. Родительский дом, как выяснилось, отлично подготовил его к пребыванию не дома.

Идя, он вспоминал отца и старался понять, на

---

[62] Примечания: 62

Клабленд — клуб для подростков под эгидой Уолвортской методистской церкви.

что в нем ему выгоднее воздействовать. Отец не был откровенно жадным человеком. Интерес к деньгам сложно сопрягался с другими слоями его натуры. В сумке Билл нес картонную папку, которую показывал в банке Гаррисону. Он все отточил, проверил цифры по третьему и четвертому разу (наизусть их уже знал, как стихи). Тон должен быть где-то посередине между развязностью и почтением, не заброшенный аэродром надо предъявить и не пятьсот голов несуществующего скота, а нечто якобы реальное, осязаемое, к чему он готов приобщить отца в последний момент из сыновней щедрости, в порядке погашения долгов.

Он дошел до площади. Свежий снег придавал скверу в ее середине, засаженному платанами высотой с дома, важный вид. Металлическую ограду, которую в войну убрали (на что-нибудь она пошла? Можно делать «спитфайры» из старых перил?), теперь восстановили. Мостовая была свободна от транспорта. Он шел прямо по ней между стоящими по краям машинами, одетыми в пухлый снег. Короткий день уже иссякал, с голых древесных крон натекали сумерки. Повернуть назад? Что-то, казалось, подсказывало ему это. Будь он уверен, что железнодорожный

путь открыт, он, может, так бы и сделал, но женщина в стеклянной будочке качала головой, и, так или иначе, поздно уже робеть, переиначивать день. Первый поворот с площади — и вот он дом, незажженные окна шлют привет блудному сыну. Соседние здания, он увидел, за два года подновили. Кремовая краска выглядела свежей, по фасадам не тянулись длинные ржавые подтеки. Отцовский же дом стоял между ними в постыдном виде, как бы пожимая притом плечами с нарочитым безразличием.

Он позвонил в дверь. Открыл мужчина, которого он раньше не видел, низенький, с черными маслеными волосами; его глаза и скулы намекали на происхождение из старых колоний. Сингапур? Аден? Саравак? Ясное дело, слуга. В доме всегда держали слугу; они сменяли друг друга. По большей части из тех, кто задолжал отцу за снятое жилье. Выселению они предпочли белый пиджак со стальными пуговицами. Один и тот же пиджак использовался раз за разом.

— Добрый день, — сказал Билл. — Я — Билл.

Слуга отступил в сторону. Билл протиснулся мимо него в Г-образную прихожую. Поставил сумку на пол, шапку повесил рядом с отцовской шляпой (Тóго еще в Империи или уже нет? А

Самоа?) и пошел вглубь дома. Если что-нибудь тут и изменилось, то очень мало. Тот же избыток мебели, ее предметы, казалось, не расставлены, а посажены на мель приливом. Буфет компании «Хилз», старинные французские стулья с левреточными ножками, большая выцветшая от солнца лососево-розовая софа со странными пятнами, из-за которых легко вообразить, как ее выволакивают после совершенного на ней преступления. В следующей комнате — бильярдный стол. Это по крайней мере новое, вероятно, в брате вспыхнул интерес; их отец не играл ни в какие игры, не понимал, похоже, в чем их смысл.

Он нашел мать в ее комнате в задней части дома — в маленьком закутке без окон, подобии будуара. Мать сидела на тахте, курила. Посмотрела на него, стоявшего в дверях. На полу у ее ног он увидел пустой стакан.

— Выпускаешь тепло, — сказала она спокойно, не сварливо.

Он поцеловал ее. Журналы, подушки. Темно-зеленые обои, возможно, так тут и были с постройки дома. От двухстержневого электрического камина на ее икры падал водянистый опаловый свет. Он помолчал, давая ей время спросить, как он добрался. Не услышав вопроса,

поинтересовался, где папа.

— Он в убежище. Ждет тебя.

— В нашем бомбоубежище?

— Он устроил там парилку, — сказала она. Посмотрела на него беспомощными глазами. — Он страшно взволнован из-за твоего приезда. Попроси у Колина полотенце.

— Кто такой Колин?

— Ты его видел, он тебе открыл.

Билл кивнул.

— Папа, значит, ждет меня прямо там?

— Он неважно себя чувствует, Билли.

— Ты выглядишь хорошо, — сказал он, хотя это была неправда. Ее жизнь проступала на лице так, что не замаскируешь. Мама, скажет он Рите, совсем развалина, а папа…

Она подняла стакан с пола.

— И скажи Колину, чтобы налил сюда вторую половину. Сегодня, если его не затруднит.

Он взял стакан. Первое наставление, которое получал всякий новый слуга — может быть, единственно важное наставление, — состояло в том, как подавать алкоголь каждому из членов семьи. Он нашел Колина в большой, облицованной кремовыми плитками кухне в стиле тридцатых. На плите кипело что-то мясное. Он дал Колину

стакан; Колин дал ему полотенце. Окно кухни выходило на маленький сад. Из трубы на краю заложенной землей крыши андерсоновского бомбоубежища порывами валил дым. Снега на крыше не было, и трава вокруг нее зеленела немыслимо ярко.

— Как мне быть? — спросил Билл. — Раздеться и бегом туда?

— В таком примерно роде, — сказал Колин. Выговор — южнолондонский в чистом виде. Он родился, вполне возможно, недалеко отсюда.

На подъезде к Рединг по вагонам прошел проводник, выпевая: «Конечная!»

Пока в дороге никаких событий. Знакомых среди попутчиков у Айрин не было. Никто ее право тут быть под вопрос не ставил. Никто не спрашивал, куда она едет и зачем. Снова шел снег. Она не помнила, где он начал идти. В Суиндоне? В Дидкоте?

Перешла на другую платформу, поднявшись по одной безлюдной лестнице и спустившись по другой. Ей было холодно. Ногам — очень холодно. Она не на шутку тосковала о сапогах, оставленных на сельской станции. Спросила мужчину на платформе, тут ли остановится гилфордский поезд. Он был в котелке, на полях скапливался снег.

Заверил ее, что тут, ну а если не тут — значит, они оба заблудились. Засмеялся:

— Мы в Пекине можем оказаться.

Айрин улыбнулась и отошла, ища глазами, где тут можно выпить чашку чаю и, может быть, купить сэндвич. Нигде нельзя. Подъехал поезд. Никаких объявлений. Она опять подошла к мужчине в котелке.

— Вы думаете, это гилфордский?

— Если вам будет угодно, — сказал он.

Открыл перед ней дверь, и она поднялась в вагон. Села в купе с тремя мужчинами. Билет был у нее засунут под перчатку. Один из троих закурил трубку (столько хлопот ее разжечь, им это само по себе, должно быть, нравится). Другой вытащил из кармана непромокаемого пальто сложенную «Таймс». Он сидел напротив, и она читала заголовки. Угроза отключений электричества по всей южной Англии. Гейтскелл по-прежнему в больнице, но ему несколько лучше. В связи с убийством в кооперативном магазине арестован человек с татуировкой.

Поехали.

— От вокзала в Гилфорде, — сказал тот, кого она спрашивала про поезда, севший рядом с ней и положивший котелок на колени, — до лондон-

ского Ватерлоо тридцать миль и двадцать семь чейнов.

— Вот как.

— А интересно, скажете ли вы мне, чейн — это сколько?

— Затрудняюсь ответить, — сказала она.

— А угадайте.

— Полмили?

— Ну, тогда вокзал Ватерлоо был бы где-нибудь в Суффолке, правда же?

Она покачала головой. Его голубые глазки были как у ребенка, хотя лет ему, подумала, вряд ли намного меньше, чем ее отцу. Его подбородок после бритвы выглядел болезненно ободранным.

— Угадайте еще разок, — сказал он. — Три попытки вам.

— Двадцать два ярда, — проговорил мужчина напротив, не опуская газету. Голос был скучающий, как будто он много раз отвечал на этот вопрос в схожих обстоятельствах.

— Да. Верно, — сказал сидевший рядом с Айрин. Он откинулся назад, его улыбка стала крепче. — Двадцать два ярда. Теперь будете помнить.

Она поглядела в окно. Смотреть было особенно не на что, там только кружился снег на белом фоне неба и земли. Читавший газету перевернул

страницу. Машинист дал гудок. Может быть, подумала она, в этом поезде есть вагон-ресторан. Надо бы пойти поискать — но она чувствовала себя дико уставшей. Спала ночью только час-другой, и теперь это сказывалось. Узнать у проводника, когда он появится; наклониться вперед и сказать: «Прошу прощения, тут есть вагон-ресторан?» И проводник ответит: «Ближе к хвосту, мадам, через два вагона». Затем, выдержав приличную паузу и стараясь не привлекать внимания мужчин, встать, пройти через два вагона, и там, в ресторане, будет женщина, приветливая и немного похожая на Риту, и, пока она будет наливать чай из большого металлического чайника, они могут поболтать о чем-нибудь совершенно безобидном…

Мужчина рядом с ней сидел очень близко. Она ощущала его телесное тепло. Переместила свой вес на дюйм, чуть отклонилась к окну, притворилась, будто ее интересует происходящее там ничто. Насколько быстро они едут, трудно было сказать. Довольно медленно, подумала она. Еще один гудок. Звук был почти зримым — обтрепанный вымпел, струящийся по ветру. На холм, к купе черных деревьев, пунктирной линией поднимался забор. В поле около путей она увидела

пульсирующий конский галоп. Наперегонки с поездом? Три, четыре лошади, тела вытягиваются на скаку, снег взметывается из-под копыт. Что-то потянулось из нее к ним — до чего они беззаботны! до чего полны дивной жизни! — и вдруг она налетела лбом на стекло, поезд затормозил так резко, что ее чуть не вскинуло на ноги. С багажной полки что-то упало, никого, к счастью, не ударив. С визгливым скрежетом и содроганием поезд остановился. Вагон, раз качнувшись, застыл.

— Тигры на путях, — сказал сидевший подле нее. — Никакой паники, дело житейское.

Молча ждали. Она украдкой потерла лоб. Через несколько минут мужчина напротив снова начал читать газету. Никто никуда не шел — ни из вагона, ни в вагон. Падал снег. Один чейн, подумалось, это двадцать два ярда. Он прав, она этого не забудет. Ее руки в перчатках с силой сжимали колени. Она продрогла, проголодалась и с тревогой чувствовала подступающие слезы. Ей, по правде говоря, становилось нехорошо. Она не могла взять в толк, почему никто ничего не делает, почему они все просто сидят и сидят, мерзнут и мерзнут. Потом, наконец, проводник. Он прошел, не останавливаясь, весь вагон, даже не поглядел ни на кого. Он явно спешил, на поясе

звенели ключи. Стала ждать его возвращения. Он, конечно, вернется. Раз туда, значит, рано или поздно, обратно. Она ждала. Он все не шел. Пятнадцать минут, двадцать.

— Я беременна, — услышала она свой голос.

Мужчина с трубкой нахмурился. Мужчина напротив опустил газету ровно настолько, чтобы взглянуть на нее поверх листа. Через несколько секунд котелок рядом с ней сделал пол-оборота, и его владелец сказал:

— Принято к сведению.

Голоса появились часа через два после отъезда Билла. Она готовила на кухне чай, и тут будто насекомое мимо уха пролетело. Она ждала их, ждала. И в мыслях не было, что они упустят такой случай: их девонька (их бэби, как один, с американским прононсом, выражался) одна-одинешенька, не к кому бежать, уа-уа, хнык-хнык. Негромко пока. Они обследовали дом, располагались с удобствами. Иногда лучше их не задирать, пусть себе. Теперь она была в кабинете, смотрела на молочные цифры в журнале учета и крутила в руках манометр с красной каймой, который Билл нашел на аэродроме. Предмет ей нравился. Он был сработан для измеримого мира. Если голоса озлятся, рассвирепеют — а без этого никак, они

тоже над собой не властны, на них тоже какая-то сила действует, — она может поднять манометр им навстречу, как защитный амулет. И удержать их этим, купить себе несколько минут. Так поступали в книгах, которые она любила читать.

Телефон еще работал, это был плюс. Она набрала номер Айрин. Когда стало ясно, что ответа не будет, поднялась в ванную и посмотрела в окно через поле. Коттедж доктора выглядел домиком из сказки. Белая крыша, белый сад. Окна не светились, и из труб вроде бы не шел дым — впрочем, на фоне белого неба при порывистом ветре можно и не заметить.

В спальне выдвинула свой ящик с бельем и проверила запас таблеток. Она более-менее знала, что у нее есть: нембутал, секонал, три или четыре штуки дексамила, немного хлоралгидрата (если с нембуталом, это давало несколько часов как бы небытия). Не потеряли ли они силу? Большинство — еще со времен «Пау-вау». Или в холоде они сохраняются, как яблоки в соседней комнате? Она составила из них на комоде спиралевидный узор, а потом сгребла их и вернула на место — в чашку черного лифчика-«пули». Там вполне надежно: Билл не из тех мужчин, кто будет рыться в женском белье.

В кабинете она подложила дров в камин. Курила. Листала номера «Фермерского еженедельника». Бог его знает, когда теперь появится библиотечный фургон. Рано или поздно библиотекарь поймет, что она беременна. Будет он по-прежнему находить ее привлекательной? Будет ли оставлять коробку с книжками на полу фургона? И насколько это нехорошо — что она надеется сохранить привлекательность в глазах мужчины, который ничего для нее не значит, которого, если он притронется, она укусит?

Голоса добрались-таки до кабинета. Они густо повисли в воздухе, пытаясь втянуть ее в разговор. В пятнадцать, когда это началось, она решила, что она Жанна д'Арк. С ней говорил Бог, но этакий Бог с кашей во рту, Бог, натянувший на голову чулок, как налетчик. Недели прошли, прежде чем она поняла, кто они на самом деле: брехуны из паба, угрюмые убийцы, спросишь такого, почему он задушил девчонку и оставил труп в лесу, и он искренне ответит, что не имеет понятия. Один наловчился подражать голосу ее отца. Он разглагольствовал сейчас о чем-то давнем, знал то, чего ее отец знать не мог. Другие умолкли — ждали, как она воспримет. Она опять взяла трубку, чтобы позвонить Айрин, но раздумала

и положила обратно. Встала, пошла к передней двери, принялась одеваться: сапоги, пальто, шарф, шапка. Вышла во двор. Там было получше. Она чувствовала себя как-то тверже. Под снегом двор стал опрятней — весь, кроме навозной кучи, которая растапливала все, что на нее падало. Она натянула шапку на уши и вошла в сад. Деревья — каждый сук со своей ношей, каждая веточка нагружена инеем и льдом. Тут и там в безлиственной сетчатой кроне — алое, будто стеклянное, яблоко.

Оставив позади калитку, двинулась через поле. Ходьба по снегу создавала диковинный звуковой эффект: казалось, кто-то невидимый идет за тобой вплотную следом. Шагать было трудно. Первые дни снег ей нравился, но теперь нет, лучше бы он куда-нибудь делся. Подошла к снеговику. Он лишился носа — интересно, человек поживился или еще кто-то. Глаза были на месте, смотрели пустым взором в сторону деревни.

К тому времени, как добралась до сада при коттедже, во рту от дыхания сделалось жарко, ноги ныли. Постучалась в заднюю дверь. Там, подумала, будет уютно. Я все ей расскажу. Она ждала, снова стучала, заглядывала внутрь через стекло в двери, из одного мира в другой, затем пошла по

тропинке, огибающей дом, к переднему входу. Позвонила в дверь. Надо было опять яйца принести. Снег перед дверью был истоптан. Следы тянулись к дорожке, к воротам, к общей дороге. Она вернулась на зады коттеджа. Заглянула в кухонное окно, приставив к стеклу нос. Вдруг там появится, выплывет внезапно из полутьмы лицо чужака? Но нет, кухня была пуста, как и, чувствовалось, весь дом. На столе признаки чьего-то завтрака и, подпертый точеной деревянной миской для фруктов, листок бумаги — или, если вглядеться, не листок, а вскрытое письмо.

В убежище Билл сел напротив отца. Там была большая печка. На ней кипела кастрюля воды. Источник света — керосиновый фонарь. Отец сидел нагишом.

Билл, сперва обмотавшийся полотенцем, теперь тоже был голый. Отец встретил его словами: «Зачем закутался? Боишься подхватить что-нибудь? Посидим как турки».

Спокойно сказал, не сварливо.

Отец курил сигару. Когда Билл вошел, он читал газету («Уимблдон ивнинг ньюс»), бумага от пара напиталась влагой, серые углы висели как тряпки.

Хотя отец не интересовался играми, он по-

нимал, что разговаривать о них в этой стране принято, и они с полминуты поговорили про крикет. («Ну что, выиграют они?» — «Кто?» — «Англичане». — «Вряд ли».) Дыхание причиняло боль. Билл слышал отзвуки былых бомб, *пум, пум, пум* зенитной батареи в Гайд-парке. Пламя в стекле покачивалось, и отцовское лицо то появлялось, то пропадало в тени. Пол был — черная утоптанная земля.

Отцовский член! Волосы вверх от него по животу, по всей груди и плечам. Шея тоньше, чем Биллу помнилось; он видел сейчас ее такелаж. И отец заметно спал с лица. Раньше оно было у него очень круглое, лунообразное, упитанное, но твердое. Теперь оно словно бы подтаивало, как восковая маска. Так пойдет — скоро все тут увидят физиономию абсолютного чужака. Лицо пробравшегося сюда зайцем, лицо шпиона, лицо выжившего.

— Мама говорит, ты неважно себя чувствуешь.

Отец пожал плечами. Притронулся к груди — где-то возле сердца. Потом наклонился вперед, коснулся Билла, его правой руки, и улыбнулся.

— Ты крепче стал, — сказал он.

— Фермерская жизнь, — сказал Билл.

Ухмыльнулись друг другу. Если драка в тем-

ноте, внутри убежища, — кто из двоих одолеет, кто выйдет отсюда на снег весь в крови? Может быть, я, подумал Билл: мои руки на его горле, его выпученные глаза. Может быть, я.

— Фермеры, каких я знал, были крестьяне, — сказал отец. — Мылись раз в год, когда в пруд залезали. Женились на собственных сестрах. Лентяи лентяями, но их жизнь была бесконечная работа.

— Ну, у меня-то сестры нет, — сказал Билл.

— Я только мальчиков и мог делать, — сказал его отец.

— Как Чарли? — спросил Билл.

— Твой братец?

Взмах отцовской руки означал: Чарли, в сущности, никчемный малый, но удивляться тут нечему и поделать с этим ничего нельзя. Даже и смешно, пожалуй.

— У него все еще «ягуар-и»?

— Пурпурный, — сказал его отец. — Я спрашивал его, чем ему красный не годится, зеленый. Зеленый — хороший цвет. Он мне ответил — мол, грядущее будет пурпурного цвета. Может, он и прав. Не всегда он врет. А я вот редко теперь выхожу на люди.

— Он в семейном бизнесе подвизается?

— Кто еще ему даст работу?
— И как бизнес?
Отец кивнул.
— Жена твоя как? — спросил он.
— Цветет пурпурным цветом.
— Значит, будешь готов.
— К чему?
— К грядущему.

Отец затянулся растрепанной сигарой. Огонек, облачко. Потом бросил ее в кастрюлю на печке. Полез в темноту под ногами, нашарил и поднял связку из веток.

— Своими руками, — сказал он. — По-моему, хороший веник. Ложись-ка на скамью. На живот ложись.

Завозились, закопошились — две души в аду. Веселое замешательство. Билл улегся, и отец начал охаживать его веником. И по ногам, и по ягодицам, и по спине. Было больновато — ровно так, как и должно, не сильнее. Кожа пела. Вскоре они оба хохотали — кашляли и хохотали. Как ужасно, думал Билл, когда тебя любит такой человек.

Наконец проводник появился снова. На плечи ему нападал снег. Он шел от одного купе к другому, отодвигая тяжелые двери.

— Путь заблокирован, — говорил он.

— Мы обратно в Гилфорд? — спросил мужчина с трубкой.

Проводник покачал головой. Он был немолодой человек. Судя по его виду, он выжимал сейчас из себя максимум.

— За нами товарный, он тоже застрял. Один вагон при торможении сошел с рельсов. Ближайший снегоочиститель в Портсмуте. Он до нас доберется, но нескоро.

— А нам сидеть тут и ждать? — спросил мужчина с газетой.

— Школа есть, — сказал проводник. — Примерно полмили отсюда. Спустимся с этой стороны и пойдем пешком. Противно, но недалеко. Там вам будет гораздо теплей.

— Эта дама, — сказал мужчина с котелком, — в деликатном положении.

— Беременна, — сказал мужчина с трубкой. — Так она говорит.

— Ясно, — сказал проводник. — Как думаете, мисс, сумеете дойти? Мы не можем тут никого оставить, а школу почти видно отсюда.

— О, конечно, — сказала Айрин. — Никаких затруднений. — Улыбнулась. Сотворила самое что ни на есть лучезарное лицо. Лучше что угодно,

чем сидеть тут и ждать с этими мужчинами. Она попробовала представить себе полмили. Как от коттеджа до Дакуэртов? Или там скорее четверть мили?

Багаж, сказал проводник, лучше оставить. Когда путь освободится, они смогут вернуться и поехать дальше.

— Может быть, только завтра, — сказал мужчина с газетой.

— Может быть, — согласился проводник и пошел дальше. Есть другие купе, другие пассажиры.

Сигналом к выходу был последний хриплый гудок локомотива. Они сошли с поезда в снег. Не то чтобы метель, но сильный снегопад, и дул режущий ветер, вспенивая снег над выемкой путей. Возглавлял шествие машинист, замыкал проводник. Двигались колонной человек в пятьдесят, иные перекрикивались, другие смеялись, большинство молчали. Мимо лица Айрин пронеслась мужская шляпа. Светлого времени оставалось самое большее час. Идя вдоль поезда, увидели, что перед локомотивом случилось что-то вроде обвала. Сумели бы прокопаться своими силами? Возможно — будь тут вдоволь лопат. Кое-как взошли по откосу. С Айрин слетела туфля, и при-

шлось шарить в снегу. Задние заворчали. Поднявшись из выемки, двинулись по полю. Укрыться тут было негде. Держась за воротник дубленки, она шагала за черными брюками мужчины впереди. Вспомнила, как девочкой маршировала с Вероникой за отцом вокруг обеденного стола под граммофонную пластинку с «Британскими гренадерами». Попыталась вспомнить мотив, но не вполне выходило. Что-то вспоминалось, но то ли это были «Гренадеры», то ли «Лиллибуллеро». Граммофон — старая заводная «Декка». Обеденный стол был из немногого хорошего, что у них имелось. Раз в неделю его натирали пчелиным воском, и он мог держать на своей поверхности всю послеполуденную часть дня. Обеденные столы отделяют нас от дикарей. И проигрыватели. И марши. Что тут под снегом, осенняя стерня? Она споткнулась, выправилась, поглядела сквозь наливающийся пурпуром воздух вдаль, туда, где поле кончалось маревом, вздохом. Ветер дул жестоко. Хорошая шерстяная шапка защищала бы голову в сто раз лучше платка. Ничего она не продумала толком. Поступила импульсивно, и было стыдно теперь. Должна была остаться дома и встретить его лицом к лицу. Расколошматить его драгоценный диск со «Страстями», расцарапать

пластинку ногтем, разозлить его: а ну замахнись, ударь! Она вывернула шею, чтобы ветер не так сильно дул в ухо. Ног, которые вначале болели, уже не чуяла вовсе — даже не была уверена, что туфли еще на ней. Ощущение тела как жалкого, кое-как сработанного убежища, сплошные дыры, куда врывается голодный ветер. Подошли к воротам, к цепочке ильмов. Дорога? Вся колонна приостановилась, словно в растерянности; затем, волоча ноги, люди потянулись дальше через ворота, которые едва сумели открыть. Походили на заключенных, на остатки разбитой армии. По одну сторону дороги снег был выше их роста, намного выше. Снежные фигуры — водные фигуры. Она упала, поднялась. Как быстро можно дойти до собственного края! Еще немного — и все поймут, что, сойдя с поезда, совершили дикую ошибку. В ней вспыхнул гнев, от которого секунду спустя осталась лишь невзгода ходьбы. Она опять упала, рухнула на четвереньки на собачий манер и оказалась по плечи в снегу. Кто-то помог подняться. Ее держали. Мужская рука обвилась вокруг талии, мужская ладонь легла на живот. «Нет!» — закричала она и, вырвавшись, слепо заковыляла вперед, будто навстречу великому прибою.

Домой в темный коттедж, темнее вчерашнего. Он повернул ключ, вошел и, стоя в маленькой прихожей, прислушался. Если кто в доме есть, лежит тихо, как смерть.

Столовая. Тут ни тепла, ни света. Пальцы, гладя стену, искали выключатель. Весь свой ум, всю надежду вкладываешь в руки. Когда свет зажегся, он оглядел мебель. Обеденный стол, показалось, стоял неустойчиво. Прошел дальше в гостиную, бросил пальто на угол софы. Посмотрел на потухший камин. Поднялся наверх, просунул голову в неосвещенную спальню, шепотом позвал ее по имени. Заглянул в гостевую комнату, где она проспала прошлую ночь.

— Айрин?

Спустился обратно, вошел в кухню, включил свет. Тот первый миг, когда увидел, но еще не осознал; и следующий миг отчетливого понимания, более отчетливого, чем когда-нибудь впредь, потому что не будет впредь нужной храбрости, нужной честности. Он взял конверт, как берутся за крапиву, стал рассматривать его со странным мертвым любопытством, а затем поставил обратно, прислонил к миске для фруктов. Подойдя к лестнице, прокричал ее имя. От голоса — он не сдерживался — в камине взметнулись лепестки

белого пепла. В нише запело голубое стекло.

Он налил себе выпить — просто плеснул джина в стакан. Стал искать сигареты и нашел в кармане брюк. Начал раскладывать огонь, но так и не зажег, бросил. Посмотрел на телефон и подумал про Габби. Привет, Габби. Послушай.

Наверху стоял в дверях спальни, оглядывал комнату, старался сообразить, что еще можно спасти. Встал на колени и заглянул под кровать. Сам усмехнулся над собой.

Спустился в кухню и поискал, чем поужинать. Остатками вчерашнего тушеного мяса? Нет, спасибо. Взял хлеб и банку лососины. Сделал сэндвич и съел, стоя у плиты. Потом подошел к столу и снова взял конверт. Вынул письмо. Пальцы были не совсем чистые, и он оставил на бумаге следы — пятнышко рассола, розовую крапинку рыбы.

Мой дорогой, мой мужчина…

И что же, разве ты не этого хотел?

— Вот ты и свободен, — сказал он. — Старый козел. Дом в твоем распоряжении. С Новым годом тебя.

Налил себе еще. Второй раз или третий? Вкус — среднее между цветами и формалином. Габби, может быть, влюблен в Айрин немножко? Должен же он быть в кого-нибудь влюблен. Габби

и Айрин, Эрик и Элисон. Фрэнк может валить к чертовой матери и забирать с собой этого несимпатичного парня. Был бы я новый король, подумал он, парня тоже пришлось бы убить, чтоб не бояться, что разбудит когда-нибудь ночью топором.

Нужно, разумеется, дать Элисон знать. Однако же Айрин вряд ли побежит открывать глаза Фрэнку. Не ее стиль. Она очень тихо будет себя вести, когда такое. Не любительница шума. Но оставить вот так письмо в кухне — ее стиль? И что он знает про ее стиль в подобной ситуации? Он и про свой-то ничего не знает.

Он озяб. «Признаки шока, дорогой мой», — сказал своим врачебным голосом.

Поднялся в ванную и стоял там в темноте, курил, глядя в окно. За ветками ясеня виднелся свет. И он вспомнил — внезапно и с предельной ясностью, — что приметил утром на станции, на платформе в сторону Бристоля, Билла Симмонса. У него была дорожная сумка. Значит, он сейчас в отъезде; его блондиночка, по всей видимости, одна. Можно зайти с остатками джина, посидеть с ней у огня, рассмешить. А потом перед камином, медленно, проделать с ней то самое. Она уже беременна, так что обрюхатить риска нет. Поду-

мал — ей, вероятно, понравится: великий трах с доктором при колеблющемся свете камина.

Наполнил ванну. Топлива в баке не было, но воду грела «АГА», и она еще не погасла. А что если Айрин там, на ферме? Да нет, он знал, где она. Разделся и залез в ванну. С каким всплеском плюхаются в воду твои яйца! Сел, обволакиваемый паром, и опустил взгляд на свои белые ноги под зыбью унимающейся воды. Переживания наслаиваются, копятся, как работа. До такого изнурения дойти, подумал он. До *такого* изнурения.

Две минуты — и вылез. Вытерся. Энергично растер голову. В спальне вытащил из-под подушки пижаму и надел. Натянул носки. Отыскал в ящике гернсийский свитер и тоже надел. Стал чистить над раковиной зубы, думая, что когда-нибудь их лишится, будут одни фарфоровые, как у куклы. Сплюнул, и вдруг резко, блаженно подступили слезы, но он не дал им потечь. Рискованно. Это было бы как рвота, которую не можешь остановить, пока сердце не выблюешь. Он взглянул на Арнольфини и его жену и пошел по коридору к гостевой комнате напротив ванной. Там забрался в кровать, которую использовал его отец, хотя использовал — не совсем то слово. Лег на спину. Занавески не были задернуты. Он решил, что

голубоватое свечение — это, наверно, луна, зимняя луна. Взялся за простыню, высвободил ее и натянул на лицо.

10 января, четверг

Выныриваешь — но всю ночь тебя несла река, и теперь ничего не узнать. Ребенок, она поняла, потерян. Внутри сейчас только камень, белый камень.

Откинула одеяло. На ней была ночная рубашка в мелких линялых цветочках. Чужая, не ее размер. Задрала ее и посмотрела туда, вниз, — ожидала кровь, может быть, много крови, но простыня была чистая и сухая, ее ноги и бедра тоже. Потом внутри шевельнулось дитя, и она издала звук, странный звук — что-то птичье из жаркого рта. Ласково погладила живот. Зашептала, обращаясь к тому неоконченному, что лежало по ту сторону натянутой кожи, все нежное проговорила, что подсказало сердце. Исчерпав слова, едва дыша, откинулась на подушку и уставила взгляд в потолок с белой лепниной. Пустота внутри не исчезла, но была в каком-то другом месте. В голове, может быть. Голова как покинутый улей.

— Проснулись, — послышался голос.

На стуле у одного из больших окон, почти утонув в струящемся оттуда свете, сидела девочка. До этого она вязала, а теперь медленно поднялась,

держа спицы и клубок красной шерсти. Улыбнулась, глядя на Айрин или чуть в сторону, и, пройдя по проходу между кроватями, остановилась у нее в ногах. Посмотрела на стену и улыбнулась еще раз. Сколько ей, двенадцать? Тринадцать?

— Я схожу за воспитательницей, — сказала она.

— Это детская больница? — спросила Айрин.

— Нет, что вы, — сказала девочка. Ее голос звучал как флейта. — Это не больница!

Она двинулась дальше по длинной комнате, минуя изножья десятка других кроватей, на которых никто сейчас не лежал. На ней были коричневые кожаные туфли почти такого же цвета, как паркет. Она повернулась, задев темной тканью юбки конец последней кровати, нащупала дверь, открыла ее и вышла.

Айрин ждала. Прислушивалась. Спустила ноги, посидела на краю кровати, приводя кровь в движение. В комнате был большой камин, где ничего не горело; над ним голая каминная полка. Два окна в торце были разделены пополам стойками. Неверной походкой, хватаясь за металлические изножья кроватей, она подошла к торцу, выглянула.

Снаружи под окнами был сланцевый карниз,

внизу маленький дворик. Посреди дворика стоял столб — железный? — с которого свисали цепи. Дальше, за кирпичным забором, над белой толщей мягкого снега чернели, плавными изгибами устремляясь вдаль, телефонные провода. Из двери, которой она не видела, вышел мальчик в варежках, в шапочке с помпоном и в подпоясанном пальтишке. В руках у него была чашка или мисочка. Он осторожно сделал несколько шагов в сторону столба, а затем рассыпал содержимое чашки по снегу, как семена. Он, поняла она, кормил птиц, но птиц пока видно не было.

Машина была пурпурная, как баклажан, это был наливной, изобильный пурпур, пурпурная поверхность над пурпурной глубиной; впрочем, кто-то эту глубину промерил, возможно, ребром монеты, оставив на капоте с водительской стороны процарапанные линии. Надо было смотреть со стороны кабины, чтобы понять, что эти линии складываются в виселицу.

— Ага, — сказал Чарли. — Какой-то мамзер.

— Мамзер?

— Ну, пишер[63].

— Ой-вей! — сказал Билл.

---

[63] Примечания: 63

Мамзер, пишер — уничижительные слова на идише.

Воображаемая еврейская жизнь брата… это он тоже забыл — или просто отодвинул подальше. Началось, когда они были подростками, но почерпнул он все, должно быть, из книжек и фильмов, потому что дома никакого идиша не водилось, разве, может быть, где-то в недрах больших шкафов, стоявших наподобие камней Стоунхенджа у стен некоторых комнат: семья, пережидающая облаву. Впрочем, нет, Билл знал, что́ в этих шкафах: кипы старых газет, сложенные светомаскировочные шторы, сломанные приспособления (в одном шкафу — пылесос двадцатых годов, похожий на останки маленького травоядного динозавра), пазлы с тысячей кусочков моря от маминых родителей — коробки, которые приходили почтой каждое Рождество и ни разу не открывались. Идиш брата был деланым. Чарли весь состоял из такого. Он сказал им однажды, что хочет стать актером. Никто не обратил ни малейшего внимания, но это, возможно, подошло бы ему лучше, чем быть сборщиком квартплаты.

Сели в машину. День был белый, безветренный, не день, а неподвижная картина. Оглянулись на дом, и Биллу показалось, что он увидел в одном из окон тень матери. Чарли разглагольствовал про переключатели и датчики. Сиденья были

удобные (пурпурная кожа с красной окантовкой). Шкала спидометра доходила до ста шестидесяти.

— Думаешь, выжмет столько? — спросил Билл.

— Ну, не тут, не между Уолвортом и Паддингтоном, — сказал Чарли.

Транспорта было немного — или Чарли знал, как ехать. Машина пробиралась мимо плоских фасадов по выскобленным от снега улицам. Внезапно — река. Тут она не была покрыта льдом (замерзла выше), но текла медлительно, вязко, обматывала устои мостов, точно буксирными тросами, клейкой черной рябью. Когда переезжали на тот берег — далекая панорама в обе стороны, — город ненадолго обрел смысл. Потом снова в тесный мир с прорезями слепых улиц, которые наполовину состояли из строительных площадок. Автобусы ползли по улицам, как лава. Машина, объезжая ее рев, продвигалась на запад лишь ненамного быстрей.

Разговаривали мало. Чарли курил («кенситас клаб»). Вид у него был довольный. Происходило приятное, что он не раз обстоятельно рисовал себе в воображении. Билл глядел в боковое окно. Он пребывал в полузабытьи. Проснулся в пять, полез было из кровати, но потом сообразил, что ему не надо сегодня доить.

— Помнишь, — спросил он, — как мы однажды утром после налета вышли из подземки и увидели дом, в который попало? У него вся передняя стена рухнула, и на тротуаре лежала ванна, упала сверху. Помнишь?

— Ванна? — переспросил Чарли. — Кажется, помню.

Билл кивнул. Подумал — вряд ли он помнит.

Она вновь лежала в кровати, как хорошая девочка (и не всегда ли так было — хороший котенок и плохой, хорошая мышка и плохая?), подтянув одеяло до подбородка. День поворачивал или уже повернул от прилива к отливу. Она слышала, как приближается по коридору воспитательница: тягучие шаги, жалобы половиц, звуки, издаваемые ртом, — слова или их влажные начатки. Что-то более резвое, возникшее сбоку, оказалось спаниелем с красновато-коричневыми пятнами. Он сел у двери, бдительный, как придворный, а воспитательница прошла по комнате к кровати Айрин. Там стоял стул, и она опустилась на него, хотя сиденья ей не вполне хватало. Обе толстые ноги были перебинтованы — впрочем, это выглядело привычным состоянием, а не чем-то экстренным. От нее крепко, горько пахло табаком. Маленькие желтые зубы, глаза

фарфоровой голубизны. Волосы — цвета пыли. Она улыбнулась.

— Ну вот, — сказала она. — Лучше, да?

Она пошевелилась, усаживаясь удобнее. Если стул подломится, подумала Айрин, никакая сила не поставит ее на ноги.

— Вы можете, золотце, называть меня мисс Уоткинс — или просто, как дети здесь, Мамой.

Она вынула из кармана передника пачку сигарет, вытряхнула одну и зажгла с великолепным проворством. У нее была симпатичная зажигалка — «ронсон».

— Ну так что? — спросила она.

— Простите, не поняла?

— Мисс Уоткинс или Мама?

— О… Мисс Уоткинс?

Воспитательница кивнула. Сильно, с потрескиванием затянулась сигаретой. Она смотрела в одно из окон, так выглядело.

— Мы были очень обеспокоены из-за вас, золотце. Вы в том еще состоянии сюда явились. Пришлось немедленно вас уложить. Вы проспали почти сутки.

— Правда?

— Да, золотце, правда. В этой самой кровати. Эту спальню, Ивовую, мы сейчас не используем. Все

оставшиеся дети спят в Березовой. Очень многих на Рождество взяли домой, и, конечно, они пока не вернулись. И мисс Бернард, моей помощницы, тоже нет. Она застряла в Роттингдине. Со мной только кухарка и мистер Грант.

— Это школа? — спросила Айрин.

— Да, золотце. А что вы думали?

— Девочка, которая тут была, когда я проснулась…

— Дороти.

— Она слепая?

— Они все слепые. Или близко к этому.

— Школа для слепых.

— Вот именно, золотце.

— А остальные тоже здесь? С поезда?

— Он вел их на го́ру, он вел их с горы[64]…

— Их тут нет?

— Ну как они могли тут остаться? Пятьдесят человек, и всем нужен хлеб насущный. А вы хотели попрощаться?

— Нет, не то чтобы…

— И повторяю, золотце, вы были в том еще состоянии, когда вас сюда доставили. Истерика. Вас несло, вы уйму всего выболтали.

---

[64] Примечания: 64
Из английской детской песенки про герцога Йоркского.

— Мне совестно, что я причинила столько хлопот.

— Детям я говорю так: совестно? А что это значит, золотце?

— Я страшно замерзла.

— Еще бы. И не только вы.

— Конечно, — согласилась Айрин. — И все остальные тоже.

— Мы не про всех сейчас говорим, правда же?

— А про кого?

— Когда вы мерзнете и голодаете, вместе с вами мерзнет и голодает маленький путник.

Айрин не сразу сообразила. Потом кивнула. Ей делали внушение.

— Там был один очень милый джентльмен, он объяснил ваше положение. Да мне и не надо было ничего объяснять. В войну я была в Женской волонтерской службе. Вдоволь насмотрелась ужасного. А вы многое помните?

— Из военных лет?

— Да.

— Изрядно.

— Но по юному возрасту не могли внести вклад.

— Не могла.

— У нас были джемперы свекольного цвета и

фетровые шляпы. — От сигареты остался окурок. Она встала, отнесла его к пустому камину, выбросила и вернулась на стул. Достала и зажгла еще одну. — Вы, стало быть, в бегах.

— Не совсем, — сказала Айрин.

— И куда вы, туда и маленький путник. У него ведь выбора нет, вы согласны, золотце? Дождь ли, снег ли, солнце ли. Он сегодня шевелился, вы чувствовали?

— Да.

— И что, по-вашему, он бы вам сказал?

— О чем?

— Вы знаете о чем.

— Я ехала к родителям, — сказала Айрин. — Мне надо им позвонить.

Воспитательница кивнула. Некоторое время она молчала. Очень слабо, через пол, детские голоса.

— Все это вы еще успеете. Я попрошу кого-нибудь из девочек принести вам чашечку чайку. А когда немного окрепнете, вы могли бы им почитать. Мой голос им надоел.

— Конечно, почитаю, — сказала Айрин.

Воспитательница снова поднялась. Вечная борьба с природными силами. Пес, поняв, что пора, тоже встал на ноги.

— Мы не можем только и знать, что получать удовольствие. Есть одно старомодное слово, золотце. Долг. Вы уж простите меня за откровенность.

— Да, — сказала Айрин. — Разумеется. Спасибо.

— К нам Уинни однажды заглянул. В Степни, в наш центр поддержки для потерявших жилье. Помахал нам шляпой. Его можно Уинни, неуважения тут нет. Мы чувствовали, что знакомы с ним.

— С мистером Черчиллем?

— Да, золотце. Ну, поболтали, и довольно. Я зайду попозже.

Она прошаркала к двери. Пес пристроился к ней сбоку. Когда они вышли, Айрин откинулась на подушку и, хмурясь, уставилась на сетчатый лепной узор на потолке. Она принялась вдумчиво проигрывать заново всю беседу, пытаясь понять, не слепа ли эта женщина тоже.

Офис был — две комнаты на пятом этаже в Паддингтоне. В окно Билл мог видеть рифленые вокзальные крыши. Молодая женщина сидела за пишущей машинкой. Мужчина в кожаном пиджаке, подпирая стену, читал книжку в мягкой обложке. Светили потолочные лампы. На стене календарь, маленький портрет Георга VI, часы.

— Мой старший брат, — сказал Чарли и, выписав рукой виньетку, показал на Билла. — Тот из двоих, на кого они потратились.

Молодая женщина бросила на Билла короткий взгляд. Мужчину в кожаном пиджаке звали Дерек. Его обязанности Биллу не разъяснили. Чарли распечатал кое-какую корреспонденцию. Позвонил по телефону.

— Легавые, — объяснил он, окончив разговор. — Мы тут все старые приятели.

Он снял с одного из латунных крючков на доске, висевшей у двери, комплект ключей.

— В сорок шестом? — спросил он.

Дерек кивнул и оттолкнулся от стены.

— Побудешь тут за хозяйку, Джули? — спросил Чарли.

— Я записана к зубному, — сказала она капризным голосом, тонким, как у ребенка. Ей хотелось радостей — а тут такое.

Мужчины стали спускаться по узкой лестнице, Дерек первым, братья на несколько шагов позади. На площадке двумя этажами ниже увидели распахнутую дверь, которая, когда поднимались, была закрыта. За ней стрекотали швейные машинки. Чарли вошел, Билл следом. На рабочем столе под голыми лампочками сидели

по-турецки и шили трое портных в жилетках и белых рубашках. Глубже в комнате с полдюжины женщин прострачивали ткань машинками с ножным приводом.

— Я старшего брата сегодня привел, мистер Ненцель, — сказал Чарли. — Решил ему показать, как живет другая половина.

Один из мужчин на столе кивнул, не спуская глаз с иглы.

— Мистер Ненцель работал у Книже[65] в Вене. Шил костюм для Марлен Дитрих.

— Этого я никогда не говорил, — возразил мистер Ненцель.

— Может быть, брату костюм сошьете. Ему пригодится. Что скажете?

— Возможно, — сказал мистер Ненцель. Он поднял на Билла гибкий, как портновская рулетка, взгляд.

— Светло-серый с розоватым отливом, — сказал Чарли. — Двубортный.

— Синий, — сказал мистер Ненцель, — и однобортный. Две пуговицы. Ткань с чуточкой ангорской козьей шерсти.

— Мистер Ненцель, — сказал Чарли, — расска-

---

[65] Примечания: 65

«Книже и компания» — известная во всем мире фирма, занимавшаяся пошивом одежды.

зывает через одежду истории. Это правда, мистер Ненцель?

— Это правда.

У каждого из троих, сидевших на столе, рукава рубашки, чтобы не мешали работать, были закатаны и прижаты упругими металлическими кольцами. И у каждого по коже предплечья шли цифры.

— Телефонный номер Геринга, — сказал мистер Ненцель, перехватив взгляд Билла. — Приходите, и мы вас оденем. Будете вылитый Раф Валлоне.

— Или Рок Хадсон, — сказал Чарли.

— Делон, — сказал мистер Ненцель. — А Бельмондо видели?

— Дирк Богард, — сказал Чарли. — Таб Хантер…

Сошлись на Мастроянни и на «римском стиле» Дома Бриони, хотя чем-то это вызвало у портного усмешку. Потом он откусил нитку и вновь замкнулся, спрятался в свое дело.

Дерек поджидал их снаружи. Он втиснулся на заднее сиденье машины. Он был крупней обоих братьев — выше Чарли, шире Билла — и сидел, слегка нависая над ними, этакий темнокожий Ахилл в колеснице с двумя возницами.

До сорок шестого дома было недалеко, но За-

падный Лондон — шахматная доска, простых поездок тут не бывает. Они двинулись по улице с дешевыми гостиницами — «Александрия», «Шангри-Ла», «Двор Тюдоров». Из-за человека, который вел лошадь с повозкой и каждые десять шагов трубил в горн, им пришлось еле ползти. Пересекали площади, где дома, стоя на коленях, ждали сноса. На одной из стен высоченными буквами, с ошибками — крикливый лозунг Лиги защиты белых[66].

Подъехали к дому. Чарли, гремя ключами, вставил один из них в замок, толкнул уличную дверь плечом. Внутри по лестнице спускался человек. Увидев их, замер. Дерек заговорил с ним. Креольский диалект? Жилец спустился и прошел мимо них к выходу. Он был одет для более приличных мест, чем окрестности сорок шестого. Он встретился глазами с Биллом. С обеих сторон — кивок; впрочем, невнятный и довольно принужденный, с исторической подоплекой.

Стали подниматься по лестнице. Билл, конеч-

---

[66] Примечания: 66

Лига защиты белых — крайне правая антииммигрантская политическая организация, члены которой участвовали в расовых столкновениях 1958 года с темнокожими уроженцами Вест-Индии в Ноттинг-Хилле (Западный Лондон). В послевоенные годы правительство Великобритании поощряло иммиграцию из отдаленных частей Британской империи (и, позднее, стран Содружества), в частности, из Вест-Индии.

но, не первый раз был в таком доме, но за два года отвык. Он остановился на одной из площадок, думая, не уйти ли. Чарли наклонился над перилами маршем выше.

— Тебя дыхалка, что ли, подводит? Я думал, тебе нипочем.

Надо было подготовить комнату для нового жильца. В одном ее углу от плинтуса до потолка чернели разводы плесени. На стене у окна замерзшая вода с крыши образовала систему узких ледяных притоков. С кровати, где пытались спать и, возможно, любить, где что-то кому-то снилось, было содрано все до продавленного матраса. Имелся газовый камин. Дерек, присев, повернул ручку. Газа нет. Счетчик был на первом этаже. Если кому захочется свести счеты с жизнью, ему придется спуститься с горсткой монет и потом подняться, пять маршей вниз и пять вверх. Есть время лишний раз поразмыслить.

У стены напротив окна — предмет мебели, напоминающий софу. Повыше квадрат более темных обоев.

— Тут картина висела, — сказал Чарли. — Какая, не помнишь?

— «Лето», — сказал Дерек.

— Если гвоздями не прибьешь… — сказал Чар-

ли.

Билл стоял у окна. Свет казался единственным, что в комнате было чистого. На улице внизу несколько мальчишек окружили пурпурную машину.

— У нас один, было дело, — сказал Чарли, — вздумал ловить голубей с помощью вешалки для пиджаков. Как кур их жарил. Пришлось выгнать. Все голуби — достояние Ее величества. — Он засмеялся. — Где он сейчас обретается?

— Тут, рядом где-то, — сказал Дерек.

Они наметили пару мелких изменений. Около вокзала был гараж, где они держали всякую мебель.

— Хоть матрас поменяли бы, — сказал Билл. — А этот сожгите к чертовой матери.

— Матрас как матрас, — сказал Чарли. — Ты бы спал на нем, Дерек, а?

— Спал и на похуже, — сказал Дерек.

— Ты кое о чем забыл, — сказал Чарли брату, — или не удосужился узнать. Пройди по этому дому и постучись к людям. Они тебе скажут, что рады тут жить. Крыша над головой, адрес для работодателя. Без адреса на работу шиш возьмут. Мы сдаем тем, от кого другие шарахаются. Если тебе тут не очень, посмотри, какое жилье сдает Сирил

Кэй. Лучше или хуже, Дерек?

— Там довольно погано.

— Наши квартиранты к нам *расположены,* — сказал Чарли.

— Потому-то они тебе виселицу на машине нацарапали, — сказал Билл.

Чарли пожал плечами. Дерек снова смотрел на стену — на пятно, где раньше висело «Лето». Комната стоила пять фунтов десять шиллингов в неделю. При вселении — за три месяца вперед. Всегда только наличные. К выходным желающие найдутся, причем без всякой рекламы.

Вернулись на улицу, где пахло угольным дымом и железом, пахло историей, наваленной слой на слой, как шкуры в дубильне. Дерека высадили у гаража. Оттуда Билл и Чарли двинули в Сохо. Чарли хвастался, что знаком с Джеком Спотом[67], что знает, где можно купить спидбол у графского сына и как бесплатно припарковаться на Бик-стрит. Они сидели плечо к плечу, и каждый из двоих сознавал в себе некую потребность по-братски ущучить другого. А Сохо в снегу выглядел чарующе. Витрина, полная апельсинов, рядом витрина, полная сигар. Стрип-клубы толь-

[67] Примечания: 67

Джек Спот (наст. имя Джек Коумер, 1912–1996) — лондонский криминальный босс еврейского происхождения.

ко открывались, джаз-клубы еще нет. У дверей маленьких кафе стояли и курили в тяжелых пальто, отдыхая между чудесами, невозмутимые мужчины, похожие на святых Эль Греко. Иной раз только поглядишь на такое — и уже доволен.

Воспитательница принесла поднос с едой. Ее сопровождали двое детей. Из угла комнаты подкатили по проходу кроватный столик. Айрин робко спросила, нет ли возможности зажечь свет. Они посмотрели на нее, ориентируясь на ленту ее голоса.

— Конечно, золотце, — сказала воспитательница.

Один из детей, как пловец, двинулся к дальней стене, где были коричневые выключатели. С третьей попытки нащупал. Ожили полдюжины лампочек под металлическими абажурами, похожими на островерхие шляпы азиатских кули.

Они сидели с ней, пока она уплетала картофельное пюре. Она только сейчас поняла, до чего проголодалась.

— Вот и хорошо, золотце, — сказала воспитательница. — Очищаем тарелку. Ничего не оставляем, всё в рот.

Чай был с легким пенистым меловым налетом. Выпила. Десерт — консервированная груша в

сладком соусе, это ей понравилось больше всего. Поднос забрали. Когда осталась одна, поискала свою одежду и нашла ее (но не обувь) в гардеробе между двумя окнами. Накинула дубленку и выбралась в коридор. Миновала верх лестницы. Подходила к дверям и осторожно их открывала. Подобно лозоходцам, она пыталась уловить признаки воды; услыхав шипение подтекающего бачка, обнаружила ванную с тремя ваннами и шестью умывальниками. За дверьми с латунными ручками — три туалета (в учреждении всегда надо говорить: туалет). Выбрала крайний, с узеньким окошком. Посидела в тишине, в холоде; кисти рук, будто цветы в вечерних сумерках, испускали свой собственный свет.

Когда вышла, ей захотелось к зеркалу, но его не было. Открыла краны над умывальником. Из одного ледяная вода, из другого сначала теплая, а затем залпы пара и выплески кипятка, которые разбивались, как стекло, о потрескавшийся фаянс. Вымыла лицо, вытерла одним из грубых маленьких полотенец. На крашеной полке над умывальниками стояли меламиновые кружки, из них торчали детские зубные щетки. Как, интересно знать, ребенок находит здесь свою кружку? Выбрала одну из щеток, почистила зубы

и поставила щетку обратно точно так же, как она стояла.

Теперь назад в спальню. На оконных стеклах лежал последний свет дня. Забралась в кровать, не снимая дубленки. Голова отяжелела, от усталости накатывало какое-то безрассудство. То, что добавили в чай, складывало ее, словно постельную ткань. (Хлоралгидрат? Откуда-то всплыло это название.) Она, думалось ей, нуждается в помощи, в выручке, но трудно было понять, что это может значить. Самое меньшее — надо позвонить по телефону, хотя, пожалуй, не так уж это и срочно. Снег многое переменил. В окружающем мире все стало по-новому, люди это поняли.

Она лежала на спине, потом перекрутилась на бок, пытаясь устроиться поудобнее. Детская кровать была ей мала — захватчице, чужачке. Она пыталась собрать свое «я» воедино, но искомое «я» было стаей рыб, плывущей гораздо глубже нее. Приблизишься — и оно рассеется на тысячу уносящихся стремглав частей…

Вчерашнее, позавчерашнее, недельной, годичной давности — все надо было *обдумать*. С чего начать? Она обманута, но истоки обмана были не так ясны, как следовало бы. Она не могла понять, почему не испытывает ненависти к Элисон

Райли, и неясно было, есть ли доля правды в том, что люди получают по заслугам; хотя, разумеется, верить в такое — сущий ужас, что-то в ней отказывалось верить категорически. Не снять ли кольца? (Но как она в свое время желала их надеть!) Ей представилось, как она швыряет их в снег, как они, проблеснув в воздухе, зарываются в темень маленьких снежных колодцев. Для рук было бы облегчение. А для жизни? Она вздохнула, словно чья-нибудь бабушка. Зубы ныли от холода, постельное белье пахло щелоком. Холод и тишина вычищали ее, отсеивали лишнее. Свобода, подумалось, неуютная вещь. Она будет как эта комната. Ничего домашнего от нее не жди — по крайней мере домашнего в знакомом тебе смысле.

Владелица клуба стояла у ближнего к двери конца стойки и приветствовала входящих, а выкатывающихся наружу (один марш лестницы вниз — и ты на улице) напутствовала: пока-пока, голубки́ мои!

Размером заведение было небольшое, колорит — скорее темный. Малозаметное окно в одном конце, вязкий тускнеющий книзу потолочный свет. Разглядишь лица пьющих — станет очевидно, что здоровых тут почти никого. Кто

помоложе, мужчины и женщины, казалось, ну год-два еще будут в порядке. Хоть восхищайся такой растратой.

Они выбрали маленький круглый столик у стенки. Его только что освободили, и кто-то оставил на нем личико из лимонной дольки и двух бутылочных крышек. Чарли добыл питье. Он пришел с четырьмя, как он выразился, «большими джинами». С четырьмя, чтобы можно было некоторое время не ходить к стойке. Бармен тут нередко грубил. У него были любимчики. Чарли в их число явно не входил.

Братья подняли стаканы с джином. С первым «большим» Чарли разделался одним глотком. Вытер губы.

— Мы должны помочь папе, — сказал он.

— С папой ничего страшного, — сказал Билл.

— Откуда ты знаешь?

— Он нормально выглядит.

— Нет, ненормально.

— Ну и что с ним не так?

Чарли пожал плечами.

— Стареет, вот и все, — сказал Билл.

— Мы не знаем, какого он возраста.

— Да, — подтвердил Билл. — Не знаем.

— Я ему помочь не смогу, — сказал Чарли.

— Почему?

— Я не тот человек.

— А я тот?

— Ты — конечно.

Билл убрал из мордочки на столе одну бутылочную крышку, затем вернул на место. Забавно, как безупречно составляется личико из двух крышек и лимонной дольки.

— Ведь ты, а не я, здесь остался, — сказал Билл. — Ты с ним работаешь.

— Он разговаривает сам с собой, — сказал Чарли. — Не по-английски.

— И что?

— Раньше этого не было.

— Может быть, просто мы не слышали.

— Я не потому остался, что мне нравится, — сказал Чарли.

— Так отселись, — сказал Билл. — Займи чудесную комнату, в которой мы побывали.

— Ты приехал, мне думается, чтобы его обобрать, — сказал Чарли.

— Нашего старикана, — сказал Билл. — Нашего падре.

Он хмурился, глядя на маслянистую поверхность джина.

— От чего он бежал, — сказал Чарли, — нашло-

таки его. Выследило. Забралось в дом. Ходит за ним туда-сюда.

— Как оно выглядит? — спросил Билл.

— Не знаю, — сказал Чарли. — Может быть, оно выглядит как ты.

Засмеялись.

— Мне за все прикажешь отвечать? — спросил Билл. Прозвучало как нешуточный вопрос.

— Послушай, что я тебе скажу.

— Слушаю.

— Мне было откровение. Тут, в клубе. В сортире, честно сказать. — Чарли стал искать сигареты. — В машине, что ли, оставил?

— Без понятия.

— У тебя есть?

Билл покачал головой.

— Почему-то в здешнем баре продают только «житан».

— Откровение, — напомнил Билл. — В сортире.

— Что папа приехал сюда, в эту страну, чтобы сотворить тебя. А цель сотворения была в том, что ты его возненавидишь. Неплохо, да?

— Ненависти у меня к нему нет.

— Английский джентльмен, образованный. Человек со вкусом. Человек, который его стыдится.

— Мне не нравится то, что он делает, если ты об

этом. Мне не нравится то, что делаешь ты.

— Сноб. Либеральный сноб. Немножечко леноватый. Но прежде всего сноб.

— А ты? Ты-то кто, Чарли? Бизнесмен? Никакой ты не бизнесмен. Ты даже на гангстера не тянешь.

— Я заглядываю в грядущее, — сказал Чарли.

— Знаю, — сказал Билл. — Оно пурпурного цвета.

— Оно наполнено такими людьми, как я.

— Сомневаюсь.

— О чем я забыл, — сказал Чарли, вглядываясь в Билла с кривой улыбочкой на лице, — это до чего ты на него похож.

— Чушь собачья, — сказал Билл, хотя на него подействовало.

Он пошел к стойке за добавкой.

— Вы который? — спросил бармен. — Розенкранц или Гильденстерн?

Напитки тут стоили дорого. Билл ждал сдачу, но ее не было. Ставя питье на стол, он посмотрел на брата сверху вниз — волосы у него на макушке редели. Билл почувствовал укол в сердце, как будто увидел смерть. В семнадцать Чарли был миловидным юношей; в сорок он будет лысым вариантом их матери. Билл уселся. Подняли

стаканы.

— У тебя есть фото жены? — спросил Чарли.

— Нет.

— Как тебе такое? — спросил Чарли.

Он показал подбородком на двоих мужчин, танцевавших друг с другом под музыкальный автомат. Билл смотрел на них: медленный вальс, один мужчина средних лет, другой помоложе. И это приводило на ум самодеятельное шоу в британских войсках во время войны или представление в немецком лагере для военнопленных Шталаг Люфт номер такой-то, которое давалось, чтобы отвлечь охрану от рытья подкопа. Но было в этом и что-то безыскусное, как в простом танце влюбленной пары.

Доктор Парри, — сказал Эрик в трубку. Он только-только вернулся. Телефонный звонок напугал его, словно во сне раздалась сирена. Он слегка пыхтел, стоя у лестницы в пальто.

Это был отец Айрин.

— Здравствуйте, Эрик. Мы ждали Айрин вчера вечером, но она не приехала.

— Не приехала?

— Нет.

— И не звонила?

— Нет.

Пауза. Вероятно, в комнате и мать Айрин. Вероятно, смотрит на мужа во все глаза. А ему, вероятно, ненавистна каждая секунда этого разговора. Скорее всего, он озабочен, зол.

— С поездами сейчас черт знает что, — сказал Эрик.

— Да.

— Я думал, она у вас.

— Нет. Не появлялась.

— И не звонила?

— Нет.

— Понимаю, — сказал Эрик. От смятения его бросило в жар. — Я убежден, что она позвонит. Либо вам, либо мне.

— Да. Должна кому-нибудь дать о себе знать.

— Будем держать друг друга в курсе, — сказал Эрик. — Если сюда позвонит, я позвоню вам.

— Хорошо.

— Некоторые телефонные линии могут быть повреждены. Лед.

— Да. Возможно.

— Она могла где-нибудь задержаться по пути. Чтобы переждать плохую погоду.

— Думаете?

— Я позвоню в любом случае, — сказал Эрик. — И если будет звонок от нее, и если не будет.

— Спасибо.

— И, если она позвонит, я попрошу ее позвонить вам.

— Сделайте одолжение.

— Конечно.

— Тогда прощаемся.

— Да. До свидания.

Эрик положил трубку. Его беременная жена лежит в снегу. Снег сыплется в ее открытые глаза, снег хоронит ее. Или она решила не рисковать? Решила обойтись без лотереи поездов, услышала на станции, что доехать невозможно, и надумала укрыться в более удобном месте — тут, под боком? Он поднялся по лестнице в ванную и выглянул в окно. Свет в темноте — слабый, как звезда, дрожащий, как звезда. Спустился обратно. Нужно выпить. Пришло в голову выражение — «взять себя в руки». Что это значит? И как это осуществить? Его слегка удивило, что он все еще в пальто. Бывают времена, когда тело просто таскается за тобой, как пес или младший братец. Он взял сигареты, взял бутыль с водкой, которую оставила эта глупая сучка, и пошел в гараж. Сел в машину. Представил себе, что едет, что по ветровому стеклу бегут звезды. Сказал вслух: «Неделю назад я был счастлив». Спустя полминуты доба-

вил: «Нет, не был». Кивнул и сделал глоток из горлышка бутыли.

Дети были уложены. Воспитательница подоткнула им одеяла. Почитала им на ночь своим надоевшим голосом. Все это Айрин слышала — их ходьбу, перекрикивание, унимающее «тсс», открывающиеся и закрывающиеся двери. Когда воспитательница вошла к ней, она притворилась спящей. Лежала на боку лицом к окнам, слушала, как она приближается, подволакивая ноги, чувствовала идущий от нее запах (похоже на детский бальзам «Викс» — может быть, втирала в грудь ребенка). Потом стало слышно, как она уходит, утихающие шлепки подошв по лестнице. Подождала, по ощущению, с полчаса и выскользнула из кровати. Ощупью добралась до двери. В коридоре было темно, но опять ей подсказала путь вода в старых трубах. Дверь ванной, ванная, затем полминуты она шарила по стене в поисках выключателя. Дверь не запиралась. Ну и пусть. Она выбрала среднюю ванну. Есть еще горячая вода, или дети всю ее извели? Есть, есть, там в подвале какая-то старая печь топится, небось, горами угля, поленьев. Или просто там останки пассажиров поезда, троих мужчин из ее купе, трубка, котелки, газета и прочее, все это вздыма-

ется в розовом сердце пламени, трепещет, а затем оседает пеплом…

Она пустила холодную воду, водила рукой, смешивая с горячей, вода качалась в серой эмали. Быстро разделась, повесила ночнушку на один из крючков, дубленку парой крючков дальше. Опустилась в воду сквозь пар. Сделала бы горячéй, будь она сама по себе. Правда ли, что от горячей ванны бывает выкидыш? Горячая ванна плюс джин — и готово. Скорее всего, неправда, подумала она, из тех заблуждений, что Эрик поднимает на смех. Но что мешает девушке попытаться?

Помылась с белым, резко пахнущим мылом. Наконец-то она согрелась. Теплая вода разбудила младенца. Он крутанулся внизу живота, — пяточка размером с розовый бутон. «Маленький путник», — сказала она и заплакала. Когда-нибудь, гуляя с ним вдвоем, она объяснит, расскажет. Это будет их шутка.

Откинулась назад, положила голову на подушку потемневших зимой волос. Позволила векам опуститься. Она была… в самолете, трансатлантический рейс британской авиакомпании, стюардесса в белых перчатках, похожая на Грейс, княгиню Монако, наклоняется к ней с вопросом, нужно ли ей что-нибудь. (Мои перчатки? На-

деньте, пока они теплые. У вас тоже маленькие руки.)

Дверь позади нее открылась. Она лежала в полной неподвижности, только веки дернулись вверх. Готовилась услышать воспитательницу, получить нагоняй — но показался мальчик лет девяти-десяти в пижаме со звездами и ракетами. Он приостановился. До этого крепко спал, может быть, видел сон. Что он сейчас почуял? Он поднял руку, описал ею изящную дугу, расчищая перед собой воздух. Потом взялся за латунную дверную ручку ближайшего туалета, вошел, дверь оставил открытой, спустил пижамные штанишки до колен, помочился, подтянул штанишки и вышел, бормоча себе под нос какое-то заклинание от того неожиданного, что ему почуялось в ванной; его слова, которых невозможно было разобрать, казались пурпурными пятнышками фиалок под слоем снега.

В столовой, где четыре обогревателя разных типов, чадя и мерцая, боролись с холодом, которым тянуло от не застеленного ковром пола к коленям и выше, Билл и его родные собрались для вечерней трапезы. И каким-то образом Колин, слуга, ухитрился оживить люстру (часа три, стоя на стремянке, возился с проводами). Теперь сидели

под ее световым дождем. Отец Билла украсился шелковым галстуком и дымчатыми очками; он ухмылялся чему-то и играл столовым ножом. Мать Билла наложила на веки густые зеленые тени. Если бы она вместо того, чтобы рассматривать мужа и сыновей, прикрыла глаза, ее веки можно было бы принять за погребальных наглазных скарабеев, требуемых ритуалом лондонских кладбищ — Барнета, Уолтем-Фореста, или куда там ее в итоге понесет траурная ладья.

Чарли растолковывал современное искусство. Начал в шутливом тоне — секс, безверие, слова, написанные поверх других слов; но теперь его голос стал гуще, наполнился чувством.

— Нам бы собаку тут завести, — сказала мать. — Нет, не немецкую овчарку. Маленького песика.

Вошел Колин со столиком на колесиках. Он был заставлен бутылками. Что, уже поели, значит? Билл посмотрел на стол, на тусклое серебро. Пьян он вроде не был, но трезвым себя точно не мог назвать. К примеру, он курил «житан» из купленной в клубе пачки.

— Да, песик тебе определенно нужен, — сказал он. — Такой, чтобы ты его в сумочке могла носить.

— Спасибо, Билли, — сказала его мать.

— Будет делать тут свои дела, — сказал Чарли. — Представь себе: запускаешь куда-нибудь руку, а там что-то теплое…

Она состроила гримасу, но с таким видом, словно не прочь была послушать еще про ужасы, которые может творить песик.

— Колин будет его на площадь выводить, — сказала она. — Согласны, Колин?

— Согласен, — сказал Колин.

Он обходил стол, наливая напитки. Еще из здешнего: бокалы в этом доме были крупней, чем в других домах. Их едва получалось держать.

— Бинки, — сказала она. — Вот как я буду его звать.

— А почему не курочку? — спросил у нее отец Билла. — Маленькую. Они яйца несут. А собака не несет. Песик уж точно. Билл тебе подыщет курочку.

— Мы в войну с ними намучились, — сказала она с полным убеждением, хотя никто из остальных ничего такого не помнил. Куры? Где? В саду? Все трудней и трудней, похоже, помнить войну — по крайней мере помнить ее достоверно.

Бокалы снова были полны, и в разговоре, пока возобновляли и утоляли жажду, стояло затишье. Мой ум, подумал Билл, это муха в спичечном

коробке. В Оксфорде в тот недолгий промежуток, когда он метил в интеллектуалы, он пошел однажды в Дискуссионное общество послушать дебаты о телеологическом аргументе в пользу существования Бога. После дебатов он вслед за Стэнхоупом вышел в ту дверь, куда выходили говорящие «нет», но сейчас он понятия не имел, кто тогда победил. Досада. Это может быть важно.

— Скоро вы станете дедом и бабкой, — провозгласил Чарли.

Он вытащил из вазы на столе искусственный тюльпан, прицелился им в Билла и стрельнул, как из лучевой пушки.

— Да, — сказал Билл. Он сообщил брату в клубе. — Это правда.

В наступившем молчании Колин выкатил столик. Слышно было, как он, побрякивая, едет по коридору.

— Это всего-навсего ребенок, — тихо сказал Билл.

— Что мы делаем, папа? — спросил Чарли. — Бьем бокалы на счастье?

Их отец наклонил голову. Он и знал, и не знал. На столе перед ним стояла серебряная узорчатая таблетница, похожая на маленькую средневековую дароносицу. Как и многое другое из его

имущества, она казалась добытой грабежом. Он открыл ее.

— Тебе с едой же надо принимать, — сердито сказала его жена.

Окно столовой выходило на площадь. Билл увидел, что уличные фонари начали мигать. «Воздушный налет», — сказал он. Потом замигала люстра — сначала медленно, дальше все быстрей. Они смотрели на нее, по их обращенным вверх лицам пробегала тень, и выглядело это как фильм о них самих, снятый на заре кинематографа: верные получают манну, неверные вот-вот будут вымараны.

Эрик взял с собой фонарик, но светил только себе под ноги. Он был или хотел быть некой скользящей по полю тенью, блуждающим огоньком. Дошел до снеговика. Вздрогнул от неожиданности, хотя, конечно, знал, что он где-то тут есть. Посветил на него. Он выглядел отвердевшим, промерзшим насквозь, скорее ледовиком, чем снеговиком. Подумалось — будь я ребенком, может, вообразил бы, что он преследует меня.

Побрел дальше, расталкивая снег; один раз, споткнувшись, упал на колени, как молящийся, — три секунды неподвижности: может быть, так и остаться? Добрался до калитки. Она была от-

крыта и не закроется, пока не сойдет снег. Вошел в их фруктовый сад. Он никогда еще тут не был. В саду не имелось явной тропинки. Стволы яблонь были примерно с него высотой, и два-три раза он почувствовал прикосновение ко лбу. Упавшие яблоки под сапогами ощущались как щебень. Выйдя из-под деревьев, он погасил фонарик. Дом был слева от него; справа — чернота неосвещенных построек, вероятно, двор.

Есть у них собака? Вряд ли. Это настоящие фермеры все с собаками. Но, пусть не собака, что-то тут есть живое. Слушало, как он идет через сад, чуяло его. Он улавливал слухом влажную тяжесть его дыхания. Лучше прямиком к дому, подальше от этого. Из незанавешенного окна на первом этаже струился свет, ложился на снег желтым ромбом. Он коснулся камня стены и медленно, по-ящеричному, придвинул лицо к стеклу.

Она сидела на полу перед камином. На ней было пальто. Она курила сигарету и что-то говорила. До него — едва слышно — долетал ее голос, но не слова, их он не разбирал. На полу вокруг нее кольцо из предметов (фотоаппарат, моток шерсти, что-то похожее на будильник; еще с полдюжины леденцов или, как он, вглядевшись, понял, вероятно, каких-то таблеток).

Горел верхний свет, горела настольная лампа, горела еще одна лампа на полу около софы. Нигде не было ни малейшей тени, в которой могла бы прятаться его жена. Он что, всерьез думал найти ее тут? Не настолько он был сейчас пьян и не настолько растерян, чтобы воспринимать свои недавние мысли некритически. И даже будь она здесь — допустим, сидели бы вдвоем, замышляли что-нибудь, хихикали, — что тогда? Ворвался бы к ним в развевающемся плаще? Обрушил бы на них свою трость с серебряным набалдашником?

Она метнула окурок в камин. Обхватила колени. Это безобразие, он знал, так на нее пялиться, но до чего же редко выпадает подобный шанс: увидеть кого-то — какую-то — сидящей в лабиринте самой себя, ничего не подозревающей, оголенной, как ветка. Надо бы обучать на таком врачей — под окнами, в темное время суток. Или показывать это по телику, тайные съемки людей наедине с собой (когда он это предложит, ему скажут: отвратительно, постыдно — а потом осуществят). Однажды вечером, конечно, можешь увидеть самого себя. И это тебя изменит.

Его пробрала дрожь. Он забыл надеть шапку; про перчатки и шарф тоже забыл. Ему делалось уже очень холодно, но трудно было поставить

точку, перестать смотреть. Она обхватила себя туже. Стала слегка раскачиваться. В ней на самом-то деле меньше такого? Вряд ли — скорее больше. Он вспомнил их разговор во время вечеринки — он потом шел на кухню готовить кувшин джина с изменившимся мнением о ней. Подумал сейчас, не постучаться ли вежливо в переднюю дверь, а когда она откроет, он скажет (смеясь), что будет рад купить у нее несколько яиц. Изо всех сил постарается иметь успокаивающий вид и, может быть, обмолвится, что если ей нужна будет помощь, то она знает, где его найти. Никакой попытки соблазнения. Порой он искренне ненавидел секс и мысли о нем. Он будет к ней добр; он на это вполне способен. И он видел все это мысленно, представлял себе короткий разговор у двери, слышал и свой тон, и ее, воображал, как устанавливается некое доверие, как обоим делается спокойно и уютно… и вдруг свет погас, и она завопила жутким жалобным воплем ужаса и отчаяния. Он ждал. Не смел шелохнуться, да и не мог. Потом вспыхнула спичка, и ее лицо показалось в окне на расстоянии протянутой руки от его лица — просто овал с широко раскрытыми глазами, неровно освещаемый колеблющимся пламенем. Последняя на Земле, первая на Марсе.

Так или эдак — покинутая.

Вытиралась, делая блестящую кожу матовой, детским полотенцем, грубым, сотню раз прокипяченным в баке. Ванна удалась на славу. Ей надо научиться побеждать, и ванна ощущалась как первый шаг. Ей эту ванну не предлагали, она приняла ее, потому что захотела. Поступила так, как поступил бы мужчина, — они, не спрашивая, пользуются ваннами, временем, людьми. Где они этому учатся? В школе? В клубах? Перенимают от отцов? Имеет ли это отношение к деньгам?

Более или менее сухая, голая, если не считать колец, начала вытирать подошвы ног, держась за скругленный край ванны. Подушечки от ходьбы через поле были стерты и в синяках. Внезапно — звук, слишком слабый и трудноуловимый, чтобы ему можно было дать название, и свет погас. Она выпрямилась и стала ждать. Тьма разлеглась, и откуда-то пришло знание, что разлеглась она на мили и мили, что если встать на крыше, где стужа поползет по коже, и посмотреть во все стороны, то ни точечки света не будет видно нигде.

В голове, ухваченный смекалистым мозгом, еще сохранялся абрис ванной, хотя, конечно, он потускнеет и сотрется — может быть, очень быстро. Она обогнула ванну, протянула руку и

нащупала ночнушку. Надела. Двумя крючками дальше — дубленка. Слава тебе, Господи, что она есть! Повернулась кругом, миновала умывальники, касаясь их неуверенной рукой, затем двинулась туда, где должна быть дверь, нашла ее, отыскала ручку, открыла дверь и выглянула наружу, хотя глядеть там было не на что. Коридор и лестничная площадка были темны по-своему, темнее ванной. Спальня и ее кровать — в конце коридора, по правой стене. Слева, примерно на полпути — лестница. От нее подальше.

Нащупала правую стену и, вполоборота к ней, стала перемещаться по дощатому полу. Широко открытыми глазами искала хоть какой-нибудь свет, что угодно, точку, пятнышко луны в замочной скважине, но тьма была полной, и ее жизнь сосредоточилась в пальцах и в сохраненных памятью эскизах. Медленно, медленно, босыми ногами по голым доскам в компании собственного дыхания. Потом стена кончилась, руки ушли в пустоту. У нее захватило дух, она покачнулась и встала в колышущейся неподвижности, будто на краю расселины. Перед ней — она ощущала это по воздушным токам — проем, которого она не в силах определить, которого тут быть не должно. Картинка в голове померкла. Она повернулась

туда и сюда, к одному ничто, к другому. И почувствовала, как оно входит в нее — смятение, полнейшее смятение. Чего она не учла? Какую ошибку сделала? Вышла из ванной через другую дверь? Попала в другой коридор? В тот, где лестница не слева, а справа? А ее комната, значит, не перед ней, а за ней…

Все тепло ванны, весь ее уют улетучились. Как по пути с поезда, на секунду вспыхнула ярость. Вот как с ней обошлись! Но эта вспышка, подобно той, ничего не изменила. Позвать на помощь? Дети спасут, чего им стоит. Сонно потянутся из своей комнаты, возьмут ее за руки и поведут — взрослую женщину, заблудившуюся в коридоре. Женщину, которой к цветению боярышника предстоит стать матерью.

Смутный стыд привел ее в чувство. Она вызвала в воображении сестру (не накручивай себя, дорогуша, тут не так уж трудно на самом деле). И еще, к некоторому своему удивлению, подумала про Габби Миклоса с его сумрачным тяжеловатым взглядом, носящего в кармане вельветового пиджака несчастья столетия.

Она двинулась в сторону — шаг, другой. Она догадывалась, что находится в середине пути; она была там, куда ее помещало воображение.

Она зажмурилась, воздела руки с распахнутыми ладонями, с разведенными пальцами и, влекомая некой фантазией, что ее ребенок подвешен внутри к ее ребрам и зряч, как магнит или быстрая, летящая через полмира в знакомый сад ласточка, стала мало-помалу подвигаться вперед, сомнамбулически, словно прозорливица, божественно слепая жрица, приближающаяся к святыне.

11 января, пятница

— Нет!! — завопила она, услышав телефонный звонок. Потом бросилась к аппарату, как будто не схватишь сразу — и он безвозвратно куда-то канет.

Голосов не было, вышли размяться. Начали, общаясь между собой, изощренно друг друга титуловать: господин командующий эскадрильей, герр профессор. Они знали, что берут верх. Ночь принесла им большой успех. Предвкушали следующую.

— Мокрая ферма, — сказала она.

— Привет, Мокрая ферма.

— Билл!

— Не разбудил?

— Середина дня, — сказала она. — Или как?

— Здесь — так, — сказал он. — Ты ничего?

— Ничего, — сказала она. — Ты где сейчас?

— В Риджентс-парке. Только что из зоопарка. Кажется, был там последний раз в восемь лет.

— Они тебя не забыли?

— Думаю, забыли, но я был в террариуме, по тамошним не поймешь.

— Кто тебе больше всех понравился?

— Не знаю, кого предпочесть: лопастеносного хамелеона или парусную ящерицу.

— Мило, — сказала она. — Я бы не прочь туда.

— Я бы хотел тебя сводить.

— Вчера вечером свет отключился.

— В Лондоне тоже, — сказал он. — Мы сидели вокруг стола и соображали, у кого разделочный нож.

— Я ни фонарь, ни лампу не могла найти.

Он сказал ей, где они.

— Я знаю, — сказала она. — Теперь-то светло. Я нашла. Ты едешь назад?

— Не сегодня, — сказал он. — Я еще с ним не побеседовал. Его трудно изловить.

— Как парусную ящерицу.

— Скорее как лопастеносного хамелеона.

— Ты сбежал от них сейчас?

— Решил пропустить первые три-четыре приема напитков. Как там Тедди?

— Я машу ему в окно, а он машет мне. У него штаны мешками обвязаны.

— Молоко забирали?

— Я видела вчера, как он грузил фляги на трактор.

— Хорошо. Как бык поживает?

— Скучает по тебе.

— А что с погодой?

— Небо как раскаленная вскрытая раковина, — сказала она.

— Что?

— Это я в твоей книжке вычитала, — сказала она. — В одном романе на полке в кабинете.

В трубке раздались гудочки. Она услышала, как упала монетка.

— Еще раз загудит, и я потопаю, — сказал он. — Мелочь на исходе.

— Значит, сегодня тебя не ждать?

— Если я уеду, не побеседовав, вся поездка теряет смысл. Постараюсь завтра во второй половине дня вернуться. Самое позднее в воскресенье. Сможешь выдержать?

— Выдержу, куда мне деться-то. Как братец?

— Чарли? Невозможен. Несет всякую ахинею.

— Хотя на самом-то деле ты очень даже рад его повидать.

Он засмеялся.

— Да. Рад, как ни странно.

Оба умолкли. На заднем плане, как шумящая раковина, восьмимиллионный город.

— Ты точно ничего? — спросил он.

— Кошка куда-то пропала.

— Ходят истории, — сказал он, — про то, как

кошки сосут молоко у коров. Встают под выменем на задние лапы. По-моему, старый Ричи мне говорил.

— Значит, скорее всего, вранье, — сказала она.

— Скорее всего.

Снова гудочки. Наскоро попрощались, перебивая друг друга. Ей показалось, она слышит автобус. Потом связь прервалась, и она положила трубку. Постояла у письменного стола, руки на животе. Ей тревожиться надо из-за того, что он не растет, или радоваться? Спала она в этот раз на софе. На одном ее конце — скомканная постель. На полу пепельница, почти пустая пачка «эмбасси», лампа из кухни, роман («Жюстин» Даррелла), который она начала читать в половине второго ночи, когда во всех лампочках, будто они крикнули хором, вспыхнул свет. Перед камином защитное кольцо, которое она себе сделала: манометр наддува, отцовский цейсовский фотоаппарат, набор таблеток из бельевого ящика, ее вязание, снимок коровы в венке, два августовских номера «Фермерского еженедельника» за 1961 год. Не очень-то все это ей помогло.

Поднялась в спальню. Открыла гардероб и начала пересматривать вещи, сдвигая вешалки по металлической штанге. Выбрала платье из

ангорской козы и красной шерсти, под него взяла розовую креповую комбинацию. Достала чистое белье, пару зимних чулок; затем стянула с себя и бросила на пол все, что на ней было, и облеклась в прохладу новой одежды. В ванной накрасилась. Там от холода изо рта выдыхался пар. Вставила сережки (лепестки из стразов вокруг крохотных пурпурных аметистов). Из коробки на гардеробе — пришлось встать на стул — вынула свою кроличью шапку. Надела пальто и застегнула до подбородка. День уже выстраивался как воспоминание. Посмотрела на будильник у кровати, посчитала в уме и решила, что если напрямик через Парри, то успеет на поезд в середине часа.

В кабинете, где камин еле теплился, подняла с пола голубой треугольничек дексамила и проглотила с холодным чаем. Завернула в платок и опустила в сумочку две таблетки нембутала. Фотографию коровы — тоже в сумочку рядом с библиотечным абонементом. Стала рыться в столе в поисках денег и нашла три фунтовые купюры под обложкой в конце молочного журнала. На кухне открыла топку «рейберна» и всыпала что оставалось в ведерке. Надела сапоги и перчатки. В сетчатую сумку положила туфли на низком каблуке. Когда открыла переднюю дверь,

от жгучего морозного воздуха перехватило горло, и она закашлялась. Отдышавшись, двинулась через сад, вышла через калитку с застрявшей в снегу открытой створкой в дневное сияние поля. Там виднелись следы — ее собственные вчерашние и другая цепочка, которая тянулась по снегу как-то неуверенно, с запинкой, виляла и блуждала, словно некое слепое существо находило и теряло запах. Но животное было двуногое и в сапогах. Айрин? Кто еще отправился бы через поле? Айрин вернулась! Айрин стояла у фермерского дома, стучалась в дверь бог знает как долго, но ей не открыли (жена фермера лежала на софе в отключке).

Она пошла по полю широкими шагами, верхи сапог терлись об икры сквозь чулки. Ей представилось, что снег вдруг окрашивается кровью — каплями, а там и сгустками. Коттедж из сада при нем выглядел ровно так же, как вчера: безжизненность, все окна темны. Постучалась в заднюю дверь, подергала ручку. Переместилась к кухонному окну, прильнула к стеклу лбом. Конверт по-прежнему на столе, но сейчас рядом с ним пустая бутыль. Она там была? Вроде бы нет, хотя вчерашний день казался бесконечно далеким, а ее вчерашнее «я» — младшей сестрой,

которой еще предстояло узнать, почем фунт ночного лиха.

Оглядела, сколько могла, плиточный пол. Никто на нем не лежал. Всмотрелась в дверной проем между кухней и гостиной. Постучала, не снимая перчатку, по стеклу пальцем, подождала. Дексамил начал действовать, потянулись первые волоконца. Несколько часов голоса будут дохлые, будут валяться навзничь беззвучно, хоть и с раззявленными ртами. Они такого не любили (свои понятия о достоинстве) и потом на ней отыграются, но это будет потом. Когда отступила от окна, оно сделалось зеркалом. Ухватило ее — без неласковости, насколько возможно без нее ухватить: фигура в саду на белом фоне зимнего дня. Нет, с Айрин все хорошо. Айрин в ней не нуждается. Айрин где-то на юге, теплый ветерок колышет белые занавески, слышен стук теннисного мячика…

Обогнула дом и вышла на дорогу. Снег оттуда счистили в глинистые канавы по обе стороны. От холода заслезились глаза, и она встревожилась, что тушь потечет. Хотя какая разница.

Она позвонила родителям из учительской. Ее окно выходило во дворик. Железный столб, утоптанный снег. Трубку взял отец. Сказала ему,

что случилось с поездами. Объяснила, насколько сама понимала, где сейчас находится.

— Нечего им было из Гилфорда выезжать, — сказал он.

Передал трубку матери, и Айрин объяснила все еще раз. Мать спросила, когда теперь ее ждать.

— Я думаю, я просто вернусь в коттедж, — ответила она. — Мне кажется, так будет лучше. Обсудим все это с Эриком.

— Твой папа был в ярости.

— Правда? Я не хотела вас огорчать.

— Само собой, мы огорчены.

— Мне очень жаль, — сказала Айрин. Надеялась, набирая номер, что их голоса ее подбодрят, но теперь подумала — зря им тогда сообщила, не надо было. От воспоминания о том своем утреннем звонке у нее вспыхнули щеки. — Возможно, я погорячилась, — сказала она. — Это всего лишь письмо.

— То есть, может быть, не было того, о чем ты подумала?

— Я не знаю.

— В супружестве бывают перепады, Айрин. Не все мужчины как твой отец.

— Да. Милый папочка.

— И, конечно, брак — это определенные обяза-

тельства. Важные обязательства.

— Да.

Поговорили еще несколько минут. Обсудили оставленную в поезде сумку. На ней была бирка с ее именем и адресом, так что она должна вернуться. Прозвучал намек, что, если бы Айрин приехала на Рождество, ничего подобного не случилось бы. Прозвучало имя Вероники. Год за годом родители говорили о ней как о трудном случае. Теперь, похоже, вот-вот начнут ставить ее в пример.

После разговора она стояла в учительской одна и думала: не такое ли чувство будет, когда их не станет, когда она похоронит обоих на церковном кладбище под обстриженными тисами, под башней с часами без циферблата, которые лишь отбивают четверти часа? Эта смесь одиночества и благодарности, едва ощутимая боль безразличия.

На стенах учительской висели групповые летние снимки учеников перед школьным зданием — год за годом, первые казались сделанными в самом начале века. Почему прошлое видится нам более невинным? Потому что тогда не случился еще Берген-Бельзен? Но ведь голод и рабство уже случились. Может быть, мы путаем прошлое с

нашим собственным детством — хотя и оно, теряя под стеклом безмятежность, становится не тем, чем когда-то было.

Снег во дворике почти не падал — с полдюжины хлопьев, не больше. Дверь учительской открылась. Обернувшись, она увидела воспитательницу, выпускавшую из ноздрей дым.

— Идемте, золотце, — сказала она. — Мы все вас ждем.

Миссис Болт из глубины ящика:

— Миссис Райли просит соединить с вами, доктор.

— Понял. Спасибо. Соедините.

Он взял телефонную трубку. Звонил ей вчера и дважды сегодня утром. Начал убеждать себя, что она уехала, отправилась переждать остатки зимы в Южной Африке или на Ямайке. И вдруг сама ему звонит, а он не готов, нелепо занервничал.

— Алло!

— Алло, — сказала она.

— Как твои дела?

— Все в порядке. А как твои?

— Тоже, — сказал он. — Все в порядке. Тепло у тебя?

— Да, спасибо. А у тебя?

— У нас кончилось жидкое топливо.

— Вот незадача.

— Да.

Где-то в подкладке ее голоса чувствовалось напряжение, которого, казалось ему, он раньше не слышал. Может быть, ей чудилось, что миссис Болт способна их подслушивать, хотя, насколько он знал, это невозможно.

— Айрин уехала, — сказал он.

— Уехала?

— К своим родителям.

— Значит, ты один.

— Да.

— В эти выходные ты на вызовах?

— Завтра. В воскресенье — Габби. Какая вокруг вас обстановка?

— Ты про снег?

— Да.

— Не так плохо сейчас. Можем ездить туда-сюда.

— Ясно.

— А ты?

— Что?

— Можешь ездить туда-сюда?

— Ну, я на поезде ездил, но теперь дороги, большинство, расчистили. Скользко, конечно, но если…

— Потому что я подумала — вдруг ты захочешь приехать?

— Да? Когда?

— Завтра.

— Завтра суббота.

— Я знаю.

— В какое время?

— Примерно в четыре. Сможешь?

— В четыре?

— Да, — сказала она после паузы.

— Ты уверена?

— Да.

— Хорошо, — сказал он. — Согласен. Нам, если честно, надо поговорить как следует.

— Тогда около четырех.

— Да, — сказал он. — Около четырех.

Она положила трубку первой. Потом он положил свою. В приемной ждали пациенты. Надо просигналить миссис Болт, чтобы послала к нему первого. Он смотрел куда-то сквозь просвеченный лампой воздух. Он никогда не говорил Элисон Райли, что любит ее, — главным образом потому, что никогда не был в этом убежден. А завтра в четыре — скажет? Что его брак рухнул, что все выходит наружу, что им надо собраться с духом, выработать план? Вновь краткая фанта-

зия, будто он властен над ходом событий, — но следом, почти сразу, уверенность, что он вот-вот потеряет все, что есть в его жизни ценного. «Лучше с собой покончить», — сказал он. Иметь такой вариант в запасе казалось важным, хотя почти у каждого из знакомых, думал он, побудительных причин к этому больше, чем у него. Взять миссис Герни, к примеру. Или Габби.

Потянулся к переговорному устройству и щелкнул выключателем.

— Благодарю вас, миссис Болт. Я теперь готов.

Опустил взгляд на стопку медицинских карт на столе. Первой была молодая мама с вечно больным ребенком. Не великого ума женщина. Смотреть за ребенком толком не умеет. Будет сидеть напротив, бледная, испуганная. Дитя будет плакать. В какой-то момент он присядет перед ними на корточки. Мамаша приподнимет детскую одежку, и он приставит стетоскоп к маленькой горячей груди. Дитя заплачет отчаянней, и он прикроет глаза, вслушиваясь в рокот его сердца.

Воспитательница провела ее через обшитую панелями столовую, затем по коридорам без окон они прошли к двери с латунной дощечкой, которая вся была в отпечатках детских пальчиков. Там сидел спаниель, дожидался их. За дверью

была классная. Ряды наклонных парт, перед ними учительский стол, два окна, выходящие на просторную заснеженную лужайку, посреди которой распахнул темные крылья кедр.

Дети сутулились за партами. Впереди младшие, на вид лет пяти-шести. В задних рядах подростки. Айрин увидела девочку, бывшую при ней, когда она проснулась. Улыбнулась ей, и на секунду ее обеспокоило, что она не улыбнулась в ответ.

— Добрый день, мальчики и девочки, — сказала воспитательница.

Дети отозвались хором. В классной было холодно, но терпимо.

— Сегодня волнующий день, потому что у нас гостья, миссис Парри. Она ехала мимо нас на поезде, и он застрял в снегу. Миссис Парри гостит у нас, и она любезно согласилась побеседовать с нами. Поэтому сейчас, дети, давайте громко и дружелюбно похлопаем миссис Парри в благодарность за то, что готова уделить нам время.

Дети зааплодировали, младшие — с бешеным энтузиазмом.

— Спасибо вам, дети, — сказала воспитательница. — Достаточно. А теперь миссис Парри скажет нам несколько слов.

Айрин наклонила голову к розовому уху воспи-

тательницы, на удивление маленькому.

— О чем мне им говорить? — спросила она.

Она думала, почитает им что-нибудь по книжке, но книжки не было.

— Вам решать, золотце, — сказала воспитательница, вытряхивая из пачки сигарету. — Просто расскажите им, кто вы есть. Вы для них вестница из большого мира.

Она зажгла сигарету. До чего знаком, должно быть, детям щелчок ее зажигалки! Айрин оглядела класс. Чуть кружилась голова, словно после пары рюмок вермута, хотя утром чай был без того подозрительного налета. Если она упадет в обморок, дети услышат, но не поймут вначале, что произошло. Они сидели, одетые в пухлые вязаные вещи, наклоненные лица были как ладошки. Только пес смотрел ей навстречу.

— Здравствуйте, — сказала она голосом Джойс Гренфелл[68]. — Я страшно рада нашему знакомству.

В задних рядах одна из старших девочек перекинула с плеча на плечо тяжелую косу.

— Я живу на ферме, — продолжала Айрин, — и у нас множество разных животных. Большей

---

[68] Примечания: 68

Джойс Гренфелл (1910–1979) — английская актриса, певица и писательница.

частью коровы, и нам нравится давать им интересные клички…

Час она сидела в новом кафе на Бродмиде (стены мандаринового цвета, гнутые фиберглассовые сиденья, юные парочки) и не ела свои макароны с сыром в сухарях. Потом пила в пабе портвейн с лимонадом. С ней заговорил было мужчина, но отошел, когда сказала ему, что портвейн — лучшее средство от тошноты беременных. Сейчас она в тепле, и это чуть ли не самое главное. Два больших кинопроектора «Кэли», запах угольной пыли, звук лентопротяжного механизма. Она глядит в зал сквозь поцарапанное стекло смотрового окошка. На экране Натали Вуд целует Уоррена Битти. Дымный, темный зал не полон, едва половина. Прозвучал сигнал — полторы минуты до пуска второй бобины. Она услышала, как Байрон перешел к дальнему проектору. Ждала, когда появятся предупреждающие точки на верху экрана. Первая точка — включай мотор; вторая — крути.

— Вот, — сказала она, но он и сам видел.

Пошла вторая бобина. Казалось, тут легче легкого что-нибудь сделать не так. Он вернулся к первому проектору и снял с него бобину. Она смотрела, как он работает. Фильм уже видела, не новинка. Он начал ставить третью. Проверил

угольные стержни лампы. Хотя курить тут вообще-то нельзя, она выпросила у него сигарету и вновь повернулась к окошку.

В перерыве он свинтил крышку с бутылки рома и налил ей и себе.

— Ну, будем, — сказала она.

Выпили — она жадно, он спокойнее. Он изучающе глядел на нее поверх стакана.

— Ты не представляешь, какой холод на этой ферме, — сказала она.

— Всюду холод, — сказал он.

— Наверняка жалеешь, что ты здесь, а не дома.

— Что не дома? Каждый день жалею.

— Думаешь, вернешься когда-нибудь?

Он пожал плечами. Шел восьмой год, как он в Англии. Последние два он знал, что это навсегда.

— А твой-то где сегодня? — спросил он.

— Билл?

На секунду она вообразила, что он, может быть, про ее отца. Он кивнул; она объяснила.

— Тебе бы с ним бы лучше было поехать.

— Кто-то же должен следить за фермой.

— Это ты за фермой сейчас следишь, Рит?

Она показала ему язык. С полминуты они молчали вместе. В зале звучала музыка. Музыка между сеансами входила в обязанности Байрона.

Сегодня это был Чарли Паркер, «Ночь в Тунисе». Он часто выбирал эту вещь.

— Ну, а Глория-то как? — спросила она небрежно, не глядя на него.

Иногда он с ней делился, иногда нет. Зависело, похоже, от того, как в данный момент он на все это смотрит, на них с Глорией, на те прошлые дела.

— Глория нормально.

Она ждала.

— Знаешь, что она затеяла? — спросил он.

— Я ничего про нее не знаю.

— В вечернюю школу пошла.

— Глория?

— Два раза в неделю на автобусе. С полной сумкой книжек.

— Она же не любит автобусы.

— Где-то на краю города. Ни разу не пропустила.

— Ничего себе… — Рита нахмурилась. — …вечерняя школа. — А потом, негромко: — Я рада за нее. — И действительно была рада, хотя картинки очень плохо между собой увязывались. Вот они вдвоем идут домой в таком часу ночи, когда даже соблазнители угомонились и спят, шелестит атласное платье Глории, на ней гусарская

курточка с лисьим воротником — подарок одного из постоянных партнеров. И вот тебе Глория на муниципальном автобусе, в салоне суровый желтый свет, она едет с сумкой на коленях в вечернюю школу на краю города. Переменить-ся, стать другим человеком — это оно и есть? Делаешься тем, о чем все прочие и помыслить не могли, оставляешь их с носом? В дурманном бархате покоев внутри ее головы сонные голоса пошевелились.

— По некоторым предметам идет на высший балл, — сказал он.

— Да что ты!

— Попробует в университет.

— У нее получится.

— Думаешь?

— Конечно, получится.

— По-твоему, в университете пруд пруди таких, как моя сестра?

— Шестьдесят третий год, Байрон. Мир меняется.

— Меняться-то он меняется. Во что превращается — и говорить не хочется.

Она подняла стакан.

— За Глорию.

— За Гло, — сказал он, чокаясь.

Прозвонил звонок: конец перерыва. Он встал, вдруг заторопился. Рита опять повернулась к окошку. Смотрела, как мороженщица не спеша идет в свою комнатку под экраном, задергивает занавеску. Несколько секунд виден был ее силуэт за тонкой тканью, потом свет стал гаснуть, и она пропала.

Последний сеанс кончился, тяжелые двери были закрыты, вечерняя выручка подсчитана, часть мусора из-под сидений убрана (однажды — знаменитый случай — они нашли в бельэтаже ножной протез), и они собрались — Тони, его жена, билетерша, Байрон и Рита — в розовом свете буфета в фойе. Рита отпускала шутки, скрипела зубами и пила джин. Когда, пошатываясь, отлучилась в дамскую комнату, Тони и его жена переглянулись. Тони повернулся к Байрону.

— Кому-то провожать ее на вокзал, — сказал он.

— Мне, похоже? — спросил Байрон.

Все промолчали.

Пошли через Сент-Полз[69] по тротуарам, кое-как отскобленным от снега, с участками льда. Все в этой части города было ему досконально

---

[69] Примечания: 69
Сент-Полз — один из районов центрального Бристоля.

знакомо: тени в дверном проеме, то, как свет фонаря падает на окно четвертого этажа, кто приходит, кто уходит и в какие часы. Он тосковал по новым краям, хотел пройтись в просторном легком костюме по какому-нибудь городу вроде Александрии, где все пышет необычностью, где само небо необычно. Она держалась за его локоть. В ней играла какая-то жилка. Он не знал, что за прихоть у нее на уме, но прихоть точно была.

В начале Портленд-сквер вместо того, чтобы повернуть в сторону Причард-стрит, она потянула его через площадь дальше. Перед ними возник неоновый вигвам, то голубой, то зеленый, то снова голубой.

— Ты смеешься? — сказал он.

— А что, почему нельзя?

— Ты знаешь почему.

— Быстро глотнуть чего-нибудь, — сказала она.

— Ни за что.

— Десять минут. Один последний глоток.

— Ты понимаешь, что значит «нет»?

Она улыбнулась ему, прошла несколько шагов без поддержки и позвонила в дверь. Через продушину под ее ногами сочилась музыка. Открыл молодой человек в замшевом пиджаке. Спросил, состоит ли она в клубе.

— Я тут работала, — сказала она, — а вас не припоминаю.

Протиснулась мимо него и пошла вниз по лестнице.

В клубе было довольно людно, но пока еще не битком. Когда битком, тебе приходилось проскальзывать меж разгоряченных тел, мужские ладони лезли отовсюду. Пройдя через темноту у лестницы, увидела Юджина — он смешивал напитки и поддерживал как минимум две беседы с мужчинами, наклонившимися над стойкой. Она села на край красной скамейки, откуда видны были и стойка, и музыкальная группа.

— Пять минут, — сказал Байрон, нагнав ее.

Подошел к стойке и принес ей полпинты гиннесса. Она вынула из платка в сумке таблетку нембутала и запила пивом. На сцене совсем юная девушка пела *«Strange Things Happening Every Day»*, пела скорее как блюз, чем как спиричуэл. Ее волосы украшал белый шелковый цветок, и голос был для нее слишком велик. Пение сотрясало ее. То ли ее научили всегда выкладываться полностью, то ли она иначе не могла.

Когда Рита отвернулась от нее, то увидела, что Юджин рассматривает ее из-за стойки. Кивок, полуулыбка, и он перевел взгляд на стакан, куда

наливал питье. Самообладание! Он, подумалось ей, пополнел. Песочного цвета волосы были сейчас длинней, но их, кажется, стало меньше. Он признался ей как-то раз, что начинал в убогой клетушке; это было в Ирландии, в графстве Корк. Смешней мужчины она не знала. Богатый человек уже, интересно? Клуб всегда будет процветать, он, можно сказать, на буксире у будущего. И, вероятно, Юджин по-прежнему устраивает вечеринки на съемных квартирах для мужчин постарше, для здешних магнатов, респектабельных донельзя, которые, выиграв войну и пережив пятидесятые, хотят развлечений, пока еще есть силы развлекаться. Их с Глорией маленькое шоу всегда шло на ура. Щедрые чаевые! Но когда Глория перестала участвовать (что ей тот тип сказал? кем он ее назвал?), ей пришлось брать в напарницы Айрис или Пегги, и удовольствие пропало. Трезвеешь и видишь, что за дурачье перед тобой. Да и сама была не лучше, дурнее их была. А Юджин? «Мы, девчонки, просто зарабатываем на жизнь нечестным трудом. Застегните пальтишки, холодно, и пошли в „Раммер“[70], угощу вас горячим ирландским тодди».

---

[70] Примечания: 70

«Раммер» — старинное питейное заведение в Бристоле.

Сегодня ей было его жалко (в голубом свете бара разве не усталый у него вид, не измученный даже?), но сегодня ей всех было жалко. Любить она его никогда не любила; он смешил ее и досмешил до постели, а она позволила этому быть. Или нет, пожалуй, хотела этого, сказала ему что-то про два одиночества (ага, верно, согласился он, расстегивая на ней крючочки). А дальнейшее — врач, который взял пять гиней за анализ мочи, унылые препирательства о том, кто из двоих виноват, дорога к Нэнни Симпсон — какое все это сейчас имеет значение? Она не пугать его пришла. Посидит минутку, потом подойдет к нему и скажет: «Все это быльем поросло, Юджин, не переживай. Я просто хотела бросить взгляд — сильно ли тут изменилось. Мне снится клуб иногда…»

— Допивай, — сказал Байрон.

Он увидел Энни, жену Юджина. А Рита увидела ее, только когда она выросла над столом.

— Ну и наглая же ты, — сказала Энни.

— Привет, Энни, — сказала Рита. — Ты постриглась, тебе идет коротко.

Энни схватила стакан с гиннессом и выплеснула Рите на колени.

— Не суйся сюда, — сказала она. — Тупая дрянь.

Когда вышли наружу, Байрон сказал ей:

— А чего ты ждала?

— Не знаю, — ответила Рита. — Я забыла, что она такая.

— Ну, вспомнила теперь. Когда у тебя последний поезд?

Она сказала, что не хочет туда.

— Так я и знал, — сказал Байрон.

— Глория же не будет против?

— Глории завтра на работу.

— Я посплю на софе под пальто.

— У тебя что-то дома не так? — спросил Байрон.

— Я беременна, — сказала она. — Не знаю, заметил ты или нет.

Он кивнул. Нет, не заметил. Постояли немного, омываемые неоном. У него не было причин думать, что его сестра обрадуется, увидев Риту Ли, но есть вещи, которых делать нельзя, беременную женщину он поздно вечером на вокзале одну не оставит. Пошли, ходу было всего минут десять. Она болтала, он слушал вполуха. Шел, засунув руки в карманы пальто. Она опять взяла его под руку. Предавалась воспоминаниям. Ну до чего же весело было! Время от времени он чувствовал, что ее пробирает дрожь.

Дом был чуть в стороне от Сити-роуд. Поднялись по лестнице. Он подождал ее наверху, стоя с ключом в руке.

В квартире он позвал Глорию. Ее комната была в задней части дома. Она вышла в серебристо-сером вельветовом платье и черном кардигане. Волосы были повязаны полоской зеленого бархата.

— Опоздала на последний поезд, — сказал Байрон.

— Привет, — сказала Рита. И начала рыдать — маленькие волны, горестные толчочки изнутри, они шли, казалось, почти механически. — Я просто замерзла, — сказала она.

— Замерзла и беременна, — сказал Байрон и ушел в свою комнату в другом конце коридора. Хватит с него, что мог — то сделал.

Глория подошла к Рите, взяла ее за руку и отвела в свою комнату, где горел газовый камин. От стоявшей на столе у окна масляной лампы, сделанной из бутылки, сочился свет на ковры. Она сняла с Риты пальто.

— Энни в меня пивом плеснула, — сказала Рита.

— Ты пошла в клуб? Ты ненормальная?

Рита пожала плечами.

— Снимай платье, — велела ей Глория. — Дам тебе что-нибудь взамен.

В гардеробе она нашла халат из махровой ткани. Рита надела его поверх комбинации. Когда Глория понесла платье на кухню, Рита села на софу перед камином. Над каминной полкой висело круглое зеркало в деревянной раме — видела она его тут раньше или нет? — и под раму была вставлена открытка с морским заливом: синяя вода и голубые холмы. На двери на латунном крючке висела униформа медсестры. На столе портативная пишущая машинка. Над ней афиша фильма «День, когда загорелась Земля».

Она свернулась на софе калачиком. Когда Глория пришла обратно, она почти спала.

— Я тебе чай сделала и тост, — сказала Глория. — Давно ты беременна?

— Тысячу лет, — сказала Рита.

— А по тебе не так уж и заметно.

— Это очень деликатный малыш, — сказала Рита.

Она села прямо, взяла чай и блюдце с тостом. Она была дико голодная. Жуя, рассказывала про Билла, где он сейчас, чем там занят.

— Вы с ним ладите? — спросила Глория.

Она видела Билла один раз, в самом начале.

Показалось — странный выбор, но по крайней мере не женатый человек.

— Ладим, — сказала Рита, — правда, иногда у него такой вид, будто он не понимает, откуда я там взялась.

— На ферме.

— Ага.

Глория села на софу рядом с ней. Стали смотреть в газовый камин, на перышки пламени. Вскоре на городских башнях колокола отобьют время.

— Ты, стало быть, фермерша, — сказала Глория.

— Да игра это всего-навсего, — сказала Рита.

— Кончится игра, когда ребенок родится.

— Думаешь, кончится?

— Сама ведь знаешь.

— Ничего я уже не знаю, — сказала Рита. — Ничего. Не должно так быть, согласна? К тому времени, как кто-то родится, я не буду знать, как меня зовут.

— Ты можешь дать ребенку то, чего сама не имела.

— Или то, что имела и имею. Сколько мне выждать, прежде чем поведу малыша в психушку знакомиться с дедушкой?

— Ты просто себя запугала. Все будет нормаль-

но, вот увидишь.

— Байрон говорит, ты в вечернюю школу пошла.

— Самое умное, что я сделала в жизни.

— Хочешь быть учительницей?

— Хочу быть женщиной с мозгами.

— Сейчас медсестрой работаешь.

— Да, в больнице.

— Униформа — глаз не оторвать.

— Мне сразу скажут, если что с ней не так. Там строго. Эту неделю я утренняя. Завтра вставать в пять.

— Прости меня.

— Ничего.

— Не надо было мне сюда.

— Да брось ты.

— Ты не сердишься?

— С чего мне сердиться?

— Не знаю. Я везде пятое колесо.

— Я не сержусь, Рит.

— Я всегда могу сделать то, что в тот раз сделала.

— В тот раз?

— У Нэнни Симпсон.

— Ты смеешься?! Не смей, слышишь? Тогда было одно, сейчас другое. Ты замужем сейчас. У тебя

муж, у тебя дом. Забудь про то место. И про «Пау-вау» забудь, и про Юджина, и про всю эту дурь.

Она повернулась к ней, стала ее рассматривать, эту подругу свою, которую не видела бог знает сколько. Халат был ей велик. Она сидела в нем больным ребенком, за которым надо ночью приглядывать. Ей очень скверно сейчас? Очень она растеряна? Насколько это серьезно? Крупной ссоры между ними не было. Уже и не вспомнишь толком, из-за чего тогда поругались. Холодок, недопонимание, кое-какая правда в глаза (Глория — Рите). У нее свои неприятности были в то время, свои беды, и не имела Рита права говорить, что понимает вещи, которых она не понимала и понять не могла.

Она убрала с софы блюдце и чашку и подтянула к себе Ритину голову, положила на грудь. До этого бросила шиллинг в газовый счетчик, и с полчаса еще камин будет гореть хорошо. Стала гладить Риту по голове. Ей был знаком ее запах. Начала говорить с ней успокоительно, перешла на тот голос, который с острова привезла. Она помнила, как он нравился Рите, этот язык, наполовину речь, наполовину пение, голос, каким в то давнее время ее успокаивали мама и бабушка. От него сердце бьется тише. Оба их сердца. И у младенца

в утробе? Она вытягивала, как яд, холод из Ритиного тела. Чувствовала, как она мягчеет. И сама уже наполовину спала. От газа делаешься сонной, а сколько она в отделении сегодня миль пробегала… Положила голову на подушку. Из комнаты Байрона дальше по коридору доносилось пение Толстяка Домино: «Я хочу проводить тебя домой, прошу, позволь мне проводить тебя домой…»

Чтобы тебя подержали в объятиях. Разве не всем этого хочется? Чтобы подержали хотя бы одну ночь.

Она скользнула дальше в сторону сна, к его безмятежности. Рита свободно обвила рукой ее талию. В вечерней школе в прошлом семестре им показывали слайды разных картин, и на одной, Тулуз-Лотрека, две женщины спали в кровати под теплым одеялом, видны были только их головы, и, хотя они обе были рыжие, она сразу подумала про себя и Риту. Учительница сказала, что они, вероятно, проститутки, но учителя могут и ошибаться.

Его отец стоял в дверях. Билл вылез из постели. Надел поверх пижамы пиджак, стал искать носки и увидел, что не снял их, ложась спать. Отец смотрел на все это. Наконец Билл вытащил из сумки папку и пошел следом за отцом по коридорам

ночного дома.

Кабинетов у отца было два, один в подвале, другой на чердаке. Они отправились на чердак. Если придут гестаповцы, или лондонские полицейские из Летучего Отряда, или близнецы Крэй[71] — кабинет на чердаке будет последним оплотом, местом последнего боя, где ты не дашься им в руки живым.

Там стояли серые стальные шкафы и письменный стол на металлическом каркасе; была электрическая плитка, был сейф — этакий неподъемно замкнутый рот. Барная табуретка, стул, обитый красивой итальянской замшей мягкого коричневого оттенка, и еще один стул, похожий на школьный: простая желтая древесина. Маленькое окно, выходящее на зады, смотрело в сторону Бермондси. Что под звездами, что под тучами.

Отец был в халате с персидским огуречным узором, на шее желтый шелковый платок. На ногах черные кожаные туфли, и под халатом, похоже, на нем была та же одежда, что днем. Для тепла он включил плитку. От ее конфорок шел запах некоего надвигающегося электрического

[71] Примечания: 71

Близнецы Рональд Крэй (1933–1995) и Реджинальд Крэй (1933–2000) — лондонские криминальные боссы.

бедствия. Отец налил себе и Биллу по стаканчику бесцветного напитка. В пепельнице на столе лежала половинка сигары, и он, бережно размяв, зажег ее от клочка бумаги, который заставил вспыхнуть, поднеся к конфорке. Он спросил, как зовут будущего ребенка.

— Пока никак не зовут.

— Элизабет, — предложил отец. — В честь королевы.

— Да, — сказал Билл. — Возможный вариант.

— Или Уинстон.

— Маленьких Уинстонов сейчас, я думаю, великое множество.

— Может быть, Билл?

— Билл?

— Билл-младший.

— А как бы ты посмотрел, если бы я назвал его в честь тебя? — спросил Билл.

— Ну, для этого, — сказал его отец, — тебе вначале надо мое имя узнать.

— По-моему, я его знаю, — сказал Билл. — Я видел твое свидетельство о натурализации. Оно лежало у тебя в бумажнике.

— Ты заглядывал в мой бумажник?

— Это очень давно было.

Отец кивнул.

— И ты хочешь, чтобы мальчика звали Йожеф Шомодьи?

Услышанное из уст отца, имя взволновало его. Почему — поди знай. Некое соприкосновение с правдой, с историей. Сами эти звуки приоткрыли дверь в некий двор — ровно настолько, чтобы увидеть собравшихся там людей. Затем, к облегчению для Билла, дверь снова захлопнулась.

Выпили. Билл открыл папку. Начал разъяснять отцу план переустройства ангара. Звучало как волшебная сказка — еще бы, в два часа ночи так что угодно будет звучать. Он положил страницу с цифрами перед отцом на стол.

— Ты бы маме это показал, — промолвил отец. — Она ходячий компьютер. Не человек, а Ай-би-эм.

— Хорошо, — сказал Билл.

— Она нездорова.

— Да?

— С чего ей быть здоровой? — Не глядя на цифирь, отец тронул угол листа тупым пальцем. — Тут все сходится?

— Да, — сказал Билл. — Пересчитывал много раз.

— Автоматика?

— По максимуму.

— Как ты к людям относишься?

— К некоторым — хорошо, — сказал Билл.

— А к жене?

— Хорошо.

— Когда ты был маленький… — начал отец. Сделал жест сигарой. И не стал договаривать.

— Ты будешь спящим партнером, — сказал Билл.

— А если проснусь?

— Тебе не понадобится.

— Раз в год можешь присылать мне большой стейк.

— Раз в месяц, если хочешь.

— Я не богач какой-нибудь, — сказал отец, осклабившись.

— Само собой, — сказал Билл.

— Банк тебе что-нибудь даст?

— Если найду, где взять половину.

— Банки, — сказал его отец, — первые ворюги на свете. Запомни это.

Он опять наполнил стаканчики, встал, обогнул письменный стол и прошел туда, где за дверью на полу валялось с полдюжины кожаных портфелей. Выбрал один, стер с него пыль рукавом халата, положил его на стол и расстегнул. Потом направился к сейфу и сел перед ним на корточки.

Билл слышал, но не видел, как поворачивается замок. Когда отец поднялся, из каждой руки у него веером торчали пачки наличных. Он положил деньги на стол и вернулся к сейфу. Запер его после того, как сходил к столу четыре раза.

— Брось-ка взгляд, — сказал отец.

Пачки были стянуты резинками. Билл взял ближайшую и пролистал. Это не были новенькие купюры из кассы — это были деньги из кошелька, из брючного кармана, из старого чайника на каминной полке, из-под матраса. Скопленные, сэкономленные, припрятанные, переданные в арендной книжке сборщику, стоящему на лестничной площадке с немецкой овчаркой. На купюрах поновее — молодая королева. Смотрит мимо, оскорблена, губы поджаты.

— Сколько здесь, по-твоему? — спросил отец.

— Не могу точно сказать, — ответил Билл. — Десять?

Отец кивнул. Рад, похоже, что у него есть сын, способный распознать десять тысяч фунтов, когда их вывалили перед ним на стол.

— Клади в портфель, — сказал он.

Билл встал, чтобы этим заняться. Отец смотрел на него, пока он аккуратно укладывал деньги. Они едва поместились в портфель.

— Хочешь от меня что-нибудь? — спросил Билл. — Расписку там?

— Это подарок, — сказал отец. — На подарок какие расписки?

В спальне при свете прикроватной лампы с зеленой велосипедной лампочкой — из тех необычных светильников военного времени «на экстренный случай» — Билл сидел на кровати, положив около себя портфель. Время от времени открывал его и заглядывал внутрь. Деньги являли ему себя, как цветы на закате, как мятые соцветия энотеры на высоких стеблях, распускающиеся тут и там позади шиппона августовским вечером. Он встал, поднял портфель, опустил. Угадай вес, выиграй приз! Он засмеялся — насколько мог приглушенно. На обратном пути с чердака, пока шел по коридору, он боялся, что начнется сеанс отвращения к себе, моральной тошноты. Но ничего не началось; может быть, наоборот, что-то кончилось. Он ощущал полноту жизни. Будь тут Рита, занялся бы с ней любовью. Давненько у них этого не было. Какое у нее будет лицо, когда он покажет ей деньги? Он вообразил (еще один приступ сдавленного смеха), что показывает деньги быку. Засунул портфель под кровать. Запереть бы дверь спальни для полного счастья — но не было

ключа. Погасил лампу и залез под одеяло, стремясь поскорее защититься сном от неопрятных мыслей, способных отравить момент торжества. И, как в прежние дни, когда ложился спать в этом доме, начал шепотом перечислять в подушку названия потаенных рек Лондона. Когда-то он знал все эти подземные реки, но сейчас запнулся на Уолбруке, услышал его гулко журчащий ток, испугался на секунду, а затем отдался ему, позволил нести себя (черные лепестки, маленькие ладошки) туда, где воды ширятся и поднимаются навстречу утру.

12 января, суббота

Его первый пациент был в деревне, в одном из бунгало в конце дороги. Он отправился пешком — это всего минут десять. Дул ветер, и довольно резкий, но без снега. Он надел теплое пальто, кожаные перчатки, шарф. Сапоги, решил, не нужны, сгодятся ботинки на толстой подошве. Взял сумку и в путь (вот я иду по деревне, сельский врач). Когда шел мимо магазина, ему помахала тень миссис Кейс, и он помахал в ответ. Именно она позвонила ему насчет мистера Эрла. Сосед мистера Эрла забеспокоился и сказал об этом в магазине. Передавать такую информацию кому следует считалось одной из задач миссис Кейс. Кому следует — обычно значило либо Эрику, либо констеблю Хиллу. Иногда она давала знать пастору.

Бунгало были новые, явно послевоенной постройки. Они стояли полукругом вдоль петли, которой оканчивалась дорога (если тебе надо было дальше, ты шел через пустырь по тропинке, выводившей на бристольское шоссе). Каждый дом был оштукатурен с каменной крошкой, перед ним — маленькая лужайка, и еще одна сзади,

только и места, что сесть и уставиться на сохнущее белье. Тут не услышишь играющих детей. Муниципальная собственность, почти все жильцы — люди на пенсии, некоторые очень старые.

Мистер Эрл жил в доме номер три. Эрик позвонил в дверь. Никто не открыл, и он заглянул в окно гостиной. Занавески были полузадернуты, свет в комнате не горел, но он увидел мистера Эрла в одном из двух кресел. Постучал по стеклу. Мистер Эрл медленно поднял голову. Он сумрачно кивнул, но не сделал попытки встать. Эрик двинулся вокруг дома. Бывшему фермеру садик с единственной чайной розой, с кустом черной смородины и сараем-пристройкой, должно быть, кажется недоразумением. Задняя дверь не была заперта. Она вела прямо на кухню. Он подал голос:

— Мистер Эрл, это доктор Парри!

Кухня была в мерзком состоянии. Он прошел в гостиную. Там стояла стужа. Он раздвинул занавески.

— Здравствуйте, — сказал он.

— Что вы тут делаете? — встревоженно спросил мистер Эрл. Показалось, он успел забыть про лицо в окне.

— Один ваш сосед подумал, что вам, может

быть, плохо.

— Мне не плохо.

— Да?

На нем была пижама, поверх пижамной куртки — рубчатый джемпер с заплатами на локтях. Левая ступня была обута в шлепанец, но правая — голая. Эрик снял пальто и повесил на спинку другого кресла. Опустился на одно колено.

— Можно я гляну?

Он мог, если надо, надрезать штанину ножницами, но ткань висела свободно, и он сумел поднять ее, не задевая ногу. Голень спереди и с наружного бока была блестящая, ярко-розовая и в пузырях.

— Заснул, как балбес, перед камином, — объяснил мистер Эрл.

— Перед этим? — спросил Эрик, кивком показывая на двухстержневой электрообогреватель с выдернутым штепселем, стоящий по другую сторону от маленького очага.

— Да, он самый, — сказал мистер Эрл.

— Когда это случилось?

Фермер пожал плечами.

На кухне Эрик поставил чайник. Вынул из раковины тарелки и кастрюлю. Снял пиджак, закатал рукава рубашки. Вымыл руки, вытер чи-

стым платком. (Айрин следила, чтобы в верхнем ящике всегда был запас; он, заключая брак, видел в этом одно из его ожидаемых преимуществ.) Потом вернулся в гостиную.

— В больницу вы бы поехали?

— Никакой больницы, — отрезал мистер Эрл. — Попадешь — не выйдешь.

— Я ждал, что вы так ответите, — сказал Эрик. — Сильно болит?

Мистер Эрл состроил гримасу. Его боль — его дело.

Эрик открыл сумку. Вынул пинцет и ножницы, стерилизовал их на кухне кипятком, вернулся и начал обрабатывать ожог, удаляя омертвевшую кожу и часть пузырей. Действовал быстро. Два-три раза старый фермер дернулся, Эрик просил прощения. Он старался понять, в каком мистер Эрл состоянии. Он, ясное дело, чрезвычайно крепкий человек. У многих в таком возрасте, с таким ожогом, в таком холоде развилась бы гипотермия. Опасность, конечно, представляла инфекция, но признаков ее почти не было. Не холод ли помог? Он промыл поврежденный участок водой с йодом. Забинтовал ногу марлей, наложил сетчатый бандаж. Измерил давление. Пониженное, но не катастрофически. В сумке у него была

склянка с жидкостью из дома Питера Герни. Либо это, либо аспирин. От аспирина, подумал, толку будет немного. После небольших уговоров («Вы же не хотите, чтобы я вызвал скорую, правда?») мистер Эрл глотнул из чайной ложки. Несколько миллилитров, не больше.

На кухне Эрик заварил чай, затем поискал в шкафчиках, что тут имеется съестного. Нашел банку запеченной фасоли, банку мозгового горошка, банку пудинга с говядиной и почками. Разогрел половину пудинга и выложил в миску. Посидел с мистером Эрлом, пока он ел.

— Как сейчас себя чувствуете?

— Ничего, хужее бывало.

— По-маленькому хотите?

Да, он хотел. Эрик принес пустую молочную бутылку, и мистер Эрл налил ее до половины. Несчастный сморщенный фаллос…

— А теперь давайте в постель.

Чтобы довести его коротеньким коридором до спальни, понадобилось десять минут. Комната была голая — ничего на стенах, никаких фотографий на комоде. Никаких детей, никакой жены. Очень это горько — быть до такой степени одному? Предстоит ли ему, Эрику, это узнать? В спальне стояла высокая старомодная кровать,

она естественней смотрелась бы в старом фермерском доме, чем в современном бунгало. Эрик стал искать чистую пижаму, выдвигая ящики комода. Нашел. Куртка — ладно, но штаны надо поменять. Он с этим справился, хоть и был послан к чертовой матери. Упрятал фермера в постель, что стоило обоим немалых усилий. Задернул занавески, оставив несколько дюймов, чтобы на большие красные ладони мистера Эрла легла полоска белого дня.

— Часов в пять придет патронажная сестра, — сказал он. — Миссис Драйздейл, она вам понравится. Сделает перевязку и даст вам еще раз поесть. Не надо ее стесняться. Я зайду завтра утром.

Он собрал свою сумку, надел пиджак и пальто и вышел наружу. Не следовало ли все-таки настоять на больнице? В каком состоянии у него сердце? Так или иначе, человек на седьмом десятке, разумеется, вправе отказаться от лечения. Если умрет в своей постели, что из этого? Он сделал для него все возможное. По всему миру сегодня умрут, может быть, сто тысяч человек, так что фермер не отправится в путь в одиночку.

Пока он шел по дороге, начал падать снег — большие хлопья, гонимые ветром. Хороший

снегопад сейчас — и дороги очень быстро опять станут непроезжими; но не успел он дойти до магазина, как снег перестал. Он вошел внутрь и заговорил с миссис Кейс. Попросил ее собрать небольшую коробку для мистера Эрла — то, что, она знает, он любит и что легко готовить.

— Запишите это на мой счет, — сказал он.

Она утвердительно качнула головой.

— Очень хорошо, доктор.

Никакого «счета» у него тут не было. Миссис Кейс этого не одобряла — могло вести к неприятным ситуациям, — но для доктора, так и быть, сделает исключение. Мужчин она считала мало что понимающими, а мужчин важных, образованных — понимающими меньше всех.

Она достала из-под прилавка картонную коробку.

— А как миссис Парри? — спросила она.

Он кивнул. Он изучал вереницу консервных банок на полке в глубине магазина. Вчера вечером, когда он уже пил третью или четвертую порцию, позвонил отец Айрин. С ней все в порядке. Ей, как Эрик и думал, не повезло с поездом. Какие у нее планы, он не спросил и ему не сообщили, и только после разговора он осознал, что ему так толком и не известно, где она. Вроде бы не у родителей,

если он не упустил чего-то, а упустить он мог. Разговор окончился серией замешательств; каждый из двоих выкладывал свое молчание, словно карту в игре. Впредь, по всей вероятности, ничего из этого они поминать между собой не будут.

— Жива-здорова, — ответил он миссис Кейс. Взял банку острого индийского супа маллигатони.

— И это тоже на мой счет, хорошо?

Когда она первый раз проснулась, комната была не комната, а пейзаж, рассветное озеро с туманом над водой. У письменного стола перед пишущей машинкой сидел ее отец в красном кардигане, который она ему связала (на это ушли месяцы). Он курил, смотрел не столько на нее, сколько на дверь, или, может быть, вообще не смотрел ни на что толком. Думал, вспоминал. Зачем он пришел? За ней? Она знала, что это не сон, потому что чувствовала запах его сигареты.

— Папа?

Он повернулся к ней и улыбнулся.

— Возвращение человека-невидимки, — сказал он.

Когда проснулась второй раз, в комнате было светло, униформа на двери уже не висела, и другая половина постели была холодная. Она лежала

укрытая до подбородка и смотрела на афишу фильма «День, когда загорелась Земля».

НЕВЕРОЯТНОЕ *сбывается.* НЕВОЗМОЖНОЕ *становится фактом.* НЕМЫСЛИМОЕ *осуществляется. Этот фильм делает тебя очевидцем самых поразительных событий завтрашнего дня!*

Там были кадры из фильма: напряженный разговор мужчин, толпа, жадная в оставшиеся часы до любых удовольствий, Эдвард Джадд в главной мужской роли, наклонившийся поцеловать Джанет Манро.

Спустила ноги с кровати. На ней была ее комбинация. В комнате стоял холод, впрочем, не такой, как на ферме. Она чувствовала себя и ужасно, и хорошо, в голове и муть была, и ясность. Опустила взгляд на розы своих колен. Один план — она вынесла его из сна в явь — был такой: вернуться на ферму и проглотить все таблетки, какие найдутся, запить любым питьем, какое есть (сидром?). Но во сне ящик для белья был набит таблетками; наяву она знала, что их не хватит. Чтобы надежно, надо самое меньшее двадцать штук секонала, примерно две тысячи миллиграммов (откуда она знает дозу? от кого-то, с кем танцевала в клубе?). Если проглотить все,

что есть, добавить полпузырька аспирина из ванной и где-нибудь спрятаться — в яблочной комнате, в сарае, — то, может быть, и получится, но, скорее всего, найдут, откачают все из желудка и отправят домой. Или пошлют к отцу? Как легко это себе представить! Первый день в отделении.

Она встала, покачнулась, выправилась и подошла к окну. Под ним была плоская крыша ванной этажом ниже. Приложив усилие, сумела поднять скользящую раму. Высунулась наружу, смахнула рукой намерзшую корку с пятнышками сажи, зачерпнула обеими ладонями более чистый снег и прижала к лицу, не отпускала, пока не стало больно.

— Если делать, то как следует, — сказала она, обращаясь к отпечатку своего лица в горстях. — Не наполовину.

Выбросила снег обратно на крышу и закрыла окно. Надела махровый халат и пошла искать свое платье. Оно висело в кухне на спинке стула. Было сухое. От гиннесса на ткани осталось еле заметное облачко. Принесла платье в комнату Глории. Одевшись, села за пишущую машинку. В нее был вставлен чистый лист бумаги. Она смотрела на него, потом подняла руки над клавишами и начала печатать. В лучшие дни в «Городе

и графстве» у нее выходило шестьдесят слов в минуту. Печатала с минуту, не больше. Читать, что получилось, не стала.

Вынула из сумочки фото коровы в цветочном венке и вставила под раму зеркала около открытки с голубыми холмами. Вот ради чего, подумалось, она сюда явилась. Привет, пока, привет, пока.

Начинало подташнивать. Она пошла на кухню съесть что-нибудь. Нашла коробку крекеров «Риц», сжевала три, выпила кружку воды из-под крана и вышла на улицу. Только дойдя до Брансуик-сквер, поняла, что забыла у Глории свою кроличью шапку, хотя чем больше она об этом думала, тем вероятнее казалось, что оставила ее в «Пау-вау». Почему-то это ее рассмешило. «Беги, кролик, беги, кролик, беги, беги, беги!»[72] Пожилая женщина, идя навстречу, поджала губы и бросила на нее быстрый взгляд, где чудилось что-то птичье.

Пересекла вереницы угрюмого транспорта, дошла по Юнион-стрит до арок разбомбленной церкви Святого Петра. В кафе около рынка заказала сэндвич с сосиской и кофе со вспенен-

---

[72] Примечания: 72
Слова из популярной во время Второй мировой войны песни.

ным молоком. Когда принесли, выпила кофе, но сэндвич оставила нетронутым под сложенной салфеткой. Она сидела на табуретке у окна. На кухне звучало радио — военный оркестр. Марш из «Разрушителей плотин»? Она зажгла сигарету, развернула платок, где покоилась, как в гнезде, последняя таблетка нембутала, посмотрела на нее, подумала и завернула обратно. Этим утром голосов не было. Попробовала их нащупать, но место, где они обретались, было выскоблено и немо. Они что, все свое дело сделали? Подготовили почву для чего-то нового? Не об этом ли приходил сообщить отец? Она оглядела кафе — в нем сидело еще четверо-пятеро. В какую минуту просишь помощи у чужого человека? И у которого из чужих? У того, кто больше смахивает на тебя? Или меньше?

В конце Корн-стрит была телефонная будка. Рита прошла через рынок. В будке стояли двое, парень и девушка, очень юные. Казалось, они поют в трубку. Выйдя, обошли ее каждый со своей стороны, чуть невежливо, но ей не было обидно. Девушка оставила в будке запах духов — что-то необычное, новое, слегка дымное, чем ей самой в ее возрасте душиться поздно. Она нашла в сумочке номер, записанный на автобусном билете.

Подняла трубку, опустила монетки в щель и набрала номер. Когда миссис Болт ответила, она спросила, нельзя ли соединить ее с доктором Миклосом, но миссис Болт продолжала говорить, как будто настоящую миссис Болт заменили какой-то имитацией. Несколько секунд молчания, а затем снова: «Двенадцатого января, в субботу, врач на вызовах — доктор Парри». Голос продиктовал его номер. «Тринадцатого января, в воскресенье, врач на вызовах — доктор Миклос…»

Прослушала это еще раз, а затем позвонила доктору Парри. Была мысль попросить к телефону Айрин, но, когда он взял трубку, она не смогла ничего сказать вообще.

— Алло… Алло?

Его дыхание, ее. Она повесила трубку, вышла из будки и направилась к старому мосту, перекинутому через гавань. На середине моста подошла к перилам. Внизу вода замерзла намертво. Баржи с дымящимися трубами стояли схваченные льдом (впрочем, они всегда, как ни посмотришь, стоят на месте). Две серебристые чайки вышли было на середину льда, но затем со злобными криками резко взлетели. Накатывали конькобежцы, трое со стороны Редклиффа, руки у каждого сведены за спиной, согнутые тела таранят воздух. Не походи-

ло на гонки, но двигались они быстро, враскачку, вровень, плечо к плечу, долго скользили после толчка, лица смазаны, нечетки, замутнены холодом и скоростью. Вдруг она услышала звон коньков — будто бренчат шпоры! Пронеслись под мостом, и она содрогнулась, внезапный трепет падения, схватила с судорожным вздохом перила и почувствовала, как по животу остро полоснула тень их езды. Еще с минуту стояла там прикованная, лицо белело, как странный цветок, руки в перчатках не отпускали железо перил. Потом, словно уже ранена, словно уже течет кровь, прошла остаток моста. Вокруг нее город жил своей деловой жизнью, день развертывался как большой прейскурант. Даже иные из маленьких темных церквей были выставлены на продажу. Их кости напитала река, и они слишком много всего повидали.

Пришли скауты. У них были салазки, которые они переделали в сани с сиденьем и местом для ног. Ни волчьих, ни медвежьих шкур — но имелись одеяла, кусок клеенки, красная подушка из скаутской хижины. Их вожаку было семнадцать. Ясные зеленые глаза, лицо будущего кардинала, или любимого всеми командующего элитным полком, или просто хорошего человека. Он пред-

ставился как Орландо. Говоря, он краснел. Айрин и воспитательница пришли от него в восторг.

Детей по-быстрому запихнули в пальто. Сани подтянули к переднему крыльцу. Пятеро мальчиков, держа постромки, ждали ее и Орландо. Воспитательница (без пальто) стояла на крыльце, ветер, налетая порывами, сдувал с ее груди пепел. Она крепко обняла Айрин.

— Будете нас помнить, будете, золотце?

Айрин вдыхала ее запах. Чужое тело, комья и тяжи, ужасающая мягкость… зверь из сновидения, которого надо умилостивить песнями и молчанием, злая колдунья, обернувшаяся немолодой женщиной с плохими сосудами и с неким неизбывным горем, на которое ты вольна не глядеть. Айрин уселась в сани. Ее укрыли одеялами и клеенкой. Она укутала голову платком. Помогая ей, Орландо старался смотреть в сторону, мог лишь мельком скользнуть по ней взглядом зеленых глаз. Потом отошел и, взявшись за постромку, стал шестым везущим. Трое справа, трое слева. Налегли, сани дернуло, нос саней слегка приподнялся, и они пришли в движение.

— До свидания, золотце! — крикнула воспитательница. — До свидания!

Дети громко прощались и махали ей, их взгля-

ды расходились веером, как будто отправлялась в путь дюжина саней, иные по воздуху.

Пересекли лужайку, проехали под крыльями кедра. Спаниель скакал следом, пока его не позвали. Где-то очень далеко прозвонил колокол. Была середина дня. Стеклянистый перемежающийся солнечный свет, быстро летящие снежные облака. Мальчики прилежно тянули сани, большей частью молча, хотя изредка Орландо вслух задавал направление или указывал на препятствие. Шли бодрым шагом. Кое-где бежали трусцой, вероятно, удовольствия ради. Им, подумала она, приятно, что они оказались нужны. Двигались по снежной целине. Если кто-нибудь оступался, другие дружелюбно подтрунивали. Кругом была открытая местность. Невысокие меловые холмы, темные полосы леса, усыпанного снегом. Ей хотелось спросить, далеко ли ехать. Но им пришлось бы остановиться и обратить на нее внимание, а потом снова трогаться в путь. Да и какая разница — далеко или нет? Ей некуда было спешить. Она знала, что означает то письмо, хоть и не сказала матери об этом твердо. Какие тут могли быть сомнения? Она возвращалась в неудачу и к тем унылым оправданиям, что неудача породит. Она видела их двоих, себя и Эрика, по разные сторо-

ны кухонного стола, вглядывающихся во мрак самих себя, чтобы сказать то, что не имеет уже особого значения. Это, думала она, неизбежно. Так бывает у людей — у людей в их положении. И что-то постыдное тут вдобавок: вляпаться в то, о чем раньше они подумали бы презрительно или с содроганием, как о болезни, не обсуждаемой за столом, о болезни, которая может постигнуть других, но уж никак не нас…

Один полоз наехал на что-то скрытое под снегом, и сани покачнулись, как гребная лодка, затем выправились и двинулись дальше. Один чейн — это двадцать два ярда. Снег есть вода, снежные фигуры — водные фигуры. Они везли ее, ее верные мальчики, словно она была императрица, властительница чего-то и ныне значимого. До чего же это странно, подумала она и откинулась на спинку, положив ладони на жаркий живот и вбирая в себя мгновение как дар.

Он поговорил по телефону с патронажной сестрой. Было два звонка от пациентов. Потом кто-то позвонил из автомата, позвонил и молчал, хотя явно был на проводе. Подумал — может быть, Айрин? Это выбило его из колеи, опять внушило неуверенность.

Он съел свой экзотический суп (чем, собствен-

но, маллигатони отличается от томатного? да ничем практически). День загустел. Он курил. Налил себе и выпил на два пальца виски из бутылки, которую купил в магазинчике около амбулатории (в окно соседней аптеки ему помахал Тилли). Ощущения накатывали и уходили. То он был сам не свой от желания, от потребности прижаться губами к жаркому телу — не так уж важно, чьему — и уничтожиться. То, полминуты спустя, являлась мысль об отце, а потом о мистере Эрле, а потом отголосок сновидения этой ночью, где Айрин, необъятно беременная, стояла в детской и хохотала как сумасшедшая. Уйма скверных снов последнее время, и порой думалось — уж не хочет ли он на самом деле, больше всего остального, просто освободиться от них и от того, откуда они растут, обрести не только покой, но и невинность?

В гараже с третьего раза машина завелась. Дал ей несколько минут холостого хода, после этого сдвинул рычаг у колена, чтобы изменить подвеску. Машина приподнялась. Невольно улыбаешься, когда это происходит: умная техника. Вышел открыть ворота гаража, а затем медленно стал выезжать на свет, глядя, как свет перемещается вверх по капоту, словно счищая темноту.

Двинулся по дороге на второй передаче. Перед выездом на главную крутой подъем, и он обеспокоился из-за тормозов, будут ли держать, но машина справилась, машина надежная. Проехал в сторону Бристоля одноэтажный автобус, почти пустой. Он вырулил на главную. Там на вид довольно чисто, но он решил не разгоняться выше тридцати. Незачем испытывать судьбу.

Впереди возник темный силуэт, который оказался всадником — вернее, когда он приблизился, всадницей. Он дал широкий вираж. Обычно они поднимают хлыстик в знак признательности — но не эта. Поглядев в зеркальце, он увидел, что это девица, которая была у него в гостях, пришла со Стрэнгами. Не красавица, даже не миловидная, но лицо запоминающееся. Сисси? Касси? Сидела с идеально прямой спиной. Явно ездит верхом большую часть жизни. Горе лисице, за которой она погонится.

Не у них ли Фрэнк, интересно? Судя по всему, он очень много времени проводит сейчас у Стрэнгов — преданный оруженосец и вероятный наследник бизнеса, флиртующий с унылой женой, угождающий старику. Элисон говорила, что он всегда, отправляясь к ним, надевает шейный платок, потому что у Эдварда Стрэнга к этим плат-

кам слабость. Ей пришлось показать Эрику, как их повязывают, потому что он понятия не имел.

Проехал амбулаторию, проехал разбросанные там и сям дома (здесь и не деревня, и не город), дальше снова между полей. Пока все нормально. Снег не шел. Земля была укутана, погружена в сновидения под волнистой белизной. Теперь по обе стороны тянулся лес. Вниз под гору до поворота. Боковую дорогу не расчищали, но лунного цвета снег был на ней утрамбован, и кто-то посыпал его мелким красноватым гравием. Перед поворотом на первую подъездную он снизил скорость до пешеходной, увидел багажник машины Элисон, проехал дальше и крадучись свернул на вторую; остановился на своем обычном месте напротив белых металлических ворот гаража.

Большой дом выглядел запертым на зиму, он словно ждал появления теплым майским утром некой жизнерадостной семьи. Он заглушил мотор, вышел и встал, прислушался. Порыв ветра принес звук сирены из карьера. Его всегда удивляло, что после сирены никогда не бывает слышно взрыва и не чувствуется сотрясения воздуха или почвы. Он не мог этого объяснить. Часто замечал за собой, что ждет сотрясения.

Пошел в обход дома. Снег был местами рас-

чищен, и в том, что осталось, виднелись следы сапог, ведущие в разные стороны. Бассейн не прикрыли, хотя, пожалуй, стоило бы. Снег лежал в нем неравномерно. Шале-раздевалка смотрелось игрушкой, сувениром из Швейцарии. Он поднялся по ступенькам к стеклянной задней двери и наклонился, вгляделся. Комната не была освещена, дорогая мебель плавала в полумраке. Он постучал, выждал, постучал еще раз. Через десять лет, подумал, или через пять ничто из этого ни малейшего значения не будет иметь, нам и вспомнить-то будет трудно. Он попробовал открыть; было не заперто. Стряхнул с ботинок снег и вошел.

— Элисон?

Закрыл за собой дверь и продвинулся глубже в комнату. Он не домушник, он врач. И не проделал ли утром примерно то же самое в бунгало мистера Эрла?

В комнате, как всегда, было слишком тепло. Как медик и как, в некотором роде, социалист он этого не одобрял. Но приятно все же — отдых от бесконечной борьбы с холодом, никак эта чертова зима не уймется. На секунду-другую дикая мысль: растянуться на софе и вздремнуть. Она увидит его спящим, как Златовласку, и разбудит

поцелуем. (Хотя это, конечно, из другой сказки. Медведи не целовали Златовласку. Что они с ней сделали у себя в доме — с одинокой малолетней обидчицей?)

На столике не было ни бокалов, ни немытых кофейных чашек. Журналы — «Сельская жизнь» — лежали аккуратной стопкой; пепельница была пуста. Он опять позвал ее по имени, но прозвучало приглушенно: он так пустил имя плыть по смягченному теплом воздуху, будто знал, что, играя в некую странную игру, она стоит по ту сторону закрытой двери в коридор. Невозможно было представить, что она забыла про назначенную встречу. Ведь это она ему позвонила, ее инициатива. Хотела поговорить как следует… хотя, возможно, это были его слова.

Подняться в спальню? Он знал дорогу, чего уж там. Пришлось бы, однако, пройти через эту закрытую сейчас дверь, а почему-то он этого не хотел. Вернулся к стеклянной двери в сад (по этому ковру можно ходить совершенно беззвучно) и посмотрел на шале-раздевалку. Открыл дверь и снова вышел на холод, затворил дверь за собой. Спустился по кирпичным ступенькам и поднял взгляд на окно спальни. Занавески были задернуты. Его удивило, что он не заметил этого, когда

подходил. Или они не были тогда задернуты?

Над голыми деревьями в конце сада переполошились из-за чего-то, что они видели, а он нет, грачи. Он начал чувствовать себя идиотом, втянутым в непонятную игру. В доме он расстегнул пальто; теперь опять застегнул. Решил, что надо уехать — безотлагательно, быстро и тихо. Уехать и побыть там, где можно это обдумать — это чувство, которому он еще не подобрал названия.

Дойдя до угла дома, увидел свою машину — *bleu nuage*, почти цвет сумерек, лишь ненамного светлей. Еще три шага, и он встал. Ворота гаража были открыты. Внутри, без всякого сомнения, черный блеск и большая серебристая решетка «зодиака».

— Добрый день, Парри.

Каким-то образом за спиной у него оказался Фрэнк. Эрик обернулся.

— Добрый день, Фрэнк.

На нем была боевая гимнастерка, камуфляжные штаны. В опущенной левой руке он держал, покачивая, длинный лук. В правой — стрелу.

— Приехали повидать Элисон?

— Да. Она звонила в амбулаторию. Вчера, насколько я помню.

— Возможно, нездорова.

— Что с ней?

— Вы же врач, а не я.

Посмотрели друг на друга. Фрэнк улыбался. В гараже, в узком промежутке между машиной и стеной, какое-то движение. Оказалось — Джон, их отпрыск. Вышел из гаража с крикетной битой в руке. Мужчины смотрели на него.

— Я тут думал, — сказал Фрэнк, — как с вами быть. — Он поднес стрелу к луку, вставил тетиву в прорезь. — А потом Джону пришла в голову светлая мысль.

— Если Элисон нет дома, — сказал Эрик, — у меня есть другие пациенты.

— О нет, она дома, — сказал Фрэнк. — Моя жена дома. Она просто не хочет вас видеть. Больше не хочет. Вы думали, вы ее знаете? Зря вы так думали, точно вам говорю. Может, думали, что и меня знаете, умник вы наш. А суть-то в том, Парри, что вы гнида, и этот маленький спектакль поможет вам усечь, что ширинку надо держать застегнутой.

Он поднял лук.

— Пьяный вы, что ли? — спросил Эрик.

Он знал, что не пьяный, но какие-то слова надо было произнести. Его жизнь вошла в полосу под названием Хаос, но в Хаосе тоже есть свои прави-

ла, своя проформа.

— У этой стрелы, — сказал Фрэнк, — боевой наконечник. Оленя валит за шестьдесят ярдов. А между нами сейчас сколько, пять? Так что стоять тихо-спокойно и смотреть спектакль.

Подросток приблизился к «ситроену». Подошел с водительской стороны, постоял пару секунд, глядя на машину не без восхищения даже, а потом поднял биту и хряснул. Ветровое стекло вдребезги.

— Осторожней с осколками, — сказал Фрэнк. — Хотя у нас же тут врач, конечно.

Подросток двинулся вокруг машины. По каждому окну лупил битой. Когда высадил заднее, Фрэнк сказал:

— Ну, это точно шестиочковый.

Покончив с окнами, парень разбил фары и задние фонари. Перешел к корпусу. Два, три, четыре удара по капоту. Сталь сминалась, как бумага. Он дважды саданул по крыше, и тогда отец велел ему прекратить.

— Придется купить ему новую биту, — сказал Фрэнк. Потом сыну: — Посторонись маленько, а то он решит, что ты мозги ему хочешь вышибить.

Эрик двинулся к машине. Открыл водительскую дверь и рукой смахнул осколки стекла с

сиденья в углубление для ног. Не смог сразу найти ключ; потом отыскал его и запустил мотор. Перекрутился, чтобы смотреть в дыру на месте заднего окна. Поехал задним ходом, очень аккуратно, будто давая показательный урок, будто снимаясь в государственном учебном фильме про задний ход. При каждом движении ощущал и слышал стекло под собой. Он знал, что они смотрят, и важно было на них не оглядываться. Выехав на дорогу, начал говорить с самим собой — сущая галиматья. Она испугала его, и он перестал. Добрался до главной дороги, повернул на нее. Вместо внутренних запахов салона — табачного дыма, кожи сидений — его остро просквaживал ветром наружный мир. Он стал разгоняться, и воздух понесся так, что лицу мигом сделалось больно. Правая ладонь, он почувствовал, была мокрая. Бросив взгляд, увидел, что она рассечена и кровоточит, кровь извилистой струйкой текла по запястью и темными каплями падала на колени. Пассажирское сиденье все было в осколках — диковинный трон. Показалась встречная машина. Когда проезжала мимо, и водитель, и пассажир повернулись, уставились. Автомобиль-призрак с призраком за рулем! А вдруг его пациенты? Он не разглядел их толком.

У ворот какой-то фермы остановился на обочине, вышел и присел на корточки у водительской двери. Прижал ладони к лицу — и вспомнил про порез. Теперь наверняка вся щека в крови. Пришла мысль про девчонку на лошади: будет ехать сейчас мимо, посмотрит с огромной высоты вниз и увидит его, скрюченного мужчину с вымазанным кровью лицом. В этом возрасте она может еще воображать, что способна выбирать себе мир обитания. Помощи она ему не предложит.

Он поискал по карманам сигареты. Нашел и зажег от прикуривателя в машине. После того что сотворил парень, удивительно, что столько всего еще в ней работает. Докурил до половины и бросил себе под ноги, на темный лед. Поехал дальше. Надо успеть до полной темноты свернуть с главной. Другого плана, кроме как вернуться в коттедж и спрятаться, у него не было, но, когда проезжал мимо неосвещенной амбулатории, он вдруг четко осознал, что ему делать. Правый поворот, потом еще один правый, минута езды мимо желтых окон раннего вечера — и на двор перед большим серым каменным домом. Это здание с островерхими фронтонами и арочными окнами, должно быть, в прошлом стояло наособицу посреди ухоженного участка, но сейчас

довольствовалось одинокой вишней, унылой, как нашлепанная девочка, в углу бетонной парковочной площадки.

Он остановил машину там, где было поменьше света, и сидел некоторое время, стараясь овладеть собой, прекратить это невыносимое погружение в плоть, в безмыслие. Потом вышел и направился к подъезду. Дом был поделен на квартиры. Он позвонил в квартиру верхнего этажа. Когда дверь открылась, его лицо, онемевшее от холода, не было способно ни на улыбку, ни на какое-либо выражение вообще. Его приветствие прозвучало так, будто его хватил инсульт.

— Входи, — сказал Габби.

Он посторонился, а затем повел Эрика вверх по лестнице, легонько касаясь его спины дружеской рукой. В квартире они прошли в кухню-столовую. Дом, судя по всему, был старый, но начинка — вполне современная. Габби выдвинул стул в торце обеденного стола и усадил на него Эрика. Принес свою врачебную сумку. Порез — на возвышении большого пальца руки — был рваный и на удивление глубокий. Габби обработал его и перевязал. Смотреть, как он действует, примечать мелкие отличия было интересно. Из углового шкафа он вынул два стаканчика. В каждый налил

на дюйм бесцветной жидкости из бутылки без этикетки.

— Давно обещал тебя угостить.

— Сливовица?

— Да.

Выпили. Эрик все еще был в пальто. Он снял с него осколок ветрового стекла и положил на стол. Рассказал Габби, что произошло и почему. Габби слушал, не перебивая. Кончив, Эрик пошел по второму кругу — более пространно, более раскрепощенно. Упомянул о своем отце. Упомянул о паре практических вопросов (он по-прежнему был на вызовах). Имени Айрин не произносил, хотя казалось, что говорит именно о ней. Спросил, можно ли переночевать.

— Само собой, — ответил Габби. Сказал, что спустится и накроет чем-нибудь машину Эрика. В подвале ему отведено место, и там у него есть кусок брезента, достаточно большой, он думает. Потом пойдет в амбулаторию — за домом начинается тропка, ходу всего несколько минут — и заменит сообщение на автоответчике.

— Ты это умеешь? — спросил Эрик.

— Честно говоря, — сказал Габби, — я-то миссис Болт этому и научил.

Он долил Эрику и вышел из квартиры. Эрик

продолжал вытаскивать из пальто осколки, острые стеклышки. Он, подумалось, неделями будет ими сорить. Где ни сядет, что-нибудь после себя оставит — достаточно, чтобы человек уколол палец.

Каждые семь-восемь секунд его посещала фантазия о том, как он убьет Фрэнка Райли и его сынка, укокошит их монтировкой, оставит трупы валяться на их дорожке. Потом, вероятно, пойти в дом и расправиться с Элисон. Она предала его — и ради чего? Ради теплого жилья? Ему живо представилась кровь, проступающая через ее прическу. Вообразил и вновь содрогнулся. А потом увидел себя лежащим на столе у Севена с невынутой стрелой в груди. Как любопытство его взыграет — боже ты мой! Он нарисовал себе трогательную сцену на кладбище: Айрин с ребенком, держась за руки, стоят перед поросшим травой холмиком. Но все фантазии были кратки; едва им предавшись, он тут же их исправлял. Реальность сейчас была более выносима, чем ее альтернативы.

Он осушил стаканчик. Напиток был злой, минеральный на вкус, чуточку медицинский — казалось, его гонят не столько из плодов, сколько из косточек. Он начал обращать внимание

на обстановку. Он не первый раз был в этой квартире — он помогал Габби вселяться, — но впервые теперь увидел ее, когда все расставлено и разложено по местам. Никакого холостяцкого беспорядка, никакого въевшегося запаха жарки. Кремовые стены, голубые занавески, лампа с желтым абажуром. На деревянном полу два турецких ковра хорошего качества. Полка с книгами на двух языках, а рядом с ней картина: дом с карнизами и ставнями, не английский. И, наконец, обеденный стол — большой, возможно, антикварный, накрытый, словно алтарной тканью, толстой крахмальной скатертью. Четыре стула по одной стороне, четыре по другой, стул в дальнем торце и стул, на котором сидел он. Десять. Для Габби? Для Габби, который живет так тихо? Для кого они, все эти стулья?

Он спустился из своей комнаты попрощаться. У него была его сумка, у него был портфель. Мать сидела в своем закутке. Он подошел к ней поцеловать — она уклонилась.

— Если ты вдруг надумаешь подышать сельским воздухом… — сказал он.

Она кивнула.

— Твоему отцу в Бромптон на следующей неделе ехать.

— В Бромптон?

Он подумал о Бромптонской оратории[73], о Бромптонском кладбище.

— К врачу.

— Хорошо бы ты дала мне знать потом, как прошло.

— Он боится, — сказала она, — но не хочет показывать.

И тут, будто в пьесе, он вошел, легок на помине. В руке держал наручники. Взял Билла за левую ладонь, защелкнул одно кольцо вокруг его запястья, а другое нацепил на потертую кожаную ручку портфеля. Продемонстрировал маленький ключик.

— Я бы советовал проглотить, — сказал он и опустил ключ Биллу в нагрудный карман пиджака.

— Спасибо, — сказал Билл.

Было шесть часов вечера. Он предполагал отправиться минимум два часа назад. Причиной отсрочки, казалось, была вся его прошлая жизнь, его связь с этими людьми, с этим домом. Впрочем, неважно. Он получил портфель. Он получил то, за чем приехал. По правде говоря, он намного,

---

[73] Примечания: 73

Бромптонская оратория — католический храм в Бромптоне, в центральной части Лондона.

намного больше получил. Если будет время, он позвонит Рите с Паддингтонского вокзала. Обронит парочку намеков, подразнит ее. Интересно, когда там закрывается цветочный киоск? Явиться на ферму с таким букетом роз, какого она в жизни не видела.

— А Чарли где? — спросил он. Чарли должен был подбросить его до вокзала.

— Причесывается, — сказал отец не без издевки.

— Он скоро облысеет, — заметил Билл.

— Ничего подобного, — сказала его мать. — Какую чушь вы оба несете.

Колин вкатил столик на колесиках. Второй круг ранней вечерней выпивки. Подняли стаканы к губам, как чужие друг другу люди в баре.

Вошел фланирующей походкой Чарли. Ему слышались, возможно, аплодисменты или смех. Взял у Колина стакан и выпил, что в нем было, как воду.

— Готов? — спросил он.

Пришло время. Билл повернулся к отцу.

— Пока, папа.

— Пока, Билл.

Из-за портфеля он не мог, однако, обнять отца. Улыбнулся матери, но постарался не думать о

ней. Казалось невероятным, что когда-то он в ней жил, плавал в ней, во мраке ее тела.

— Берегите себя, — сказал он.

— Не ждите меня, ложитесь спать, — сказал Чарли.

Братья вышли на слабо освещенную площадь.

— Может быть, мне надо было дать что-то Колину? — спросил Билл.

— Рукой, что ли, его удовлетворить?

— Я про деньги.

— А у тебя они есть?

Они сели в машину и поехали в Сохо.

— По глотку на дорогу, — сказал Чарли. — Прикрой цепочку рукавом пальто.

Он помог Биллу это сделать, и они поднялись по лестнице.

В клубе некто с лицом развалины поцеловал Чарли руку, посмотрел на Билла, на портфель, на пальто, ухмыльнулся и попробовал подмигнуть, но лицо вышло из послушания, и он выдал всего лишь тик, малярийную судорогу. Пропустили по две порции. Сегодня был другой бармен, и он наливал честно. Когда стали спускаться на улицу сквозь розовую обшарпанность лестничного пролета, Чарли шел впереди, проверяя, нет ли грабителей.

В машине зажгли свежие сигареты.

— Я вот что тебе скажу… — проговорил Чарли, но продолжения не последовало — ни когда въезжали на Чизикский путепровод, ни даже потом, когда Лондон начал растворяться в темных складских дворах, в расширяющихся промежутках между натриевыми фонарями.

— Я очень удивлюсь, — сказал Билл, — если окажется, что тут Паддингтон.

— Я тебя доставлю домой, — сказал Чарли. — В поезде какой-нибудь *клумник*[74] тебе перочинным ножиком кисть отхватит.

Билл кивнул. Это представлялось возможным. Джин уютно обволакивал его, печка грела на полную. На некоторых участках дороги стекло окна подрагивало, на других, более ровных, стояло смирно. Проезжали сплошные ряды маленьких кирпичных домов. На перекрестках свет разливался большими лужами. Крупные дорожные знаки показывали на запад: сколько докуда миль, дороги класса B, близость собора.

В бардачке нашлось полбутылки бифитера.

— Мы только пригубим, — сказал Чарли.

Где-то слева — аэропорт. Билл стал высматри-

---

[74] Примечания: 74
Никчемная личность (*идиш*).

вать огни кружащих самолетов.

— «Харрикейн» или «спитфайр»? — спросил Чарли.

— «Харрикейн», — ответил Билл.

— Второй модификации?

— Естественно.

— Несмотря на сомнительные топливные баки?

— Дело житейское.

— Ты бы в асы мог выбиться.

— Ты тоже.

На какое-то время они вновь обрели свой мальчишеский способ разговаривать. В двенадцать и десять они видели себя заложниками, юными пленниками опасного иностранца и женщины, с которой он делит постель и секреты. У них были шифры, они передавали друг другу предупреждения, порой крались ночью по большому дому на поводке луча от фонарика. В поисках чего? Еды, оружия, признаков секса… Правды об отце? О себе?

После Мейденхеда дорога выпрямилась. Машина пропарывала темноту.

— Повидаешься с Ритой, — сказал Билл. И засмеялся: выглядело нелепостью.

Чарли потянулся за джином.

— Зачем оно нужно? — спросил он.

— Что — оно?

— Супружество.

— Ну, на это есть ответы, — сказал Билл. Он взял у брата бутылку, обтер горлышко и глотнул.

— Я вот не из тех, кто женится, — сказал Чарли.

Из каких Чарли, если не из тех, они никогда не обсуждали. Чарли существовал; у него были свои интересы; у него была пурпурная машина. Человек с лицом, похожим на раздавленную розу, поцеловавший ему руку в баре, называл его Карлоттой.

— Мне иногда кажется, — сказал Билл, представляя себе Риту за чтением романа о марсианах, прислонившуюся спиной к «рейберну», лицо спокойное, словно она серьезная сестра Риты, танцевавшей под радио, — что сейчас я хуже ее знаю, чем раньше. Понимаешь меня?

— Чем раньше, когда она была просто для переспать.

— Ее отец пытался сжечь свой собственный дом.

— Наш, может быть, успешно сжег парочку.

— Там не в страховке было дело. Своего рода протест.

— Ну, гражданин имеет право сжечь собственный дом. У нас Англия.

— Похоже, не имеет. Он в дурдоме сейчас. Постарайся не упоминать об этом, когда вы увидитесь.

Безлюдное здание городской администрации в Слау; правый поворот близ Таплоу. Езда сквозь Рединг потребовала сосредоточенности. Билл тоже сосредоточился, хоть и был не за рулем. Миджем, показалось, эвакуирован. С ревом пронеслись через Тэтчем.

Неведомо где они остановились отлить в темноту. Машина тихонько пофыркивала у них за спинами. Поехали дальше. Бутылка опять перешла из рук в руки. На пять минут или на полчаса Билл заснул. Проснувшись, захотел поднять руку и почесать себе ухо, но цепь не дала. Он выругался, потом засмеялся.

— Тебе свой собственный клуб надо открыть, — сказал он.

— У папаши, думаешь, много денег осталось?

— Спроси его, — сказал Билл. — В клубе больше смысла, чем в моих начинаниях.

— Но это же *твои* начинания, — сказал Чарли. — Мне казалось, я доходчиво это объяснил.

Дорога была обсажена деревьями, а потом деревья кончились. Время от времени на повороте

фары прочесывали какое-нибудь поле. Промахнули мимо дома, крытого соломой; он был выкрашен в розовый цвет, над трубой вился дым. Биллу пришло в голову, что можно бы и снять наручники. Где они ни едут сейчас — Уэссекс, меловые холмы? — тут, конечно, неоткуда взяться *клумнику* с перочинным ножом.

Заговорили о грядущем. Оба, оказалось, не верят в летающие автомобили.

— Во что ты веришь? — спросил Билл.

— В наслаждение, — сказал Чарли.

— Потому что твоя жизнь вся из него состоит?

— И мы станем вегетарианцами. Все как один.

— Надеюсь, что нет, — сказал Билл.

Они не могли вспомнить, проехали ли через Марлборо. И не были вполне уверены, что все еще едут по A4. Дорога стала уже, тут и там на ней языками лежал снег.

— Да нет, мы не заблудились, — сказал Чарли. — Мы по-прежнему держим путь на запад. Это по звездам видно.

— Да нет там никаких звезд, — сказал Билл.

Они ехали уже не один час. Очередная «житан» из пачки. Вымахнули на гребень холма, на который поднимались, толком не сознавая того. Дальше левый поворот — Чарли свернул.

— Так лучше будет, — сказал он. — Конец объезда.

Дорога пошла вниз. Она была у́же предыдущей.

— В следующий раз мы тебе сошьем у мистера Ненцеля костюм, — сказал Чарли. — Мужчина без костюма…

— У Ритиного врача, — сказал Билл, — тоже, я думаю, могут быть цифры на руке. Он начал мне однажды про эти дела. Мы в гостях были.

— Они сбривали у женщин волосы, — сказал Чарли. — Потом, после. И делали из них носки для экипажей подводных лодок.

— Это правда?

— Набивка для матрасов, судовые канаты. Вообрази, сколько волос уйдет на канаты для одного корабля.

— Нет, — сказал Билл. — Не буду воображать.

Часы в машине были совмещены с тахометром. Билл наклонился посмотреть, который час, и в этот момент машину повело в сторону. Она завалилась на бок, а потом на крышу. Звук, отчасти из-за воплей братьев, был громкий; потом все утихло. Лежали вместе на теперешнем полу машины. Минута, другая. Билл открыл глаза. Этот новый мир не поддавался осмыслению. Что-то

тяжелое лежало поперек груди, оказалось — рука Чарли. Откуда-то свет. И непонятный тикающий звук, сильный запах бензина. Что-то не так с левой скулой, что-то нехорошее с правым коленом. Он проверил подвижность. Одна рука была свободна. Она помахала ему, как машут марионетки. Другая стиснута — или не стиснута, а поймана в какой-то капкан, в ловушку, и ему понадобилось несколько секунд, чтобы вспомнить. Он позвал Чарли по имени — ответа не было. Он зашевелился, начал бороться. Больно, но деваться некуда. Нашел дверь; она не открывалась, заклинило. Нащупал кругляш стеклоподъемника. Окно открылось снизу вверх. Он выполз на снег. Одна фара еще горела. Очень медленно встал. Портфель болтался на запястье. Он не мог вспомнить, куда отец положил ему ключ. Свободной рукой обыскал себя и нашел его в нагрудном кармане. Ковыляя, выбрался на освещенное место и попытался отстегнуть наручники. Ключ не подходил. Он был либо от других наручников, либо вообще от чего-то другого. Отец ошибся — или это шутка его такая.

Встав на четвереньки, запустил руку в машину. Когда коснулся ступни Чарли, она дернулась. Начал подтягивать его к окну. Чарли вопил, но Билл

тянул его и тянул. Он не знал, что еще делать; думал, машина может взорваться. Вытащил ступни, потом ноги. Будто коровьи роды, подумал он, веревка нужна, чтобы принимать. Когда выволок целиком, потащил по снегу под луч горящей фары. Она постепенно меркла. Сквозь ее свет Билл разглядел деловитое начало очередного снегопада. Он сел на снег рядом с поваленным дорожным знаком, вероятно, предупреждавшим, что дорога закрыта.

— У нас авария, — прохрипел Чарли. Холод, похоже, оживил его, но сесть он не пытался.

— Послушай, — сказал Билл, — нам нельзя тут оставаться.

Он встал на ноги. В колене пульсировала боль, в щеке тоже. Он увидел, что нет одного ботинка. Вернулся к машине, опустился на колени у открытого окна и шарил, пока не отыскал. Надев ботинок (пальцы слишком окоченели, чтобы шнуровать), обнаружил, что Чарли стоит, слегка покачивается и разговаривает сам с собой.

— Мы какую-нибудь ферму найдем, — сказал Билл. — Деревню.

Чарли держал что-то на ладони, похожее на зубы. Двинулись обратно вверх по дороге, по которой ехали под гору. Чарли наваливался на Билла.

Хныкал. Каждые десять шагов останавливались передохнуть. Казалось, они не продвигаются вовсе. Из-за чего-то — может быть, просто из-за характера своих травм — они забирали влево. Прошли сквозь полосу деревьев. Когда оставили их позади, начались сугробы, и стало ясно, что они уже не на дороге. Самое разумное — повернуть назад — почему-то было немыслимо. Все, чему следовало произойти, должно было произойти впереди, в сером безлюдье, в которое они углублялись. Биллу подумалось, что он, может быть, тут и умрет, прикованный к портфелю, полному денег, подле собственного брата. Какой-нибудь уилтширский фермер заметит необычную суету воронья, перепилит цепочку, закопает трупы на поле, а «ягуар-и» спрячет у себя в сарае.

Местами снег доходил до середины бедра. Они выдвигались в открытое море. Усилия — невероятные. Чарли сникал, начинал валиться, может быть, терял сознание. Билл орал на него, расталкивал. Что́ он ему орет — сам не знал. Несмотря на холод, его прошибал пот. Он прочесывал свой ум в поисках того, что помогло бы держаться. Деньги давали ему десять шагов, Рита еще десять, ребенок еще пять. Мелькнула мысль оставить тут брата. Обвинить его никто не

сможет. И не узнает? Потом он нашел в себе гнев и подбросил его в топку; судя по всему, у него был запас, нечто данное по праву рождения, часть достояния взрослого мужчины — этот террикон притупленных желаний. Билл усердствовал за обоих, портфель казался трупом животного, прицепленным во исполнение какого-то проклятия, древнего наказания; а другой рукой он стиснул талию брата. Вдруг поле встало перед ними снежной наклонной стеной в три их роста. Она светилась. Билл, отдуваясь, разглядывал ее. Показалось, он знает, что это такое. Тряхнул брата, и они с натугой начали подниматься, будто против тяжкого прибоя. Наверху увидели рельсы — двухколейный путь, — а на отдалении мигал сквозь толщу падающего снега зеленый огонь семафора.

Часть третья
Жить своей жизнью

1

Это было то самое викторианское кладбище, где лежал его отец. Он поднимался по склону в поисках могилы, идя дорожками среди теснящихся, почти наваливающихся друг на друга надгробий. Снег сбил его с панталыку. Без него, думалось, он бы нашел. Эти могилы — бледный камень, вокруг ухожено — были военные. Так что же, тут налево? Налево и еще вверх, за деревья? Где-то позади него хоронили горемычное тело Стивена Стори. Он, прежде чем сюда, постоял в кладбищенской церкви, не заходя глубоко. Там очень мало кто был. Мать Стивена, с ней женщина примерно того же возраста, она стояла рядом и иногда принималась ее утешать. Иэн, медбрат из психиатрической. И Ортон, полицейский, он был в гражданском; когда Эрик вошел, он обернулся на звук и кивнул ему коротко. Капеллан говорил нараспев, монотонно, как их всех, должно быть, учат. Прискорбная утрата, полевые цветы, тайна нашей жизни. Никаких попыток спеть гимн. Давно ли сюда начали допускать самоубийц? Или тут всегда был угол неосвещенной земли для викторианских поэтесс, ложившихся в постель

со склянкой стрихнина?

Когда вошли носильщики взять гроб, он выскользнул перед ними наружу и пошел к кладбищенским воротам, а за воротами двинулся вверх, ища отца.

Куда кладут Стивена, где тут новые участки, он не знал. Должно быть, вырыли экскаватором, земля мерзлая. Могилы, мимо которых он сейчас шел, с горестными ангелами, с каменными венками и урнами, с каменным плющом, вокруг которого вился настоящий плющ, были из старейших. Он приостановился прочесть дату: 30 марта 1863 года. Почти ровно столетие! Какие в том году были новости? Мы воевали? Когда была Крымская? Раньше? Позже? Внезапно вспомнился учитель в младшей школе, читающий вслух стихотворение Теннисона про атаку легкой бригады и отбивающий ритм той самой линейкой, какой он бил мальчиков по рукам и под коленки.

Дошел до скамьи. Она тоже была в память о ком-то. Смахнул снег рукой в перчатке и сел. Вчера вечером, около девяти, скончался Хью Гейтскелл, лидер лейбористов. Причина смерти была не вполне ясна. Вроде бы плеврит, хотя упоминали также про почки. Пятьдесят шесть лет. Порядочный, принципиальный человек,

ему сулили должность премьер-министра. Не во всем был прав (ошибался насчет Европы), но порядочный — отважный и порядочный. «Геральд» вышла с большим заголовком на первой странице: «Мир скорбит». Жена в конце была с ним. Держала, как пишут, его руку.

Он зажег сигарету, но, не успев затянуться, почувствовал, что плачет. Вероятно, по Гейтскеллу, вместе со всем скорбящим миром; но он знал, что есть и другие тени, претендующие на положенную дань расстройства, и понял, что наконец нашел подходящее место. Длилось недолго — короткий шквал, десяток судорожных вдохов и выдохов. Он был удивлен, поражен даже — но и доволен. Когда миновало, воздух стал чище. Он был малость не в себе от недосыпа (все еще в гостевой комнате и понятия не имел, когда это кончится и кончится ли), и несколько секунд он смотрел на себя вдоль дорожки, туда, где за поворотом, неумолчно болтая, исчезал то ли его отходящий дух, то ли некая его отвалившаяся часть, шумная и ограниченная. Пока, старый друг. Не торопись обратно.

Потом чье-то приближение вывело его из забытья. Он вообразил себе колыхание провожающих гроб. Встал и был готов быстро уйти, но увидел,

что это всего лишь Иэн, медбрат, поднимается по склону один, тоже с сигаретой.

— Всё уже, да? — спросил Эрик издали.

— Всё, — сказал Иэн, с усилием подходя ближе. — Или почти. Мне-то до конца незачем было.

— Чутко с вашей стороны, что пришли.

Медбрат пожал плечами.

— Мы стараемся, чтобы кто-нибудь от нас был.

— Это правило у вас?

— Официального нет, сколько я знаю. Но без этого запросто могут быть только капеллан и похоронщики.

— Родня не приходит.

— Никому они не нужны.

— Его все же кто-то провожал. Стивена.

— Да.

— Я отца хотел отыскать, — сказал Эрик.

— Он тут?

— Да, умер в шестидесятом. Но тут лабиринт.

— Не нашли, значит.

— Нет.

Они вопросительно оглядели старые надгробья вокруг. Стоять на месте было холодно. Потушили сигареты и аккуратно сдвинули окурки на край дорожки.

— Как вы назад? — спросил Эрик.

— Автобусом.

— Давайте я вас подвезу.

Стали спускаться с горки; город перед ними был похож на поле выжженной стерни.

— Новая машина? — спросил Иэн. Он помнил его «ситроен».

— Да, — сказал Эрик.

Это была «хиллман хаски», машина, считал он, для мелкого бакалейщика. Мотор как газонокосилка, все дребезжало. Одна из его власяниц. Он купил подержанную за тридцать фунтов. «Ситроен» по-прежнему стоял у Габби под брезентом. Отремонтировать, конечно, можно, но только там, где его, Эрика, не знают. Тут ведь не коробка передач барахлит и не дерево на крышу упало. Выглядело ровно тем, чем и было. Может быть, в какой-нибудь гараж в одной из тех частей города, где машинам частенько так достается и никто не будет задавать лишних вопросов.

По дороге говорили про Гейтскелла. Иэн тоже был за лейбористов. Он считал, что партию теперь возглавит Вильсон, но Эрик думал, что, скорее всего, это будет Джордж Браун. С Брауном профсоюзы. Приятно было толковать про политику, безличная страсть давала отдых.

У больницы медбрат вышел, а затем наклонил-

ся пожать руку через окно. Эрик смотрел, как он идет к зданию. Иэн ему нравился. Он бы охотно рассказал ему про отца, начинавшего бригадиром пути, объяснил бы или дал понять, что они, с маленькой натяжкой, люди из одного класса, что у них одни и те же классовые враги. Они могли бы, в принципе, подружиться. Но вообразить себе Иэна у них в коттедже в обществе Дакуэртов и лондонских приятелей Айрин! Бедняга будет стоять со стаканом в углу и думать, скоро ли удастся унести ноги, не нанося обиды.

Как обычно, снаружи маячило несколько фигур; пациенты ежились от холода, бесцельно бродили по автомобильной дорожке и по бетонным тропкам вокруг больницы, убивали время. Они-то из какого класса?

Он начал разворачиваться в три приема и, давая задний ход (почему бы аккуратненько не покарябать директорский «вулзли»?), увидел в зеркальце знакомое лицо. Остановился и опустил стекло. Через несколько секунд лицо показалось в окне.

— Вы Мартин, да?

Пациент кивнул. В желтых пальцах он держал коробочку.

— Сможете ей отдать?

— Кому?

— Моей дочке. Вы ведь с ней рядом живете?

— Да. А что это?

— Волчки. Мы их делаем в мастерской деревообработки у мистера Хичкока.

Он протянул ему коробочку через окно. Деревянную, с крышечкой на петлях, очень ладно сработанную.

— Можно посмотреть?

— Если хотите.

Эрик положил коробочку на колени и открыл. Внутри — три симпатичных деревянных волчка. Один был необычный.

— Этот, — сказал Мартин, — когда закрутите, кувырнется на голову.

— Да?

— Надо чуть потренироваться.

— Если они для детей, у них для тренировки уйма времени. Да вы бы и сами могли ей отдать.

— Раз уж вы тут, — сказал Мартин.

На него подул ветер, и он, показалось, пошел рябью, как сухая трава. Его жизнь, подумал Эрик, выхолощена до полной незначимости. Пациент психбольницы; человек, которому ни малейшего удовольствия не дано извлечь из взгляда на свою прошлую жизнь. Но было в слабеньком свете его

зимних глаз некое аспидное величие, как будто катастрофа вознесла его в вышину, вычистила его чуть ли не на зависть другим.

После разговора с Ритой на вечеринке Эрик во время рутинного посещения больницы — помня, помимо прочего, слова директора, что хорошо бы он пересмотрел лекарственную терапию Мартина Ли, прекратил его «ночные блуждания», — достал его историю болезни, потертую бумажную папку, куда, похоже, давно никто не заглядывал. Он прочел короткую запись про пожар. Свой собственный дом! Потом, на следующей странице, увидел добавленное чернилами на полях — без даты, без подписи — о том, что Мартин Ли в апреле 1945 года был в составе британских войск, освобождавших концлагерь Берген-Бельзен.

— Что-нибудь ей передать на словах?

Мартин покачал головой.

— Ясно, — сказал Эрик. Положил коробочку на пассажирское сиденье и поднял стекло.

2

Во сне он снова шел и шел по железнодорожным путям. Портфель превратился в чемодан, где, он понял, было все, что ему удалось схватить за считаные минуты перед бегством. Брат стал неким оборотнем, големом, руке, обхватившей его, было жарко, и лучше было в него не вглядываться. И во сне они не нашли дом, чей хозяин (он разводил декоративных домашних птиц) встретил их с дробовиком, подумав, что в птичник лезут лисы. Они что, начали издавать лисьи звуки? В доме Чарли вырубился. Дивана у хозяина не было, поэтому они положили его на пол и накрыли попоной (он держал лошадей). Он заварил крепкий чай. Перекусил по просьбе Билла цепочку наручников (для его болтореза ее звенья были как нитка). Утром отвез их в Дивайзис в больницу. Свое имя-фамилию не назвал и их не спросил. Он был из тех, кто не ест покупного мяса, кто носит шляпу с фазаньим пером и это не выглядит нарочито.

Проснувшись, Билл потянулся рукой поперек кровати, но Риты не обнаружил. Переворачиваясь на спину, он поморщился. Он все еще был

разукрашен синяками, иные — изрядной величины. Колено было в повязке, нога, если не сгибать, действовала, но шагнешь неаккуратно — и почувствуешь. Темный фонарь под глазом за неделю стал желто-зеленым. Челюсть была не в полном порядке, хотя, в отличие от Чарли, зубы он сохранил.

Деньги лежали под кроватью. Он не мог пока еще сесть за руль — разве только на следующей неделе. Тогда, безусловно, даже Гаррисону трудно будет сохранить хладнокровие. Он поручит служащему проделать то, что Билл уже проделал, включив свет и задернув занавески у себя в кабинете. Служащий справится быстрей, поможет засаленный резиновый напальчник, но результат будет тот же. Сумма, до фунта, ровно такая, как сказал отец.

Когда он, распахнув портфель и вывалив деньги на кухонный стол, показал их Рите, она, естественно, превратила все в игру. Он грабитель банков, она его маруха; он Клайд, она его Бонни. Но игра, как будто она девочка и не может не переключаться, скоро кончилась. Она принялась готовить ланч (открывала консервы, делала тосты), предоставив ему убирать деньги обратно и чувствовать себя человеком, чья новость не про-

извела желаемого фурора, чья шутка оказалась не такой смешной.

Он вычистил и смазал дробовик мистера Эрла. В мастерской лежала коробка с розовыми патронами, в паутине, но, вероятно, еще пригодными. Он велел Рите держать язык за зубами, никому не говорить про *гелт*, про деньги, пока они хранятся дома. «Кому, например, я могла бы сказать?» — спросила она. Он назвал миссис Кейс в магазине. Она кивнула, казалось, поняла, но затем добавила длинный список людей, лишь часть из которых он знал. Он досадовал на нее. И непонятно было, почему она ни разу после его возвращения не посмотрела ему в глаза.

Он поднял голову, чтобы увидеть зеленые стрелки будильника. Почти четыре. Доить утром, слава богу, будет Тедди. Сам он еще не в состоянии. Один толчок коровьего зада, и он на полу. Быку, сказал Тедди, пора обратно к стаду, он смурной делается. Билл согласился и попросил Тедди этим заняться. Сможет он? Ну конечно, ответил Тедди. Что такое бык? Большой щенок, в сущности. Биллу пришло в голову, что будущее, в котором он дает подчиненным указания, пожалуй, предпочтительнее будущего, в котором он все делает сам.

Если Рита в ванной, то что-то долго. Он напрягся, вслушиваясь в безмолвие. Диковинное чувство, что дом, в свой черед, вслушивается в тебя…

На днях он еще раз написал на ферму «Чахлое дерево» ирландцу, у которого примерно такое предприятие, как он задумал. Сейчас, когда есть деньги, когда путь открыт, уверенности у Билла поубавилось. Нужны более подробные советы, а то как бы не заплутать. Думая о деньгах, о том, что можно получить за десять тысяч фунтов, он нет-нет да представлял себе, что уходит от всего этого безумия — от этой фермы, скотины и прочего, — уходит иногда с Ритой, иногда без. Половина суммы может дать ему пятьсот акров в Аргентине. Может дать лошадей, слуг…

Он задремал, потом сел в кровати. Часы показывали четыре двадцать. Он вытолкнул себя из-под одеяла и проковылял к двери. Прошел темным коридором к ванной. Дверь ее была открыта, свет не горел. Он дернул шнур выключателя, заранее щуря глаза. Из одного крана капало, он подошел прикрутить. Бросил взгляд в окно, но там был только он сам в оболочке мрака.

Подошел к лестнице.

— Рита?

Собственный голос прозвучал в его ушах деморализующе. В доме было холодно до нелепости. На прошлой неделе он заказал в одной бристольской компании два новых конвекционных обогревателя высшего класса. Если все сложится удачно, привезут в понедельник-вторник. Один в спальню, другой в ванную. Для начала.

Он зажег в спальне свет, натянул джемпер (пахнущий коровами), толстые носки (в соломенной трухе) и спустился вниз. Зашел на кухню. Ожидал найти ее там, на обычном месте около «рейберна», но кухня была пуста. Прикоснулся к бокастому заварочному чайнику. Холодный. Заглянул в кабинет и пошел обратно наверх. Из-за коленки ходить вверх-вниз было не очень удобно, вся нагрузка падала на другую ногу. Заглянул в комнату, где хранились яблоки. Прокричал ее имя. Уж не играет ли она в какую-нибудь глупую игру, не прячется ли в гардеробе? С нее станется. Он открыл гардероб в спальне. Ее одежда, его. Запах ее платьев.

Спустился к передней двери. С тех пор как у них поселились деньги, он держал ее запертой. Сейчас увидел, что засовы отодвинуты. Запихнул ноги в сапоги, снял с вешалки пальто. На полке над крючками лежал фонарь, но в шкафу под

лестницей у него был более яркий, и он взял его. Снаружи отправил луч через двор.

— Рита?

Уже, должно быть, полпятого или без четверти. С Тедди встречаться желания не было. Не хотелось, чтобы Тедди увидел, как он рыщет по темному двору в поисках жены. Прохромал к шиппону. Посветил фонарем на гузна коров. Некоторые повернулись к нему мордой, и их глаза вспыхнули, как странные стекляшки. Он двинулся к большому сараю, зовя ее на ходу. Автомобиль, ванна, лежащий уличный фонарь, пони, сухостойные коровы. Больных коров не было. Теперь, когда доил Тедди, скотина благоденствовала.

Обратно во двор. Встал у навозной кучи, заставляя себя думать. Пошла по дорожке? Вышла в поле? Или лежит в постели и удивляется, куда он запропастился? Ковыляя, направился к тележному сараю. Что если она свернулась там клубком на соломе, голову положила вместо подушки на бок дремлющего быка? Но нет, бык не дремал. Он громоздился на худощавых ногах, как рояль. Он встретил его безмолвием еще более полным, чем ночная тишь, его мускусный дух был последним, что есть теплого на земле.

Обогнув тележный сарай, Билл пошел во фрук-

товый сад. В голове вел разговор с констеблем Хиллом. Лучше сказать ему не «похитили», а «увели силой», и, когда полицейский спросит, кто бы мог захотеть увести у него жену, он скажет — мой отец, ее отец, банда Ричардсонов[75], водитель библиотечного фургона (он приезжал в среду, но она не захотела ничего взять). И едва только пришла мысль, что он сам ее убил, что он задушил ее и закопал в поле, будто мертвого теленка, что все эти поиски лишь притворство, отчаянные десять минут самообмана, прежде чем нагрянет непереносимое чувство вины, — как луч фонаря зацепился за ее золотистые волосы и он увидел ее стоящей под деревом у калитки сада. Она смотрела в поле.

— Что ты здесь делаешь? — спросил он.

Она повернулась, мигнула от фонаря.

— Послышалось, кто-то приближается, — сказала она.

На ней был ее дафлкот, но на ногах только носки, в которых она спала. Он подхватил ее и, шатаясь, понес в дом. Он был как Франкенштейново чудище, уносящее из деревни какую-то несчастную. В доме закрыл дверь спиной и от-

[75] Примечания: 75

Банда братьев Ричардсонов — преступная группа, действовавшая в Южном Лондоне в 1950-е — 1960-е гг.

нес ее на кухню. Посадил на один из стульев и подтащил стул к «рейберну». Стал растирать, разминать ей ступни. Потрогал ее руки, лицо. «Ты дико замерзла», — сказал он. Налил чайник до половины и поставил шипеть на горячую плиту. Всмотрелся в нее. Она сидела очень тихо, глядя перед собой пустым взором. Что она видела, видела ли вообще что-нибудь — поди пойми. Позвонить Габби Миклосу? (Простите, доктор, что разбудил вас. Тут у нас произошло странное…) Но вдруг не он, а Парри сейчас на вызовах? Хотя Парри, конечно, досюда гораздо ближе.

Он наклонился к ней и обнял. «Ну что ты, девочка моя». Прижал ее так крепко, как только осмелился. Через минуту по ней прошла глубокая дрожь. Она подняла руки, ее ладони легли ему на спину, и она обняла его ответно.

3

Топливный бак наполнили, и в доме было тепло. Пришла миссис Радж, которой долго не было, навела чистоту; Айрин избавилась от привычки прибираться к ее приходу. Она больше времени проводила в постели (в гостевой комнате), больше читала («Об использовании грамотности»). Вела долгие разговоры с Вероникой. В них не было ничего жизненно важного. Ее брак впрямую не обсуждали. Отчасти вернулись к былому обыкновению, к послеполуденным часам, когда они валялись на своих кроватях в комнате со скошенным потолком, с окном, глядевшим в сад (где летом их отец задирал юбки иве, чтобы покосить под ней траву). Дорого эти звонки стоили? Вероятно. Когда-нибудь Эрик, должно быть, предложит перейти на авиапочту. Сейчас, идя мимо, обходя ее, когда она сидела у лестницы с чашкой чая и телефонной трубкой, он шел тихо, кривя губы в напряженной маленькой улыбке.

Он вел себя очень вежливо, был очень внимателен. Купил нелепую новую машину — этакую жестянку для печенья. Они разговаривали. Она много думала об истории с расправой над «сит-

роеном». Если доведется с ним встретиться — с Фрэнком Райли, — как они будут общаться? Она тоже обиженная сторона, но он хотя бы что-то сделал в возмещение.

Не притрагивались друг к другу. Пару раз он потянулся к ее ладони, но ладонь при желании можно превратить в неживую вещь.

На животе у нее появилась вертикальная темная линия. Она спросила его, что это такое; показать не показала. Он ответил, что на латыни это называется *linea nigra,* после родов исчезнет.

Он сказал, что через стетоскоп она сможет услышать сердцебиение. Дал ей свой в кожаном футляре, она поднялась наверх, там перемещала по коже прохладное серебристое ухо, наконец нашла, и ей пришлось прикусить губу, чтобы не закричать.

Он спросил, не хочет ли она прокатиться в город — посмотреть фильм, поужинать у «Марко». Отказать? Она сочла, что это было бы бессмысленно и по-детски, и, так или иначе, ей захотелось. Слишком долго просидела в коттедже.

Была последняя суббота января. Министерство военно-воздушных сил намекнуло на оттепель, но пока было непохоже. На градуснике за окном кабинета Эрика днем редко поднималось выше

нуля, а ночью опускалось намного ниже. Поехали в Бристоль в новой машине, припарковались на Олд-Маркет-стрит. От этой улицы — в прошлом артерии — город отвернулся. Скоро она окажется по другую сторону от новой кольцевой дороги. Улица болтала ногами в восемнадцатом веке, в семнадцатом. На ней были магазины, куда надо войти, чтобы увидеть, что именно там продается. Единственным ярким местом был кинотеатр. В машине Эрик сказал ей, как называется фильм — «Ночь на Лисьей горе», — и она не стала ни о чем спрашивать. Теперь, под навесом кинотеатра, туго запахнув пальто, они рассмотрели афишу. На ней были чудовища (неудачное изделие Франкенштейна, человек-волк) и женщины с немыслимыми фигурами в немыслимых бикини. Ни один монстр, гласила афиша, еще так не наслаждался. Вы увидите, обещала она, как Франкенштейн твистует с мисс Голливуд. Это будет ночь скорее на Лысой горе, чем на Лисьей. Съемки велись в технике «Сексиколор».

— Я думал, — сказал Эрик, — это будет что-нибудь про Канаду или вроде того.

Подошел молодой человек с большим деревянным крестом. Он нес крест на плече, как винтовку.

— Тут за углом есть другой кинотеатр, — сказал он. — Зачем вам это.

Они двинулись за угол. Другой кинотеатр сиял не так ярко. Над входом тусклая неоновая надпись: «Континенталь». Внутри походило на бар или клуб, дымно, приглушенный свет, но вроде бы чисто. Большое фото Брижит Бардо, фотография Ингмара Бергмана. В фойе слонялись люди, которых Эрик мог бы назвать битниками. Он купил билеты на французский фильм под названием «Жить своей жизнью». Афиша была розовая, может быть, даже пурпурная, и с нее смотрела женщина с короткой стрижкой. Она не улыбалась. Взгляд прямой и трудночитаемый. Либо это, либо назад на холод.

— Вот бы свет вырубился, — сказал Эрик.

Но нет, все работало как надо.

Потом, у «Марко», они оба заказали каннеллони. Хотя были тут до этого всего два-три раза, Марко подошел к их столику, словно они его любимчики. Когда отошел (чтобы разыграть тот же спектакль у соседнего столика, вся жизнь у человека такая), заговорили про фильм. Что-то в «Континентале» — плюшевые сиденья, переменчивый свет, ну и сам фильм, конечно, — создало между ними новую атмосферу. Беседовали не

через силу, почти дружески — два человека в поездке, подуставшие, старающиеся извлечь из ужина максимум. Фильм оба восприняли с недоумением. Очень французский, скучноватый. У актрисы лицо красивой клоунессы. Если это серьезный фильм, то его серьезность прошла мимо них. Если своего рода комедия, то не смешная. Шалость? Но что забавного, когда люди произносят слова, ничего, в сущности, не означающие? Эрик захватил с собой журнал из фойе. Прочел ей что-то из статьи про этот фильм. В голосе Эрика она слышала Бирмингем, те его истоки.

— «Только поверхностный взгляд реалистичен», — прочел он и засмеялся. Он выпил один почти всю бутылку кьянти.

— Это экзистенциализм? — спросила она.

Он скользнул глазами по статье, пожал плечами.

— Лучше бы мы остались на Лысой горе, — сказал он.

Когда бутылка была осушена и Марко угостил их самбукой в маленьких стаканчиках (Эрик выпил оба), они поехали домой. В машине он курил, пепел презрительно стряхивал прямо на пол (машина как пепельница). Вечер был ясный, временами показывался лунный серп, он стал

виднее, когда выехали из города. Печка работала на полную, и в конце концов выдуваемый воздух сделался теплым. Не разговаривали. Ей подумалось, следующий повод, вероятно, будет, когда придет время пожелать друг другу спокойной ночи и разойтись по разным концам коридора. Она закрыла глаза. Ребристые сиденья не годились для беременных женщин, но ехать недолго. В голове она вновь прокручивала фильм. Он раскрылся в ней, как один из тех «волшебных» цветков из сухой губки, что дети помещают в воду; кажущейся пустотой своей, круглым испуганным лицом актрисы (лицом, поняла она, сильно напоминающим ей Ритино), хитрецой, неуклюжестью, длинными диалогами ни о чем («Чем больше мы разговариваем, тем слова меньше значат») фильм обращался к ней сейчас с такой прямотой, какой она не знала с тех пор, как девочкой посмотрела пятнадцатиминутную хронику «Конец убийствам». Это было как слово на новом языке — имя состояния, которого она не могла бы испытать без слова, не усвоив его. Она с волнением открыла глаза. Все переменилось — машина, луна, лицо Эрика (теперь лицо актера). Она смотрела на него, видела его сосредоточенность (на дороге попадался лед), видела, как он

хмурится в набегающую ночь. Можно просто сидеть тут, ничего не делать, ничего не говорить… но она больше не чувствовала неизбежности. Злости в эту минуту не было. Ни злости, ни страха, ни стыда, ни раны, которую надо лелеять, как придорожное святилище. А что взамен? Только это: дребезжание маленькой машины, шум печки, проблески света по сторонам дороги. Печаль, с которой можно ужиться. Некий новый интерес к себе самой.

4

В феврале снова снегопады. В ночь на пятое была метель, о которой синоптик по радио, чей голос раскачивался на волнах помех, сказал, что она худшая за зиму. Главный удар принял как раз юго-запад. Что было расчищено, освобождено (большей частью людьми с лопатами, серолицыми, диковинно веселыми), теперь опять погребено, завалено. Море вновь сковал лед. Ягнята рождались в снег и в нем умирали. Под осями угольных вагонов жгли костры, потому что уголь смерзался в неразбиваемое целое. В их деревне по дорогам стало не проехать — но можно было позвонить в Америку. Эрику из своего кабинета было слышно сейчас, что Вероника опять на проводе. Что у женщин за страсть к разговорам? Что за нужда истощить каждую тему, какая попадет на язык? Двоих мужчин — себя и Габби, к примеру, — представить за таким невозможно. Тем вечером у Габби, потом, после трех-четырех неизбежных вопросов и ответов, они сидели практически молча, читали медицинские журналы и слегка косели от его домашнего бренди. И в одном из этих журналов он увидел объявление,

которое в эту минуту аккуратно вырезал очень острыми ножницами из своей врачебной сумки. Есть нечто под названием Британская антарктическая служба. На их базу на шельфовом леднике Бранта им нужен врач. Здесь же — фотография базы. Похоже на цепочку скаутских хижин. Приведен адрес в Кембридже, по которому можно написать, чтобы получить дальнейшую информацию. Ему показалось важным, что он увидел объявление в тот самый вечер после случившегося, после события, инцидента, того, что и сейчас ему трудно было как-либо назвать, потому что как это назовешь, когда школьник идет вокруг твоей машины и выбивает окна крикетной битой, а его папаша тем временем целится в тебя из лука? Знал ли Габби, интересно, про это объявление? Не нарочно ли положил этот журнал на верху стопки? Не исключено.

Они хотели, чтобы человек вступил в должность к антарктической зиме, к концу марта. Это, конечно, значило бы пропустить роды. И что? Да, пропустить первые месяцы жизни ребенка, но в первый год отец так и так не играет важной роли. Деньгами он ее обеспечит. Она может, если захочет, перебраться к родителям. Может и в Америку перебраться к сестре, к старине Моррису — вот уж

кто настоящий кладезь скучного здравомыслия.

Это решение, он думал, не лишено элегантности. Верная нота. Если не считать полета в космос, самый полный уход со сцены из всех возможных. Неверный муж сделается там героем-полярником. Он окажется в обществе серьезных мужчин, трезвых, целеустремленных. Сообщество? Не этого ли он всегда искал? Он подумал, что его отец, если бы не отрекся от него напрочь, скорее всего, одобрил бы, счел бы правильным. А как Элисон воспримет? Чуть ли не ради этого одного стоит поехать. Фрэнк сообщит ей как шутку, она скажет: «О…» и отвернется, займется чем-нибудь пустым, и в голове у нее с лязгом, как бронзовые двери мавзолея, закроется ее жизнь. Впереди сорок лет с Фрэнком. Схождение в непривлекательность. И рано или поздно Фрэнк изменит ей, если еще не. Наверняка ведь чувствует, что имеет право.

Он положил ножницы и убрал объявление в ящик стола. Взгляд упал на коробочку, которую вручил ему для дочери Мартин Ли. Следовало бы уже, конечно, передать, но, раз она ее не ждет, то и не переживает из-за ее отсутствия. Он поднял крышечку, залез пальцами внутрь и достал волчок, который его заинтересовал, похожий на китайское яблочко, красный с зеленым, с

полудюймовой деревянной ножкой. Тот самый, что может прыгнуть на эту ножку, хотя, как и предупредил его Мартин, надо было слегка потренироваться. Закрутишь его слишком тихо, и энергии не хватит, переусердствуешь — и он начнет двигаться хаотически, будет подскакивать и слетит со стола, потом доставай его в пыльном углу кабинета. Он расчистил на столе место, взял волчок за ножку, изготовился и запустил. Но почти тут же схватил его снова и, откинувшись на спинку стула, повернул голову. Голос Айрин. Что там такое? Задняя дверь? Потом и сам услышал стук, вышел в коридор и открыл.

— Добрый день, — сказал он. — Что-то случилось?

Билл начал объяснять. Он был в комбинезоне. Тяжело дышал, раскраснелся, глаза большие. Он не пытался скрыть, что испуган.

— Понятно, — сказал Эрик. — Всё, бегите обратно. Я возьму сумку и за вами.

Сумка была в кабинете. Он закрыл ее со щелчком, потом снова открыл и положил ножницы. Когда надевал в прихожей сапоги, появилась Айрин.

— Что произошло? — спросила она.

Он сказал ей; быстрее было ответить, чем не

отвечать. Он потянулся за своим пальто, она за своим.

— Тебе-то зачем туда? — спросил он.

— Я тоже иду.

— Оставайся здесь, — сказал он.

— Она моя подруга.

— Там кошмар будет, — сказал он.

— Какая разница?

Она выдержала его взгляд. Это была та — и не совсем та — женщина, что в тот день, в тот теннисный уикенд, вошла под тень деревьев и нарочито удивилась, увидев его там. Он кивнул и схватил сумку, слегка недоумевая — что он потерял? И кого?

Он трусцой побежал по саду; она шагала следом, застегивая на ходу дубленку. Билл проложил тропку по свежему снегу, они двигались по ней. Стеклянистый февральский предвечерний воздух, просеянный свет, некая изнуренность покоя. Снеговик, который, показалось, и подтаял, и подрос, уже стоял безглазый, угольки, должно быть, лежали где-то под снегом. Перед калиткой в их сад Эрик остановился и оглянулся. Айрин прокричала ему что-то, похожее на «иди, не жди».

Передняя дверь фермерского дома была открыта.

— Я тут, куда мне?

— Наверх! — крикнул Билл издалека. — В ванную.

Он поднялся наверх. Дверь спальни была настежь, в ней скомканная постель, одежда на полу. Он прошел в ванную. Рита сидела на унитазе под наброшенным одеялом, привалившись к мужу. Глаза закрыты, лицо бесцветное, восковое. Билл посмотрел на Эрика с тем выражением немой мольбы, что, впервые когда-то увиденное в доме пациента, показалось Эрику столь впечатляющим.

Он присел перед ней на корточки. Обратился к ней по имени. Заглянул под одеяло.

— Я был снаружи, — сказал Билл. — Не знаю, когда это началось.

Эрик снял пальто и накинул на край ванны. Заметил мельком, что в окно их ванной видна часть его коттеджа. Он был в гернсийском свитере, без пиджака. Поддернул рукава и вымыл в раковине руки.

— Так, — сказал он. — Можете принести пару чистых простынь и еще одно одеяло?

Он хотел, чтобы Билл вышел. Когда он покинул ванную, Эрик вынул ножницы (лучше бы стерилизовать, но он только вырезал ими бумажку)

и перерезал пуповину. В унитазе было полно крови. Плацента, похоже, еще не вышла. Она произнесла несколько слов, как некая остолбенелая пророчица, служившая своему богу слишком долго, опустошенная прорицаниями.

— Я ничего не принимала…

Он кивнул.

— Очень больно?

Но она вновь отчалила, ушла за белизну своих опущенных век. Он подумал, что ей, пожалуй, не повредит глоток диаморфина. Склянка была у него в сумке. Она казалась решением всех проблем. За последние две недели он и сам несколько раз глотнул. Наверно, стоит взять склянку с собой в Антарктику.

Вошла Айрин. Ее он был рад увидеть. Попросил побыть с Ритой, пока он попробует вызвать вертолет. В больницу сейчас только вертолетом.

В коридоре встретился с Биллом, он шел нагруженный простынями и одеялами.

— Где у вас телефон?

Билл сказал ему. Эрик пошел вниз. В этой комнате он увидел ее тем вечером, ее лицо, освещенное огнем спички. Он позвонил в амбулаторию. Он не знал, кто сегодня смог туда добраться и смог ли кто-нибудь, но после третье-

го звонка ответила миссис Болт, и в кои-то веки он был рад ее голосу. Да, доктор Миклос тут, но у него сейчас пациент. Он попросил ее, тем не менее, соединить, она начала было возражать (она все, конечно, знала про Элисон Райли, про его машину; это изменило положение вещей), но он перебил ее и велел поступить, как ей сказано. Несколько секунд молчания, и подумалось, не бросила ли она трубку. Он уставился на дробовик, прислоненный к стене под окном. Успели мелькнуть две-три мысли, вспышки образов, жгучих, как желчь. Потом голос Габби, и все стало проще. Объяснений понадобилось очень мало.

— Естественно. — сказал Габби. — Я сделаю так, что они прилетят.

В ванной стоял конвекционный обогреватель, но он грел, казалось, только кусок воздуха над собой. Айрин сидела подле Риты на корточках, обняв ее за плечи. Билл стоял у раковины, все еще держа постельные принадлежности.

— Давайте снесем ее в кабинет, — сказал Эрик. — Там будет поуютнее. Можно сделать носилки из простыни.

Расстелили на полу сложенную вдвое простыню и подняли Риту. Скорее гамак, чем носилки. Пошли из ванной, Билл, пятясь, двигался впере-

ди. Хотя Рита пробыла на полу всего полминуты, на нем осталась кровь, и оба мужчины в нее наступили. Айрин задержалась в ванной. Когда услышала, что они начали спускаться по лестнице (пара грузчиков, обменивающихся указаниями и ободрительными возгласами), то сняла дубленку, поддернула рукав черного свитера и опустила руку в унитаз. Вода была тепловатая. Она не знала, правильно ли поступает. Прикоснулась, и оно скользнуло от нее. Подсунула ладонь снизу и подняла это в воздух. Мне всю жизнь, подумала, будет сниться, я никогда не сделаю это неувиденным.

Оно было чуть меньше ее ладони в длину и, несмотря на пленку крови, почти прозрачное. Ступни не больше ногтя на ее мизинце, на них десять пальчиков, явственно видимые коленки. Изгиб позвоночника — как перышко папоротника или рыбка, так и она сама сворачивается каждую ночь в постели в комнате над гаражом. Так и ее дитя сейчас выглядит? Конечно. И она сама была такая. И Рита, и Эрик, и охранники Берген-Бельзена.

На бортике в торце ванны лежала сухая и более-менее чистая на вид голубая фланелька. Она взяла ее свободной рукой, расстелила на плит-

ках подоконника над раковиной, разгладила и положила на нее дитя (да, дитя, так она должна о нем думать). Ножницы Эрика лежали на полу, и она подрезала ими пуповину. Из остатка стало сочиться, и она защемила его своей заколкой для волос. Завернула дитя, запеленала. Прикрыть личико? Да, прикрыла, бесконечная мягкость запечатанных глаз ушла под фланельку. Безусловно, не лучшее место, чтобы его оставить, но другого места не придумывалось, так что пусть уж тут, где взамен могильного камня пузырек с аспирином, где на макушку, которая не вся спрятана под ткань, ложится свет мира. Она вымыла руки. Попыталась понять, какими словами скажет Биллу о том, что сделала. Спускаясь по лестнице, услышала бездушный телефонный звонок, затем голос Эрика — судя по тону, вероятно, Габби на проводе.

В кабинете Рита лежала на софе, укрытая болотно-зеленым ковриком. Если бы кто-нибудь объявил ее мертвой, сомнений бы не возникло; только вблизи можно было разглядеть, что у нее подрагивают кончики пальцев. Айрин опустилась перед софой на колени, поцеловала Риту в лоб, стала отводить волосы с ее лица.

— Прилетят? — спросил Билл, когда Эрик по-

ложил трубку.

— Да, с базы в Йовилтоне, — сказал Эрик. — Должны быть здесь через полчаса. Если повезет, даже раньше. Позвонят, когда он будет в воздухе.

— Сесть можно будет в поле между нами, — сказал Билл. — У нее есть наверху красное платье. Да, я помню, что есть такое. Могу выйти с ним и махать.

— Хорошо.

— Слава богу, еще светло.

— Да.

— Они могут сесть и в темноте?

— Думаю, да. Если мы костер зажжем.

— Пару тюков сена намочить дизельным топливом, — сказал Билл. — Хотя сено сейчас на вес золота. Как и дизельное, если уж говорить.

Эрик кивнул. Он и слышал, и не слышал. Полез в карман за сигаретами, но вместо них нащупал что-то твердое, гладкое — он не сразу понял, что. Потом вспомнил про волчок, он, как видно, сунул его в карман, когда пошел открывать заднюю дверь. Билл смотрел на свою истерзанную жену с таким видом, словно до него постепенно что-то начинало доходить. Эрик вынул игрушку из кармана и незаметно положил на письменный стол рядом с предметом, который, он вспомнил, лежал

на полу, когда он в тот вечер заглянул к ним в окно; но сейчас, находясь внутри (в обстоятельствах, которые мог бы и предвидеть?), он понял, что это не будильник, а измерительный прибор, причем он, кажется, помнил его по летной школе, по бомбардировщикам. Он взял его, покрутил в руках. Манометр наддува? Какого черта он тут оказался? Он отвел руку с ним подальше. Вперед и чуть вправо, примерно туда, где увидел бы его на щитке рядом с тремя другими шкалами под выключателями зажигания. Он без труда вспомнил последовательность. Правый внутренний, правый внешний; левый внутренний, левый внешний. Потом все двигатели довести до тысячи двухсот оборотов. Включить компас. Переключатель «земля — воздух» в положение «воздух»…

Рита вскрикнула, судорожно дернулась и сорвала с себя коврик.

Эрик положил манометр на стол и подошел к ней. Посмотрел на нее.

— Молодцом, девочка, — сказал он. — Все будет хорошо.

Ну, и в сад теперь, над которым небо расчерчено ветками яблонь. Как легко стало перемещаться — ни малейших усилий! Другие, подумала она, впереди, она последняя. Дом — этот безнадежный

холодный дом — будет закрыт, заколочен. О животных кто-нибудь как-нибудь да позаботится.

Проходя через калитку, она увидела, что аппарат уже в поле, ждет ее. Гладкий серебристый правильный диск беззвучно покоился в морозном воздухе, как судно в тихой воде. Приблизившись, заметила, что корпус (сталь? стекло?) изрисован мелкими ожогами, ниточками шрамов — следами полета, тех невообразимых пространств, которые он преодолел, летя сквозь волокнистый шелк пустоты.

Нервозность, да, но скорее — приятное волнение. Она долго этого ждала, и вот теперь узна́ет. Один последний взгляд обратно, и она вошла. Корпус замкнулся за ее спиной. Хотя она видела внутри, как идти, свет был не очень яркий, и это к лучшему. Он весь, похоже, проникал сюда через маленькие овальные окошки, которые шли на равном расстоянии по гладким стенам салона. В центре его были сиденья. Билл и Эрик устроились рядом. Наконец они нашли, о чем поговорить. О чем-то техническом? Они обернулись, посмотрели на нее, улыбнулись, кивнули и продолжили свою беседу. Оба выглядели моложе, и их, кажется, радовало предстоящее приключение, которым они обязаны, может быть, ей лично.

Команда летательного аппарата не показывалась — видно, стесняются своего отличия. Ничего, еще обнаружат себя, всему свое время. Зачем внушать ненужную тревогу? Все это она понимала.

Она двинулась в обход салона, останавливаясь у окошек и выглядывая. Хоть она не почувствовала взлета — никакого обратного отсчета не было! — они уже находились на расстоянии от земли. Поле, ферма, коттедж, деревня. Железнодорожная станция, змеящиеся рельсы. А вон сланцевая крыша психиатрической больницы, крохотные фигурки на ее территории. Махать, конечно, никакого смысла, и все-таки она приподняла руку. Рядом с ней, не говоря ни слова, возникла Айрин. Она тоже переменилась, тоже выглядела помолодевшей, не отягощенной. Несколько секунд они всматривались друг в друга. Потом повернулись к окну и стали глядеть туда, сблизив лица, почти соприкасаясь щеками. Земля уже скрылась из виду. Они стремительно поднимались сквозь нежные световые слои. Повсюду вокруг, бессмысленно и чарующе, нескончаемый темный лёт снега.

Благодарности

Моя горячая признательность следующим лицам: Саре Аратун, Дэвиду Аратуну; Кэрол Уэлч и Джейн Бородейл; моему агенту Трейси Бохэн (от которой я услышал чудесное: «Пишите странно»); моему неизменно терпеливому редактору Федерико Андорнино и всей команде из *Sceptre,* моего издательства уже много-много лет. Кроме того — вновь, — я благодарен Беатриче Монти делла Корте из Фонда святой Магдалины, в котором писались и правились части этого романа. И, наконец, моей дочери Фриде, которая, не прочтя из этой книги ни слова, каким-то образом точно знала, чего я хочу в ней достичь, позволила мне гнуть свое и придавала мне храбрости.